
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 10, № 2 2021

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история;

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

---

Лавицкая Марина Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Щеголева Наталья Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: natali021orel@mail

---

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Лавицкая Марина Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

---

**Editorial Council of «Journal
of Public and Municipal Administration»**

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

---

Karadzhova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Lavitskaya Marina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Shchegoleva Natalia, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of Faculty of Law, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: natali021orel@mail

---

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Lavitskaya Marina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of Law and Comparative Law, Russian State University for the Humanities (Russian Federation, Moscow), e-mail: marinalv2010@yandex.ru

---

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

- Ливцов В. А., Эволюция системы государственной службы и подготовки 12
Саран А. Ю. кадров в Орловском крае в XVI – XX веках

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

- Борискин В. В. Всемирная промышленная выставка 1851 года в 23
восприятии русских современников
- Цай Ин Амурский речной транспорт во взаимодействии Амурской 30
области (Россия) и провинции Хэйлунцзян (Китай)
в 1990-е гг.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Гелла Т. Н. Национальный вопрос в Германии в 1861 году в оценке 49
английских современников (по материалам еженедель-
ника «The Spectator»)
- Шестакова И. А. Министерство по делам войны и колоний и администри- 61
рование британских колониальных территорий в конце
XVIII – начале XIX века
- Арбеков А. Б. К дискуссии о военно-политическом значении миссии 70
Н.Г. Столетова в Афганистане летом 1878 г.
- Цыбаков Д. Л. Орловский пехотный полк в русско-турецкой войне 1768– 81
1774 гг.: от дунайских походов до подписания мира
в Кючук-Кайнарджи

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Исаев А. В., Религиозная благотворительность в российском государ- 89
Матвиенко В. А. стве: ретрооценки эмпирии прошлого

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

- Коротков В. О. Жалование командиров полков «иноземного строя» в 101
России в 1650 – 1680 гг.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Абакумов С. Н. История строительства и последующих реконструкций 113
Мариинского (Красного) моста города Орла
в 70-х гг. XIX – XX веке

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

- Меркулов А. В. Развитие села Башкатово в XIX в. на примере деятельности представителей рода Тиньковых и барона Остен-Сакена 129

РЕФОРМЫ И ИНСТИТУТЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Орлова Л. Н. История развития оборонно-массовой работы в пионерской организации в 30-е годы XX века 144
- Королёв Ю. А. Феномен шведского масонства в русской и европейской истории 153
- Щербинин П. П.,
Букалова С. В. Организация психиатрической помощи душевнобольным воинам в годы Первой мировой войны 163

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

- Аронов Д. В.,
Левина И. Р.,
Смирнов И. М. Охрана первобытных племен в международном экологическом праве начала XX века 173
- Николаева Е. В. Беженство в начальный период Первой мировой войны: организационно-правовой аспект 180

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

- Полухин О.В. Формирование и развитие Орловского уезда: в XVI – начале XIX века 191

CONTENTS

HISTORY AND MODERN PRACTICE OF PUBLIC ADMINISTRATION

- Livtsov V. A.,
Saran A. Yu. Evolution of the public service system and training of personnel for it in the Orel region in the XVI – XX Centuries 12

RUSSIAN SOCIETY IN THE WORLD HISTORICAL PROCESS

- Boriskin V. V. World industrial exhibition of 1851 in perception of Russian contemporaries 23
- Tsai Ying Amur river transport in the interaction of the Amur region (Russia) and Heilongjiang province (China) in the 1990s 30

GLOBAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Gella T. N. National question in Germany in 1861 in the assessment of English contemporaries (based on the materials of the weekly «The Spectator») 49
- Shestakova I. A. Ministry of War and Colonial Affairs and administration of the British colonial territories in the late XVIII – early XIX Centuries 61
- Arbekov A. B. In addition to the debate on the military and political significance of N.G. Stoletov's summer mission to Afghanistan in 1878 70
- Tsybakov D. L. Orel infantry regiment in the Russian-Turkish war of 1768 – 1774: from the Danube campaigns to the signing of the peace in Kuchuk-Kaynardzhi 81

STATE, RELIGION, CHURCH

- Isaev A. V.,
Matvienko V. A. Religious charity in the Russian state: retro-assessments of the empirical past 89

HISTORY OF NATIONAL SECURITY AND STATE PROTECTION

- Korotkov V. O. «Foreign Order» regiments commanders' salary in Russia of 1650s-1680s 101

CULTURAL HERITAGE: HISTORY AND MODERNITY

- Abakumov S. N. History of the construction and subsequent reconstruction of the Mariinsky (Red) Bridge in the city of Orel in the 70s of XIX – XX Centuries 113

CONTENTS

A STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF STATE DEVELOPMENT

- Merkulov A. V.   Development of Bashkatovo village in the XIX Century on the example of the activities of the Tinkovs and baron Austen-Saken representatives   129

REFORMS AND INSTITUTIONS: HISTORY AND MODERNITY

- Orlova L. N.   History of the mass defense work development in the pioneer organization in the 30s of the XX Century   144
- Korolev Yu. A.   Phenomenon of Swedish freemasonry in Russian and European history   153
- Shcherbinin P. P.,
Bukalova S. V.   Psychiatric care formation for mentally ill soldiers during World War I   163

HISTORY OF LEGAL STATEHOOD

- Aronov D. V.,
Levina I. R.,
Smirnov I. M.   Protection of primitive tribes in international environmental law of the early XX Century   173
- Nikolaeva E. V.   Refugees during the initial period of World War I: organizational and legal aspects   180

HISTORY OF TERRITORIES DEVELOPMENT

- Polukhin O.V.   Formation and development of the Oryol district: in the XVI – early XIX Centuries   191

УДК 316.422:35.08(470.319)''15/20''

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-2-12-22

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

САРАН Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, зам. начальника научно-организационного отдела Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Management – a branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru

SARAN A.Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Scientific and Organizational Department, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ОРЛОВСКОМ КРАЕ В XVI – XX ВЕКАХ

EVOLUTION OF THE PUBLIC SERVICE SYSTEM AND TRAINING OF PERSONNEL FOR IT IN THE OREL REGION IN THE XVI - XX CENTURIES

Аннотация. Целью статьи является анализ эволюции системы государственной службы на территории Орловского края в XVI – XX вв. и развития системы подготовки кадров для нее. Выделяются несколько этапов: в XVI – XVII вв. специальная система подготовки служилых людей отсутствовала, служилое сословие обучалось в процессе практической работы. В XVIII – XIX вв., по мере дифференциации государственной службы на гражданскую, военную, дипломатическую, придворную и т.п., складываются системы общего и специального образования, которые дают профессионально подготовленных государственных служащих. А также характерно включение священно-церковнослужителей в состав чиновничества. Следующий период охватывает 1917-1991 гг., характеризуется включением в состав государственного аппарата кадровых работников коммунистической партии. Формируется многоуровневая система партийных, советско-партийных учебных заведений для подготовки и переподготовки управленческих кадров. Период после 1991 г. отмечен появлением универсального многоуровневого образовательного учреждения для подготовки и регулярной переподготовки государственных служащих – Российская академия народного хозяйства и государственной службы с десятками региональных филиалов.

Ключевые слова: государственная служба, государственные служащие, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, история профессионального образования.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the evolution of the civil service system on the territory of the Orel Region in the XVI – XX st centuries and the development of methods of training personnel for it. There are several stages: in the XVI – XVII centuries there was no special system of service people training, the service class was trained in the process of practical work. In the XVIII – XIX centuries, as the civil service was differentiated into civil, military, diplomatic, court, etc., the systems of general and special education were formed, which provided professionally trained civil servants. The peculiarity of this period is the inclusion of the clergy in the officialdom. The next period covers 1917–1991, and its peculiarity is the actual inclusion of the Communist Party cadres in the state apparatus. During this period, a multi-level system of party, Soviet-party educational institutions for managerial personnel training and retraining is being formed. Finally, the period after 1991 was marked by the emergence of a universal multi-level educational institution for civil servants training and regular retraining – the Russian Academy of National Economy and Public Administration with dozens of regional branches. The creation of the Central Russian Institute of Management – a branch of the RANEPА, completes the development of the regional system of civil servants training in the Orel Region.

Keywords: civil service, civil servants, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА, Orel region, the history of professional education.

Введение

Вопросы развития и совершенствования системы государственной службы были актуальными во все времена. Развитие аппарата государственного и местного управления, происходит как через реформирование его структур, так и посредством повышения квалификации госслужащих, которые являются основными путями модернизации. Исследование ведётся в контексте изучения процессов формирования и развития системы подготовки и переподготовки профессиональных кадров для государственной службы в контексте эволюции самой государственной системы в Орловском регионе. Рассмотрим оба эти направления на примере Орловского края, взяв за точку отсчета XVI в., когда появляются город Орел и Орловский уезд, и проследим развитие процессов до наших дней – то есть до начала XXI в. Исторический опыт может послужить основой для дальнейшего развития системы государственной службы.

Город Орёл был основан в 1566 году, а с 1571 года уже встречается упоминание Орловского уезда – основной административно-территориальной единицы Российского государства того периода. Воеводская власть являлась основной формой местного управления в России со второй половины XVI века до начала XVIII века. Срок службы воеводы длился обычно 1–3 года. Власть воевод носила всеобъемлющий характер – отсутствовало разделение властей, институты заместителей, сословного или общественного самоуправления. Профессиональное обучение воевод происходило в ходе их практической деятельности. Учебных заведений для подготовки государственных кадров в XVI – XVII вв. еще не существовало.

Князь Андрей Дмитриевич Палецкий¹ в

¹ Палецкий Андрей Дмитриевич (? – 25.09.1579), князь. В 1565 году – 1-й воевода в Орле, затем переведен в Новосиль. Отправлен с передовым полком к Великим

1565 году был 1-м воеводой сторожевого полка на реке Орёл (ныне – Орлик), то есть являлся первым государственным служащим будущей Орловщины. А строили город Орёл уже его преемники – князь Василий Васильевич Волк Ростовский² (воевода в Орле с 28 октября 1566 года по апрель 1567 года) и боярин Владимир Матвеевич Безобразов³ (воевода в Орле в тот же период).

В 1704 году стольник Иван Андреевич Посников⁴ назначается последним воеводой Орловского уезда. А последним орловским воеводой стал В.И. Козлов, который управлял уже не Орловским уездом, а Орловской провинцией в 1762–1764 гг. [15, 17].

Лукам против литовцев. В 1569–1570 гг. – 1-й воевода в Новосиле, несколько раз ходил в Поле против татар. Когда татары подошли к Новосилу в 1571-м, новосильцы дали им отпор и взяли языка, которого отправили в Серпухов. Палецкий сообщил об этом царю. В том же году его перевели воеводой в Орёл, а с весны следующего года он уже 1-й воевода в Дедилове. Затем стоял «на берегу» среди прочих воевод Большого полка в ожидании набега крымцев. Хан Девлет-Гирей пришел тогда с огромными силами и сумел переправиться через Оку. Однако русские воеводы нагнали его у с. Воскресение в Молодях (в 70 км от Москвы) и заставили принять бой. Хан был разбит наголову и бежал в Степь, оставив весь обоз и собственное знамя.

² Приимков-Ростовский Василий Васильевич Волк (1531–1630), князь. В 1558–1559, 1561 году – полковой голова в походах на Ливонский орден. Участвовал во взятии г. Тарваста. В 1562–1563 гг. – воевода во Мценске, в 1565-м – в Болхове, в 1567 году – в Орле. Скончался бездетным.

³ Безобразов Владимир Матвеевич (1508–1580) в 1558 году был 7-м головой в Большом полку в зимнем ливонском походе, в 1567 году – 2-й воевода в Орле. В 1570 году жалован грамотой, ему было позволено писаться с «вичем». В 1573 году, во время ливонского похода из Новгорода, находился при государе.

⁴ Посников Иван Андреевич (около 1655 – между 1710 и 1714), стряпчий (1670 год), стольник (1671, 1677–1692 гг.), дворянин московский (1676 год). Воевода в Орле (1704 год). Имение в Романовском уезде Ярославской губернии, а также пустошь Холодово Кромского уезда и с-цо Муришишо Владимирского уезда (1710 год).

К XVIII веку происходит разделение государственных служащих на военные и гражданские чины. А 24 января (4 февраля) 1722 года императором Петром I была утверждена «Табель о рангах», которая просуществовала до ноября 1917 года, а на некоторых территориях, не занятых большевиками, вплоть до октября 1922 года. В этом документе регламентировались особенности прохождения государственной службы не только военных и гражданских чинов, но и придворных, которые также становились разновидностью чиновничества.

В Российской империи с XVIII века по 1917 год губернатор являлся высшим правительственным чиновником в губернии. В этот период существует институт вице-губернаторов, а также сословное и общественное (земское с 1864 года) самоуправление. Первым губернатором Смоленской и Орловской провинций в 1776 году был назначен литератор и тайный советник Дмитрий Васильевич Волков (1727–1785 гг.). Как и прежние правители, он получил исключительно домашнее образование и только по ходу практической службы овладел азами и высотами государственной службы, занимая высокие государственные посты.

Другой особенностью периода развития государственной службы с XVIII века до 1917 года является включение церковных служителей в разряд чиновников, поскольку Русская православная церковь являлась частью государственной власти и управлялась государственным учреждением – Святейшим правительствующим синодом (1721–1917 гг.).

В 1725–1775 гг. в Орле действовало первое учебное заведение на территории будущей губернии – духовная школа для подготовки детей церковнослужителей к поступлению в Коломенскую семинарию. Следующими по времени открытия учебными заведениями на территории будущей Орловской губернии стали духовные школы в Ливнах и

Болхове, учрежденные в 1735 году по распоряжению епископа Сарского и Подонского Леонида [14]. Именно эти учреждения можно считать первыми учебными заведениями для государственных служащих, открытых в Орловском крае.

Очередной правитель – князь Александр Александрович Прозоровский (1732–1809 гг.), орловский генерал-губернатор в 1781–1783 гг., генерал-поручик, получил образование в специальном учебном заведении – Сухопутном шляхетском кадетском корпусе [13, 19], основанном в 1731 году. Отметим, что кадетский корпус был ориентирован на подготовку не только офицеров, но и гражданских чиновников. Соответственно и сам Прозоровский продвигал идею о подготовке государственных служащих в специализированных учебных заведениях – во время своего губернаторства он основал в 1783 году в Курске Благодородное училище для детей дворян Курской и Орловской губерний. Здесь стали преподавать русский, латинский и другие языки, историю и географию, математику, Закон Божий [16].

В 1789 году были образованы малые народные училища в Ельце и Мценске, а в 1796 году – в Болхове, Брянске, Трубчевске, Севске и Карачеве.

Для Главного народного училища в 1795 году было построено здание в Воскресенском переулке. В конце каждого учебного года устраивались публичные испытания, на которых всегда присутствовало много почетных граждан и представителей разных ведомств во главе с начальником губернии. На этих торжественных актах, кроме отчетов, произносились речи. Так, например, вышеупомянутый учитель искусств произнес однажды речь на тему «О достоинствах изящных художеств». В Государственном архиве Орловской области хранится переписка дирекции о посещении Орловского уездного училища 1850 года с министром народного

просвещения князем П. А. Ширинским-Шихматовым.

Выпускник П. Мальцев по Высочайшему указу был направлен учителем в Тифлис с чином XII класса, двое стали преподавать в Орловском главном народном училище, а трое посланы в города губернии, в малые училища. А ученик училища Василий Золотарёв в 1871 году стал членом Орловской губернской земской управы. Отметим также, что его внук Георгий Васильевич Золотарев стал председателем горисполкома Орла (март 1990 – ноябрь 1991 года).

В соответствии с Полным сводом законов Российской империи в зависимости от образовательного ценза выпускникам учебных заведений при вступлении в гражданскую службу были положены чины согласно Табели о рангах. Так, выпускники гимназий, окончившие курс с отличием, получали чин XIV класса – коллежский регистратор.

Кадетский корпус для Орловской, Тульской, Курской и Рязанской губерний был основан по указу Николая I от 31 декабря 1835 года. Средства на его создание были пожертвованы отставным полковником М. П. Бахтиным (1788–1838гг.) – бывшим командиром полка, квартировавшего в Орле. Пожертвование заключалось в 1,5 млн руб. и благоприобретенного имения в 2700 душ крепостных крестьян для устройства кадетского корпуса именно в Орле, а не в Туле, как предполагалось военным ведомством первоначально. Император Николай I после этого дара пожаловал Михаилу Петровичу генеральское звание, а М. П. Бахтин в знак признательности передал на строительство еще 400 000 руб. и свое родовое имение. Корпусу после этого было присвоено наименование Орловского Бахтина.

Четырехэтажное здание, в плане напоминавшее огромную букву «Н», было построено в 1843 году, и 6 декабря того же года состоялось открытие корпуса. В Орловский Бахтина кадетский корпус был зачислен и член импе-

раторского дома – великий князь Георгий Константинович.

Все поступавшие «подвергались испытаниям в науках». В 1847 году корпусу было вручено знамя, а регулярные занятия начались в 1848 году. В кадетском корпусе учились и служили 400 воспитанников в составе 4 рот, еще одна, неранжированная рота располагалась в Туле. Кроме того, существовал еще и приготовительный курс. В каждой из рот числилось 75 казеннокоштных кадет – юных дворян Орловской, Тульской, Курской и Рязанской губерний – и 25 своекоштных, в числе которых могли быть жители любой губернии России. Последние должны были платить за обучение 171,42 руб. серебром или 600 руб. ассигнациями.

Кадеты получали знания и навыки, достаточные для поступления в военные училища. Но основной целью преподавания было «умственное развитие воспитанников – возбудить собственную деятельность ума, изощрить умственные способности». Преподаватели учили кадет математику – арифметике, геометрии, тригонометрии и началам алгебры (в первом после открытия корпуса составе преподавателей математику преподавал выпускник Санкт-Петербургской семинарии Михайлов), астрономии, химии, физике, биологии (по прежней терминологии – естественной истории, которую вместе с физикой преподавал студент Московского университета А.С. Тарачков), немецкому языку (Мартессон и Миквец), Закону Божьему (протоиерей П.В. Казаринов, окончивший Московскую духовную академию, и дьякон Гонорский), пению и рисованию (свободный художник Александров).

Первый выпуск Орловский Бахтина кадетский корпус сделал в 1849 году. Все 35 выпускников поступили в Дворянский полк.

Знаменательное событие в жизни корпуса состоялось в 1850 году, когда Орёл вновь посетил император Николай I. Он осмотрел

корпус и высоко оценил качество подготовки воспитанников. Затем российский самодержец принял смотр войск 6-го армейского корпуса и батальона орловских кадет. В 1853 году великий князь Александр Николаевич обследовал состояние Орловского Бахтина кадетского корпуса.

В мае 1864 года происходит реорганизация кадетского корпуса в военную гимназию. В зданиях на Верхне-Дворянской появляются гражданские воспитатели, правда, их было всего трое, а остальные ставки были по-прежнему заняты военными, оскорбленными таким вмешательством гражданских в процесс воспитания будущих воинов. Гибель 1 марта 1881 года императора Александра II привела к быстрому сворачиванию реформ и даже к контрреформам. Новый император Александр III вернул в 1882 году учебному заведению название Орловского Бахтина кадетского корпуса, удалил гражданских воспитателей. Уроки были сокращены до 35 минут, а число предметов, по которым могли даваться домашние задания, было уменьшено до трех. К радости офицеров, было резко увеличено время на физические упражнения.

В 1893 году отмечалось 50-летие Орловского Бахтина кадетского корпуса, было приглашено более 100 гостей. В корпус поступили и памятные адреса, и поздравительные телеграммы. Из 2132 выпускников корпуса свыше 1700 стали кадровыми офицерами, в том числе 8 продолжали служить в звании генерал-лейтенанта, 24 имели звание генерал-майора. В числе последних был и начальник Николаевской академии Генерального штаба генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев (1857–1932гг.), участвовавший впоследствии в Гражданской войне на стороне А. И. Деникина, а после ее окончания эмигрировавший во Францию.

В Орловском Бахтина кадетском корпусе учились: писатель и революционер

С.М. Степняк-Кравчинский (1851–1895гг.), известный на рубеже XIX – XX вв. журналист Н.В. Снесарев (1864– ?) и другие.

Сотрудникам Орловского училища в годы Первой мировой войны (1914–1918гг.) приходилось заниматься не только такими масштабными, как перепись населения Орла, но и другими необходимыми делами. Директор народных училищ Орловской губернии В. Н. Лясковский пишет инспектору училища 19.02.1917 года: «...издал для продажи художественно исполненные М. В. Нестеровым открытые письма с изображением «раненый воин и сестра милосердия» по 10 копеек за экземпляр. Препровождая при сем 75 означенных писем, прошу оказать содействие к распространению их среди учащихся и учащихся и вырученные деньги, 7 рублей 50 копеек, передать в мою канцелярию для отсылки по принадлежности...».

Помещение училища использовалось и другими организациями. Так, 23.01.1917 года начальник Орловского почтово-телеграфного округа просит инспектора училища: «...не встречается ли препятствий к предоставлению в помещении училища одного класса для производства учебных занятий по подготовке почтово-телеграфных чиновников в свободное от занятий в училище время, и на каких условиях...». То есть, на базе общеобразовательных заведений Орловской губернии в начале XX века начинают готовить профессиональных чиновников.

Деятели орловской системы образования нередко занимались государственной деятельностью. Так, выпускник Московского университета Николай Петрович Барышников (1831–1892гг.) – почетный смотритель Орловского уездного училища и почетный попечитель Орловской мужской гимназии (1872–1883гг.), был еще и почетным мировым судьёй Болховского уезда (1875–1878гг.), и гласным губернского земского собрания (1888–1890гг.).

У почётного смотрителя Орловского уездного училища в 1887–1889 гг. Николай Николаевич Зайцева (1848–1903 гг. (1925 год)) также было немало обязанностей по государственной службе: судебный пристав (1874–1876 гг.), судебный следователь, член Орловской уездной земской управы (1883–1900 гг.), член Орловской губернской земской управы (1888 год), член Орловской городской управы (1892–1893 гг.). Отметим, что Николай Николаевич был отцом известного писателя российского зарубежья Бориса Зайцева.

Особенностью периода 1917–1991 гг. является отнесение к системе власти руководителей региональных органов коммунистической партии, которые фактически управляли Орловским краем. Номинально в нашей стране в 1917–1991 гг. была советская власть, однако высшие органы – съезды Советов были деперсонифицированы и фактически лишь избирали состав исполнительных комитетов. При этом состав исполкомов Советов вносился руководством соответствующих комитетов коммунистической партии. Однако именно через подконтрольные компартии исполкомы Советов и принимались основные управленческие решения. Особняком в системе региональной власти советского периода стоят региональные подразделения армии, правоохранительных, следственных и судебных органов. С одной стороны, они, конечно, относятся к системе власти, но с другой – они являются исполнителями решений общегосударственных центральных ведомств, в отличие от воевод XVI – XVIII вв.

Если до 1917 года мы говорили о системах домашнего и практического обучения для будущих чиновников, а также о деятельности в Орловском крае специализированных учебных заведений для некоторых групп государственных служащих – военных и священнослужителей, то при большевиках появляются уже учебные заведения для подготовки всех категорий чиновников.

Подготовка партийно-государственных кадров в Орловской губернии берет свое начало с *Орловской губернской партийной школы*, первые упоминания о которой относятся к 1921 году. Она действовала до ликвидации Орловской губернии в 1928 году.

Продолжается развитие системы общего образования – в 1918 году открывается *Орловский пролетарский университет* (ныне – Орловский госуниверситет имени И.С. Тургенева). В 1922 году в Орловской губернии был основан *Елецкий педагогический техникум* (ныне – Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина).

Сохраняется традиция подготовки отдельных групп государственных служащих в специализированных учебных заведениях. В 1925 году, сохраняя преемственность военного образования в Орловском крае, *Орловская пехотная школа имени М.В. Фрунзе* занимает помещения Орловского Бахтина кадетского корпуса.

В 1930 году в Орле создается финансово-экономический техникум народного комиссариата финансов, уже в 1933 году его выпускники начали распределяться наркоматом по всей стране. С 1938 года среднее специальное учебное заведение сменило название и статус – теперь это был Орловский учетно-кредитный техникум Государственного банка СССР (ныне – Банковский колледж Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ).

С 1931 года при Орловском горкоме ВКП(б) действовал Вечерний коммунистический университет.

Орловские областные партийные курсы при обкоме ВКП(б) работали с 1938 года. Курсантам выплачивались стипендии [1, С.3]. Орловским курсам партийного актива в 1938 году была передана столовая от партшколы. Курсы действовали до 1965 года.

В 1938 году действовала *Орловская областная партийная школа*, основанная после того, как Орёл вновь становится центром

региона – учрежденной в 1937 году Орловской области. В 1943–1955 гг. в ней велось обучение на 9- и 6-месячных курсах, годовые курсы вводятся в 1954–1956 гг. [7, С.23] На курсах проходили обучение пропагандисты, директора МТС. Слушателям выплачивалась зарплата, выдавались квартирные деньги [2, С.11].

В 1946–1956 гг. в партшколе действовали кафедры основ марксизма-ленинизма, экономических наук, истории, русского языка и литературы. В 1955 году создается новая кафедра – диамата и истмата. Были сформированы к 1955 году агрокабинет и кабинет общественных наук [9, С.17].

Государственная экзаменационная комиссия проверяла успехи слушателей в учёбе [4, 18, 19, 20].

Был создан Совет школы из сотрудников и слушателей (1953 год) [5, 22].

Военная подготовка слушателей школы и курсов (1953 год) требовала ведения совершенно секретной и секретной документации (1953–1955 гг.) [6, 34].

В 1955 году был прекращен набор в Орловскую партшколу. Воронежский военный округ забирает из Орла учебное оружие и материалы. Производится передача остального имущества из Орловской в Курскую и Тульскую партшколы [8, 52].

Орловские курсы повышения квалификации партийных и советских работников при Орловском обкоме КПСС работают в 1957–1962 гг. В 1957–1958 гг. – 3-месячные курсы, а в 1958 году – 1,5-месячные курсы советских работников. При курсах в 1958 году создается 9-месячная сельхозшкола по подготовке председателей колхозов, в 1960 году – 3-месячные курсы председателей исполкомов сельских Советов [3, С.2].

14 ноября 1959 года был сдан в эксплуатацию Дом политпросвещения обкома КПСС. Здание было построено в неоклассическом стиле по типовому проекту. На первом этаже

размещен зал на 750 мест, на втором и третьем этажах – аудитории, малый зал на 240 мест, библиотека [12, С.1–3, 7].

Орловские курсы повышения квалификации партийных и советских работников при обкоме КПСС действовали в 1963–1964 гг. [10, С.5].

С 1965 по 1971 год работали *курсы переподготовки партийных и советских работников при Орловском обкоме КПСС*. В 1963 году через курсы прошел 3-й поток месячных курсов председателей сельсоветов. А в 1964 году – 19-й поток месячных курсов партторгов колхозов [11, С.74].

В 1966 году в Орловской партшколе слушатели обучались на 10 потоках по 1 месяцу [1, С.1].

Вновь возрождаются курсы повышения квалификации партийных и советских работников при Орловском обкоме КПСС (1972–1977 гг.). 9 потоков слушателей прошло через курсы в 1972 году, 7 потоков – в 1973 году, 8 потоков – в 1974 году.

В 1970-е – 1980-е гг. подготовка кадров для партийно-государственной работы осуществлялась в *Университете марксизма-ленинизма при Орловском обкоме КПСС*, в *Учебно-консультационном пункте Высшей партийной школы (ВПШ)*, в Доме политического просвещения обкома КПСС и ряде других подразделений.

После распада Советского Союза в 1991 году все учреждения партийно-государственной подготовки прекратили свое существование, что привело к образованию определенного вакуума в системе подготовки кадров гражданских государственных служащих. В Российской Федерации в центре и на местах с использованием опыта, помещений, административного и преподавательского состава советской системы подготовки кадров начинает формироваться новая структура подготовки кадров для народного хозяйства и государственной службы.

Орловский региональный филиал Российской академии управления (РАУ, ныне – Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ) был создан приказом № 1532 от 24 сентября 1993 года ректора РАУ Р.Е. Тихонова в соответствии с договором о сотрудничестве с администрацией Орловской области от 4 сентября 1993 года. Директором Орловского регионального филиала был назначен д.э.н. А. А. Мерцалов.

Приказом от 16 ноября 1993 года № 1847 ректора РАУ Р.Е. Тихонова заместителем директора Орловского регионального филиала РАУ был назначен В. О. Андреев, а ученым секретарем – кандидат философских наук А. А. Хохлов, ранее работавший заместителем директора Дома политического просвещения. Позднее заместителем директора по административно-хозяйственной части назначается Н. Л. Медведев, ранее работавший на посту директора Орловского дома политпросвещения и ставший последним его руководителем.

Филиал разместился по адресу: г. Орёл, ул. Бульвар Победы, 5а. Здание это было построено в 1959 году для ДПП (2-я очередь – в 1974 году), а в 1991 году было передано Управлению культуры Администрации Орловской области. Решение о передаче здания филиалу было принято главой администрации Советского района г. Орла Н. Г. Рвачевым постановлением № 834 от 10 ноября 1993 года. А 10 мая 1994 года глава администрации Орловской области Е. С. Строев в постановлении № 153 распорядился «передать здание, расположенное в г. Орле, ул. Бульвар Победы, д.5а, с баланса областного центра культуры на балансы Российской академии управления (РАУ) – первый-третий этажи здания на правах оперативного управления (без передачи в федеральную собственность) для размещения Орловского филиала РАУ на период его функционирования». Так, для осуществления учебной деятельности 5 октября 1994 года ОРФ РАУ были пере-

даны три этажа четырехэтажного здания по адресу: Бульвар Победы, д.5а.

Главной задачей Орловского филиала РАУ являлись подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов для аппарата государственного и местного управления.

Деятельность Орловского филиала РАУ распространялась на территорию Орловской, Белгородской, Брянской, Калужской, Курской, Липецкой и Тульской областей, которая до 1991 года обслуживалась Орловским учебно-консультационным пунктом ВПШ.

Приказом № 101 от 23 января 1994 года за подписью первого проректора РАУ Э.А. Манушина в Орловский филиал были зачислены на платной основе первые студенты – 18 человек на специальность «Менеджмент» и 28 – на специальность «Юриспруденция». Учебные занятия начались 15 февраля 1994 года.

Приказом № 381 от 14 марта 1994 года за подписью первого проректора РАУ Э. А. Манушина в Орловский филиал были зачислены на платной основе первые аспиранты: 13 человек – в Центр проблем рыночной экономики и двое – в Центр государства и права.

Преподавателями Орловского филиала РАУ стали бывшие лекторы Университета марксизма-ленинизма при Орловском обкоме КПСС – к. филос. н. А. А. Хохлов (ученый секретарь ОРФ РАУ), к. филос. н. Г. М. Орлов (заведующий социологической лабораторией ОРФ РАУ), к. э. н. Н. Н. Цикорев (преподаватель-почасовик, а затем проректор) и другие.

Высокий уровень преподавания в Орловском филиале обеспечивали не только местные сотрудники, но и профессорско-преподавательский состав РАУ, часть которого командировалась в Орёл, а также иностранные специалисты, в частности доктор экономики из Бельгии Марсель Гилберт. С лекциями выступали приглашенные профессора и доценты РАУ М. Г. Анохин,

В. С. Комаровский, профессора кафедры политологии и политического управления Б. Т. Пономаренко и А. И. Турчинов.

В августе 1994 года Орловский региональный филиал РАУ открыл свой учебно-консультационный пункт в г. Курске во главе с д. филос. н. В. М. Ермаковым.

17 мая 1995 года в соответствии с преобразованием Российской академии управления в Российскую академию государственной службы при Президенте РФ меняется наименование название филиала в Орле.

К 1995 году в составе Орловского филиала РАГС действовали кафедры экономики и менеджмента, юриспруденции, госслужбы и кадровой работы, гуманитарных дисциплин. В филиале обучались 375 слушателей, в том числе – 135 в УПК г. Курске.

В Среднерусском институте управления продолжал профессиональную деятельность доктор исторических наук, профессор Ю. С. Васютин, который в советский период российской истории работал на кафедре исторического опыта КПСС Академии общественных наук ЦК КПСС, где прошёл путь от старшего преподавателя до руководителя кафедры.

Доктор политических наук, профессор В. В. Огнева работала ранее профессором кафедры мировой политики Алма-Атинской высшей партийной школы, а затем возглавила кафедру геополитики и внешнеполитической деятельности ОРАГС.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в Среднерусском институте управления – филиале РАНХиГС дается среднее профессиональное образование, высшее образование – бакалавриат, высшее образование – специалитет и магистратура, высшее образование – подготовка кадров высшей квалификации, а также дополнительное профессиональное образование.

Среднерусским институтом управления – филиалом РАНХиГС реализуются очная, очно-заочная и заочная формы обучения.

Действуют два факультета: юридический и «Государственное, муниципальное управление и экономика народного хозяйства», а также Банковский колледж.

Таким образом, мы можем выделить несколько этапов развития системы государственной службы и форм подготовки к ней. В XVI – XVII вв. власть в регионах концентрировалась в руках воевод, отсутствовали образовательные учебные заведения, а универсальные государственные служащие получали домашнее воспитание и в дальнейшем обучались в процессе непосредственной практической службы.

Заключение

В XVIII – начале XX века государственная служба усложняется, разделяясь на гражданскую, военную, придворную и церковную. Складывается система разноуровневого общего и профессионального образования. При этом будущие гражданские чиновники получают первые навыки в общеобразовательных учебных заведениях – училищах и гимназиях. Для будущих военных и церковных служителей создаются кадетские корпуса, духовные училища и семинарии. Первым специализированным учебным заведением стала Орловская духовная школа, открытая в 1725 году, к средним специальным, а по некоторым параметрам и к высшей школе можно отнести Орловско-Севскую семинарию (1778–1917 гг.). Общеобразовательные светские учебные заведения, в которых учились будущие чиновники, учреждаются несколько позже: Гражданская народная школа – в 1780 году, Главное народное училище – в 1786 году, Орловская мужская гимназия – в 1804-м. Последнюю, в частности, окончил председатель Совета министров П. А. Столыпин. В 1835 году учреждается Орловский Бахтина кадетский корпус – пер-

вое в крае военно-учебное заведение, подготовившее несколько тысяч выпускников, из которых несколько десятков дослужились до генеральских званий.

В советский период истории складывается многоуровневая система партийно-государственных образовательных учреждений. Вместе с тем сохраняется традиция специализированных учебных заведений для партийных, военных, хозяйственных, советских служащих, в частности Орловская пехотная школа, Орловское бронетанковое училище имени М.В. Фрунзе, Орловское высшее военное командное училище связи (ОВВКУС, ныне – Академия ФСО) КГБ при Совете министров СССР. При этом специализированные учебные заведения для гражданских государственных служащих, несмотря на громкие названия – «университет», «школа», носят характер курсов повышения квалификации.

Наконец, в постсоветский период истории страны и Орловского края создается универсальное учебное заведение для подготовки и повышения квалификации государственных служащих – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Среднерусский институт управления – её Орловский филиал.

Следовательно, что система регионального управления Орловским краем формировалась и преобразовывалась вместе с развитием всего российского государства, параллельно шёл процесс складывания региональной системы подготовки кадров для государственной службы.

Библиография:

1. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-216. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 18.
3. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 28.
4. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 76.

5. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 291.
6. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 315.
7. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 355.
8. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 407.
9. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 2. Д. 411.
10. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 5. Д. 9.
11. ГАОО. Ф. П-7045. Оп. 5. Д. 22.
12. ГАОО. Ф. Р-3481. Оп. 3. Д. 5.
13. Орловские губернаторы. – Орёл: Издательство «Вешние воды», 1998. – 229 с.
14. Орловские губернские ведомости. – 1859. – № 51–52.
15. Саран А.Ю. Региональные власти Орловского края XVI – XXI веков. Персональный состав. – Орёл: Картуш, 2020. – 96 с.
16. Степанов В. Князь Прозоровский Александр Александрович (1732–1809 гг.) – Генерал-губернатор Курско-Орловского наместничества// [Электронный ресурс] – URL: <http://old-kursk.ru/people/prozor.html>. (обращение 29.03.2021).

References:

1. Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (Daleyev – GAOO). F. P-216. Op. 1. D. 1. (In Russ.).
2. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 18. (In Russ.).
3. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 28. (In Russ.).
4. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 76. (In Russ.).
5. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 291. (In Russ.).
6. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 315. (In Russ.).
7. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 355. (In Russ.).
8. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 407. (In Russ.).
9. GAOO. F. P-7045. Op. 2. D. 411. (In Russ.).
10. GAOO. F. P-7045. Op. 5. D. 9. (In Russ.).
11. GAOO. F. P-7045. Op. 5. D. 22. (In Russ.).
12. GAOO. F. R-3481. Op. 3. D. 5. (In Russ.).
13. Orlovskiy gubernatory [Orloy governors]. – Orol: Izdatel'stvo «Veshniye vody», 1998. – 229s. (In Russ.).
14. Orlovskiy gubernskiy vedomosti [Orloy Provincial Gazette]. – 1859. – №№51–52. (In Russ.).

15. Saran A.YU. (2020) Regional'nyye vlasti Orlovskogo kraya XVI–XXI vekov. Personal'nyy sostav [Regional authorities of the Oryol region of the 16th – 21st centuries. Personal composition]. – Orol: Kartush, 2020. – 96с. (In Russ.).

16. Stepanov V. Knyaz' Prozorovskiy Aleksandr Aleksandrovich (1732-1809 gg.) – General-gubernator Kursko-Orlovskogo namestnichestva [Prince Prozorovsky Alexander Alexandrovich (1732-1809) – Governor-General of the Kursk-Oryol governorship] // [Elektronnyy resurs] – URL: <http://old-kursk.ru/people/prozor.html>. (obrashcheniye 29.03.2021). (In Russ.).

УДК 32.019.5:67(410)

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-2-23-29

БОРИСКИН Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: vbor81@yandex.ru

BORISKIN V.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: vbor81@yandex.ru

ВСЕМИРНАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА 1851 ГОДА В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ СОВРЕМЕННОКОВ

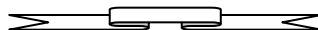
WORLD INDUSTRIAL EXHIBITION OF 1851 IN PERCEPTION OF RUSSIAN CONTEMPORARIES

Аннотация. Данная статья посвящена актуальным конкретно-историческим аспектам восприятия Великобритании в России. Целью статьи является анализ специфики восприятия первой всемирной промышленной выставки русскими современниками. Автор статьи приходит к выводу, что проведение выставки 1851 года стало грандиозной международной пропагандой успехов Британии. Представленные экспозиции продемонстрировали миру её экономическое и научно-техническое превосходство. Отмечается также, что подробное освещение этого события отечественными источниками закрепило традиционный промышленный и научно-технический имидж Британии в общественном сознании россиян. Отдельные результаты исследования могут быть использованы в процессе изучения исторических и культурологических дисциплин, а также для дальнейшей научной разработки заявленной проблематики.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, викторианская эпоха, всемирная промышленная выставка 1851 года, восприятие русскими современниками Британии и британцев.

Abstract. The article is devoted to the actual specifically-historical aspects of Great Britain perception in Russia. The aim of the article is to analyze the specifics of the first world industrial exhibition perception by Russian contemporaries. The author of the article comes to the conclusion that holding the Exhibition of 1851 was a grandiose international propaganda of Britain's success. The presented exhibitions demonstrated its economic, scientific and technical superiority to the world. It is also noted that the detailed coverage of this event by domestic sources consolidated the traditional industrial and scientific-technical image of Britain in public consciousness of Russians. Particular results of the research can be used in the process of studying historical and cultural disciplines, as well as for further scientific development of the stated issues.

Keywords: Russia, Great Britain, the Victorian age, the World Industrial Exhibition of 1851, the perception of Britain and the British by Russian contemporaries.

Введение

В середине XIX столетия Великобритания демонстрировала феноменальные для своего

времени темпы экономического развития. Ее промышленное и торговое лидерство становилось общепризнанным среди веду-

щих мировых держав. Бесспорно, весомую роль в закреплении высокого экономического имиджа Британии сыграла проходившая в 1851 году в Лондоне первая всемирная промышленная выставка, или «Всемирный конгресс продуктов и производителей», как ее называли современники. По словам историка И. М. Узнардова, «всемирную выставку без преувеличения можно считать одним из кульминационных моментов могущества Британии как первой промышленной, торговой и морской державы мира. Именно тогда по многим параметрам отрыв ее от держав континента представлялся разительным» [7, С. 7].

Специфика восприятия первой всемирной промышленной выставки русскими современниками

С немалым интересом следили за этим примечательным событием в далекой Российской империи. Великобритания являлась на тот момент не только непримиримым соперником России на международной арене, но и одним из ее ведущих торговых партнеров и кредиторов [1, С. 260]. Десятки ученых, промышленников, купцов, аграриев, просто любопытных путешественников ринулись в Лондон, чтобы полюбоваться на чудеса науки и техники. Многие русские современники, авторитетные научные и общественно-политические журналы откликнулись на это мероприятие серией тематических публикаций. Известный славянофил А. И. Кошелев, лично посетивший всемирную выставку 1851 года и оставивший ее подробные описания, так выразил повышенное любопытство соотечественников к данному событию: «Везде разговор один: Выставка, Лондон, Англия... На разные лады высказывается одно чувство – чувство удивления к Великобритании» [2, С. 5].

Интерес общественности подогревал еще и тот немаловажный факт, что многие российские производители пожелали принять непо-

средственное участие в Лондонской выставке. В одном из номеров за 1851 год журнал «Отечественные записки» приводил детальный перечень российских товаров, представленных на выставку. Несмотря на очевидный аграрно-сырьевой уклон российской экономики середины века, отечественные купцы и промышленники постарались, что называется, не ударить в грязь лицом и достойно представить свою страну во всех отделах экспозиции.

Итак, «образцы руд и металлов в различной степени обработки (с казенных заводов уральских, пермских, олонецких); образцы антрацита и каменной соли; образцы различных химических изделий; образцы стекла; изделия из драгоценных камней»; а также «образцы хлебов от 36 хозяйств; крахмальных и камедистых веществ; свекловичного сахара; табаку и сигар; смолистых веществ; образцы льна и пеньки; образцы строевых деревьев; сыр, бульон и рыбные товары; образцы рун и шерсти; волоса, щетины, шелка, пуха и перья; кож, свечи стеариновые и восковые...» и многое другое широко освещали российскую промышленность и сельское хозяйство в отделе «Сырые материалы и продукты».

В отделах «Машины и инструменты» и «Фабричные и мануфактурные изделия» отечественного производителя представляли «разные машины для вычисления и измерения; инструменты хирургические; машины фабричные (от одной мануфактуры и двух лиц)»; плюс к этому «изделия льняные, бумажные, шерстяные, шелковые, парчи, валяные и войлочные; бумага писчая; обои; ножевые изделия; накладного серебра; бронзы; золоченая ткань; пуговицы; офицерские вещи; серебряные изделия; стеклянные; зеркальные; фарфоровые; паркетные и мебель; изделия из дерева и соломы; канаты; резиновые» и даже «кожаная обувь и перчатки».

Наконец, в отделе «Модели и произведе-

ния пластического искусства» Российская империя выставляла «изваяния из меди и бронзы; яшмовые вазы; мозаики; образцы шрифтов», а также корабельные модели и модель Киевского моста [4, С. 50].

Всего же экспозиция всемирной выставки 1851 года демонстрировала продукцию от нескольких тысяч производителей. Известно, что совокупное количество всех экспонатов составило 13 937, из них – 7381 британский и 6556 иностранных. Как мы видим, экспонаты Британии заняли в экспозиции больше места, чем произведения всех других стран вместе взятые. И в этом был свой резон: прежде всего выставка являлась актом пропаганды именно британской промышленности. Так, среди британских экспонатов русские современники называли следующие: машины, «которые занимали 2/3 всего пространства»; «произведения минерального царства; шерстяные произведения; хлопчатобумажные; каретное мастерство; мебель; сталь; изящное искусство; полотно; скульптурные произведения; церковные украшения; парикмахерские произведения; меха; бумага и кожи».

Особой похвалы очевидцев удостоились представленные на выставке «земледельческие машины», что объяснялось их повсеместной славой в континентальной Европе и немалой популярностью в России. «Для нас, русских, слова «машинист» и «англичанин» – почти синонимы», – писал в этой связи российский наблюдатель [5, С. 61].

Величественную картину научно-технических и промышленных успехов Великобритании, подмеченных на выставке, отразили в своих путевых дневниках А. И. Кошелев и его современник – экономист С. А. Маслов. В частности, Кошелев восхищался паровыми плугами, боронами, культиваторами, сеяльными машинами, сенокосилками, молотильными машинами, дренажными трубами, водоподъемными машинами, которые «составляют необходи-

мую принадлежность всякой несколько устроенной фермы». Он отмечал: «...я видел в действии эти паровые машины, и нельзя надивиться быстроте и точности, с которой они производят работы. Англичане совершенно сроднились с парами!..» [2, С. 23–43]. «В Англии паровые машины применяются ко всему, ...и люди привыкают с ними обращаться, как с домашним делом», – вторил ему Маслов [3, С. 11].

Специально в целях размещения экспозиции выставки в лондонском Гайд-парке было выстроено отдельное здание – «Хрустальный дворец» – по проекту архитектора Дж. Пакстона. Интересные и довольно детальные описания данного архитектурного сооружения приводил на страницах русского журнала анонимный русский путешественник: «Кристальный Дворец (Crystal Palace), или Дворец Промышленности (The Palace of Industry), как называют его еще некоторые, так поражающий глаз своею громадностью и величественностью здания на картинке, ...не производит того же эффекта в натуре. Окруженный густыми аллеями вековых деревьев Гайд-парка, он совершенно заслонен ими и виден только вблизи, сквозящим сквозь деревья, далеко не весь – и все это оставляет какое-то неопределенное чувство неудовлетворенного ожидания и любопытства...». Вместе с тем наш соотечественник вынужден был признать, что величина дворца «действительно громадна, так что, обойдя кругом, чувствуешь усталость».

Из заметок современника можно почерпнуть и более точные сведения о размерах и архитектурных особенностях дворца: в данном случае автор отчасти пользовался информацией, помещенной в памятке, специально изданной для посетителей выставки. Длина здания составляла 1848 футов, а ширина – почти 408 футов, в то время как самая высокая часть дворца простиралась вверх на 104 фута. «Архитектура Кристаль-

ного Дворца особенная, странная, делает его похожим на оранжерею», – писал он далее. Само же здание можно было условно разделить на три части: восточную, западную части и поперечный проход («трансепт»). Причем «трансепт» помещался не в середине, а несколько ближе к западному концу, с разницей примерно в 40 футов. Так, автор сравнивал дворец с «длинной стеклянной галереей, которой стены и плоская крыша (она же и потолок) идут тремя уступами, с галереей, перекрещенной почти в середине более возвышенным проходом, с крышею также стеклянную, полуцилиндрической... С южной стороны его свод украшен на вершине флагом Англии, а ниже – массивным циферблатом часов». Здание имело четыре входа – по одному с каждой стороны. Северный вход предназначался исключительно для королевы и охранялся двумя часовыми.

Русский очевидец не преминул упомянуть и о таком важном факте, как то, что для постройки дворца были употреблены всего три материала: железо, стекло и дерево. Из железа состояли основа, стропила, желоба, рамы, столбы и перекладины; из стекла – стены и крыша; дерево же пошло на пол, столы и полки. Важным новшеством явились вентиляторы, сделанные из гальванизированного железа. При этом вся постройка обошлась британской казне в 150 000 фунтов стерлингов (около 900 000 рублей серебром) [5, С. 47–52].

Таким образом, здание «Хрустального дворца», действительно, было грандиозным современным сооружением, и его строители по праву могли гордиться этим архитектурным шедевром.

Всемирная выставка начала свою работу 1 мая 1851 года, о её величественном открытии в деталях поведал лондонский корреспондент «Отечественных записок», лично присутствовавший на «торжестве, в котором,

можно сказать, весь мир принимал более или менее участие». На первое посещение «Хрустального дворца», двери которого должны были открыться в 9 часов, было продано более 20 000 билетов по 2 и 3 гинеи. Многочисленные счастливые обладатели первых билетов, да и просто любопытные заранее наполнили Гайд-парк, так что «кареты стояли в два ряда на протяжении около двух верст, ожидая с нетерпением, когда можно будет двинуться вперед хоть несколько шагов. Десятки тысяч пешеходов шли густыми пестрыми колоннами со всех сторон, как будто войска, идущие на парад; полицейские поддерживали отличный порядок...». «Самое здание, украшенное флагами всех народов, сверкало в утреннем солнце и по справедливости заслуживало своего названия. Наконец двери раскрылись, и нетерпеливая публика хлынула вперед». В течение часа «прозрачный храм всемирной промышленности» наполнился народом.

«Несмотря на усердие, с которым работали все время, – отмечал русский современник, – внутренность здания представляла во многих местах еще большие, незаполненные пространства, в особенности на стороне иностранцев, где множество ящиков не были даже распакованы – наше русское отделение включительно». Главный средний проход занимали произведения художеств – большей частью скульптуры и бронзовые статуи, модели мостов, церквей и пр. По сторонам, между чугунными колоннами, которыми поддерживалась крыша, были устроены стойки и временные полки, где помещались шали, ткани, ковры, бронза, фарфор, паровые машины, образцы мебели и т.п. На одноэтажных галереях были выставлены более легкие вещи: материи, часы, модели кораблей, фарфоровые сервизы.

Для официального открытия выставки ожидали королеву Викторию. В данных целях внутри среднего стеклянного свода на

небольшом возвышении был установлен трон, организованы места для королевского двора и дипломатического корпуса. Эта часть здания «была убрана» огромным хрустальным фонтаном, мраморными статуями и редкими тропическими растениями. Все это великолепие окружали ряд конной гвардии и рота инженеров и саперов, которые заведовали разными частями при постройке дворца. Для дам были сделаны места для сидения; мужчины же должны были стоять.

Королева прибыла во дворец в 12 часов. Корреспондент российского журнала сообщал, что она вышла под руку с принцем Альбертом, ведя за руку принца валлийского и старшую дочь. Королевскую фамилию сопровождали представители ряда иностранных правящих династий. «...Народ встретил их оглушительными «ура», маханьем шляп и платков». В это время «огромный хор певчих придворной капеллы Вестминстерского аббатства, кафедральных церквей и итальянской труппы (всего около 500 человек) в сопровождении чудесного органа и инструментальной музыки пел «God save our Queen».

Затем началась официальная церемония. «...Когда королевская фамилия заняла места на тронной платформе, принц Альберт прочитал краткий отчет о действиях королевской комиссии, учрежденной под его председательством, и вместе с каталогами выставленных вещей передал все это королеве. Потом архиепископ Кентерберийский произнес краткую молитву, и хор в заключение пропел «Аллилуйя» Генделя. После этого началось церемониальное шествие по зданию выставки...». Возвратившись по окончании шествия на прежнее место, «королева объявила: «The exhibition is opened», – и уехала назад в Букингемский дворец при громе пушек, паливших королевский салют».

Так прошла церемония торжественного открытия первой всемирной промышленной выставки в Лондоне. Однако «выставочная

эпопея» на том не закончилась. Выставка продолжалась пять с половиной месяцев. За это время ее посетили более 6 млн человек, причем посетители могли «найти внутри дворца завтрак, обед, чай, шоколад, прохладительные напитки», хотя и за довольно высокую цену. В итоге «доходы превысили расходы, которые пошли на ее организацию, почти вдвое».

По широте и богатству представленной продукции особенно выделялись отделения Франции, Голландии, Бельгии, Австрии и США. Однако, как уже отмечалось выше, основное место на выставке заняли британские экспонаты, из которых две трети составляли машины. По официальным сведениям, одних выставяющих со стороны Британии было около 7000 человек, и ценность выставленных ими вещей составляла 77 000 фунтов стерлингов (около 495 000 рублей серебром). Великобритания же получила почти все первые премии. В ходе данного мероприятия было заключено множество международных контрактов на поставки британской продукции [4, С. 69–72].

«Она очаровательна и размерами железно-стеклянной галереи, и размещением товаров и произведений многих наций, и множеством посетителей, нигде и ни при каком предмете не толпящихся; все тихо, благопристойно... Тут для каждого, специально занимающегося каким-либо предметом, представится многое для сравнения и для выбора», – так резюмировал С. А. Маслов итоги своей поездки на выставку [3, С. 18–19].

Вместе с тем не обошлось и без неприятных моментов. Уже в первые недели проведения выставки были обнаружены недостатки в конструкции дворца. В частности, очевидцы отмечали «дурной пол здания», широкие щели между досок которого создавали определенные неудобства прогуливающимся посетителям и нагоняли от земли

запах сырости. Подкачала крыша здания, не обеспечивавшая полную герметичность в дождливую погоду. Явно перестарались конструкторы и с вентиляторами, мощность которых лишь «загоняла внутрь пыль и туман». Да и вообще, как полагал русский современник, дворец изначально был «помещен не на своем месте» – для него стала бы более предпочтительна «широкая и открытая площадь» [5, С. 52].

Значительные неудобства для публики доставляло расписание работы выставки, что со временем даже вызвало обсуждение в парламенте. Так, экспозиция была открыта шесть дней в неделю с 10 часов утра и до 7 часов вечера, исключая воскресенье. Однако, как отмечали современники, большая часть населения Лондона и окрестностей, люди, «живущие поденною платою и не имеющие возможности располагать будничными днями», несправедливо были лишены «единственного дня, в который они могут посещать музеи» [6, С. 4–5].

Заключение

Как бы то ни было, основная задача выставки явно была достигнута. В 1851 году осуществилась грандиозная международная пропаганда успехов Великобритании, явившая миру ее экономическое и научно-техническое превосходство. В душе британцев возобладала национальная гордость и оптимизм: их страна стремительно и убедительно вступала в период своего наивысшего могущества. Считается, что именно с этого времени на страницах газет, журналов, научных и художественных изданий замелькали известные и сегодня словосочетания: «викторианская эра», «викторианская эпоха», «викторианский век». Несомненно, примечателен и тот факт, что многочисленные успехи, продемонстрированные на первой всемирной выставке, а также подробное освещение этого события в отечественных источниках подтвердили и на многие десяти-

летия вперед закрепили традиционный промышленный и научно-технический имидж Британии в общественном сознании россиян.

Библиография:

1. Борискин В.В. Общественно-политический опыт Великобритании в оценках М. Н. Каткова и «Русского вестника» (рубеж 50–60-х гг. XIX века) // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 3 (29). – С. 259-266.
2. Кошелев А.И. Поездка русского земледельца в Англию на Всемирную выставку. – М.: Типография Александра Семена, 1852. – 99 с.
3. Маслов С.А. О поездке по Англии в 1851 году. – М.: Типография Александра Семена, 1851. – 22 с.
4. Отечественные записки. – 1851. – Т. 76. – Отд. 8. – С. 50-72.
5. ОЗ. – 1851. – Т. 78. – Отд. 8. – С. 47-61.
6. ОЗ. – 1854. – Т. 96. – Отд. 7. – С. 4-5.
7. Узнародов И.М. Викторианская эпоха // Викторианцы. Столпы британской политики XIX века. – Ростов н/Д., 1996. – С. 5-18.

References:

1. Boriskin, V.V. (2013) Obshchestvenno-politicheskij opyt Velikobritanii v ocenках M.N. Katkova i «Russkogo vestnika» (rubezh 50-60-h gg. XIX veka) [Social and political experience of Great Britain in the opinion of M.N. Katkov and *Russky Vestnik* (the turn of the 50-60-ies of the XIX century)], *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk.* – № 3 (29). – S. 259-266. (In Russ.).
2. Koshelev, A.I. (1852) Pоеzdka russkogo zemledel'ca v Angliyu na Vsemirnuyu vystavku [Russian farmer's trip to England for the World Exhibition]. – M., 99 s. (In Russ.).
3. Maslov, S.A. (1851) O pоеzdke po Anglii v 1851 godu [About a trip to England in 1851]. – M., 22 s. (In Russ.).

4. Otechestvennye zapiski [Domestic notes]. 1851. – Т. 76. – Otd. 8. – S. 50-72. (In Russ.).
5. OZ. – 1851. – Т. 78. – Otd. 8. – S. 47-61. (In Russ.).
6. OZ. – 1854. – Т. 96. – Otd. 7. – S. 4-5. (In Russ.).
7. Uznarodov, I.M. (1996) Viktorianskaya epoha [The Victorian age], Viktoriancy. Stolpy britanskoj politiki XIX veka, Rostov n/D., S. 5-18. (In Russ.).

ЦАЙ Ин, аспирант кафедры истории России и специальных исторических дисциплин, Благовещенский государственный педагогический университет (Россия, Благовещенск), e-mail: mnina66@yandex.ru

CAI YING, Postgraduate Student, Department of Russian History and Special Historical Disciplines, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Russian Federation, Blagoveshchensk), e-mail: mnina66@yandex.ru

АМУРСКИЙ РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ (РОССИЯ) И ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН (КИТАЙ) В 1990-Е ГГ.

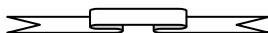
AMUR RIVER TRANSPORT IN INTERACTION OF THE AMUR REGION (RUSSIA) AND THE HEILONGJIANG PROVINCE (CHINA) IN THE 1990S

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе значения деятельности Амурского речного транспорта в 1990-е гг. для межрегионального российско-китайского приграничного взаимодействия на Дальнем Востоке. Используя материалы на китайском языке и архивные документы, автор рассматривает процесс возобновления приграничных связей между Россией и Китаем на Дальнем Востоке после нормализации отношений между странами. Изучены особенности функционирования речного флота на Амуре в период социально-экономических реформ последнего десятилетия XX века в России. Представлена характеристика потенциала Амурского речного транспорта. Структурированы проблемы Амурского речного транспорта в развитии взаимодействия российской Амурской области и китайской провинции Хэйлунцзян в контексте российско-китайских отношений на межгосударственном и межрегиональном уровнях.

Ключевые слова: речной транспорт, Амур, Амурская область, провинция Хэйлунцзян, российско-китайские отношения, Россия, Китай, российский Дальний Восток.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the significance of the Amur River transport activity in the 1990s for interregional Russian-Chinese cross-border cooperation in the Far East. Using the materials in Chinese as well as archival documents, the author examines the process of border ties resumption between Russia and China in the Far East after the normalization of relations between the countries. The peculiarities of the river fleet functioning on the Amur during the period of socio-economic reforms of the last decade of the 20th century in Russia are studied. The characteristic of the Amur River transport potential is presented. The problems of the Amur River transport in the development of cooperation between the Russian Amur Region and the Chinese province of Heilongjiang in the context of Russian-Chinese relations at the interstate and interregional levels are structured.

Keywords: river transport, the Amur, the Amur region, the Heilongjiang province, Russian-Chinese relations, Russia, China, Russian Far East.

Введение

Последнее десятилетие XX века в России ознаменовалось радикальными социально-

экономическими реформами, глобальной перестройкой всех сфер жизни российского населения. Распад Советского Союза и формирова-

ние постсоветского пространства обусловили вхождение российского общества в состояние трансформации, принявшее перманентный характер и означавшее качественные преобразования его экономической, социальной, политической и культурной сторон. Временная дистанция в три десятилетия, отделяющая нас от реформ 1990-х гг., позволяет уже осмыслить исторический опыт трансформационных процессов, ретроспективно исследовать их воздействие на социум и личность. При этом актуальным является проведение анализа на материале регионов, в частности приграничных территорий, где социально-экономические реформы шли на фоне разворачивания и активизации международных и внешнеторговых связей.

В свете вышеизложенного целью нашей статьи стало изучение роли и значения Амурского речного транспорта в развитии взаимодействия Амурской области (Россия) и провинции Хэйлунцзян (Китай) в 90-е гг. XX века. Автор поставил следующие задачи: осветить показатели деятельности Амурского речного транспорта к началу 1990-х гг., проследить изменения в состоянии Амурского флота в последнее десятилетие XX века в контексте социально-экономических реформ на Дальнем Востоке России, проанализировать объективные условия (объемы внешней торговли, состояние инфраструктуры и погранпереходов области и т.п.) для деятельности речного транспорта в развитии приграничных связей между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян. Для достижения поставленных цели и задач был применён проблемно-хронологический метод, а также метод компаративистики, позволивший выявить характерные особенности деятельности и существующие проблемы Амурского речного транспорта в 1990-е гг. в контексте сравнительного анализа развития российских и китайских приграничных территорий на Дальнем Востоке.

Прежде чем рассматривать деятельность Амурского речного транспорта в 1990-е гг., совершим краткий исторический экскурс. В мае 1854 года от Шилкинского завода вышел пароход «Аргунь»; этот сплав положил начало плаваний по Амуру. В 1858 году на Амуре была учреждена «Амурская компания», затем – парходство «Бенардаки и К°», в последующем – «Товарищество Амурского парходства», устав которого был утвержден в 1871 году. В 1892 году «Товарищество Амурского парходства» было реорганизовано в «Амурское общество парходства и торговли». До революционных преобразований на Дальнем Востоке торговый речной флот принадлежал в основном частным судовладельцам и в 1918 году был национализирован. В 1922 году Амурский государственный водный транспорт был объединен в «Амурское государственное парходство» (АГП) [3, С. 24, 35–36]. После объединения в 1948 году Верхне-Амурского и Нижне-Амурского управлений речного парходства эти два парходства были объединены в одно Амурское речное парходство (АРП) с управлением в г. Хабаровске. АРП специализировалось на перевалке, перевозке, хранении грузов и ремонте судов. Речные порты, пристани, базы АРП были расположены на территории Хабаровского края и Амурской области.

ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Вновь образованная в 1949 году Китайская Народная Республика (КНР) нуждалась в материалах, оборудовании, топливе и т.п. Подавляющая доля этих грузов перевозилась в приграничные районы КНР, в частности, в провинцию Хэйлунцзян, флотом Амурского речного парходства. Советские суда могли заходить в порт Хэйхэ на Амуре, напротив советского Благовещенска (административного центра Амурской области), а также во все порты по реке Сунгари, а китайские суда – в порты Хабаровск, Благовещенск, Комсомольск. Длина совместно используемого водного пути по рекам бассейна

составляла 2745 км. Совместное использование водных путей предполагало и их совместное обслуживание. В 1951 году Министерство речного флота СССР и Министерство коммуникаций КНР заключили «Соглашение о порядке плавания по пограничным участкам рек Амур, Уссури, Сунгача и озеру Ханка и об установлении и обслуживании судоходной обстановки на этих водных путях». Предложения сторон об улучшении судоходных условий, обеспечение безопасности плавания и другие вопросы, касающиеся судоходства, ежегодно обсуждались на совещаниях совместной советско-китайской комиссии по судоходству и затем воплощались в жизнь. Так, с 1955 по 1960 год Амурское бассейновое управление пути совместно с китайскими речниками занималось зимними скалоуборочными работами на лимитирующем судоходство по Среднему Амуру Союзновском перекате. Каждая сторона выделяла на работы 100 чел.; этот объект назывался «каналом дружбы» [17, С. 17–18].

Заключение 23 апреля 1958 года между СССР и КНР Договора о торговле и мореплавании подвело юридическую базу под уже сложившиеся взаимовыгодные условия торговли между странами и способствовало быстрому возрастанию взаимного товарооборота, который в 1959 году составил 1849,4 млн руб. – это был наивысший показатель в истории советско-китайской торговли [15, С. 252–253]. С 1962 года в связи с ухудшением отношений между СССР и КНР все виды совместных речных работ были приостановлены. Потепление в отношениях речников двух соседних стран намечилось с 1977 года, и вновь стали проводиться совместные инспекционные выезды на линии речных путей, дноуглубительные работы, корректировка знаков навигационной обстановки и т.д.

К началу 1980-х гг. речники подошли с хорошими показателями развития пароходства. Как отмечал начальник Благовещенского районного управления Амурского речного пароход-

ства Л. Кузьмин, портовики Благовещенска перевезли сверх плана 17 тыс. пассажиров, 123 тыс. тонн грузов, дополнительно переработали 328 тыс. тонн грузов. Производительность труда была высокой и в портах Свободный, Полярково и Зея, а также у Благовещенской и Свободненской ремонтно-эксплуатационных баз (РЭБ) флота. Согласно графику, приступили к работе земснаряды путейцев Благовещенского технического участка, проводя дноуглубительные работы. В выполнении заданий второго года 11-й пятилетки принимали участие 220 курсантов 3-го курса Благовещенского речного училища, работавшие на судах и технических участках; в целом же по итогам выпуска 1982 года флот Сибири и Дальнего Востока получил 234 молодых специалиста; кроме того, 76 человек закончили вечерне-заочное отделение [5].

Потепление советско-китайских отношений в 1980-е гг. открыло новый этап в развитии Амурского речного пароходства. В апреле 1982 года СССР и КНР заключили советско-китайское соглашение о возобновлении приграничной торговли. В следующем, 1983 году объём приграничной торговли составил 15,9 млн швейцарских франков (шв. фр.), в 1984 году он увеличился до 27,9 млн шв. фр., в 1985 году – до 32,6 млн шв. фр. 16 января 1986 года был подписан «Советско-китайский протокол о возобновлении доставки грузов по пограничным рекам» [12, С. 467–468].

Амурское речное пароходство и пароходство провинции Хэйлунцзян вновь начали осуществлять перевозки по речным международным маршрутам. В июне 1986 года был открыт китайский порт Тунцзян, с российской стороны – порт Нижнеленинское; затем – порты Благовещенск и Хэйхэ. В марте 1987 года были приняты «Правила плавания по советско-китайским пограничным участкам рек». С июля 1989 года суда Амурского пароходства пошли в порты Фуцзинь, Цзямусы, Харбин; для китайских судов были открыты порты Хабаровск,

Комсомольск и Полярково. Между Благовещенском и Хэйхэ начала функционировать первая международная речная паромная переправа. Японская фирма «Джейро» и китайская «Синотранс» подписали соглашение о перевозке по рекам Амур и Сунгари грузов, следовавших из Японии в провинцию Хэйлунцзян с использованием судов, река – море Амурского пароходства. Были достигнуты соглашения о капитальном ремонте пассажирских теплоходов: так, пароход «Василий Полярков» прошел такой ремонт на Харбинском судостроительном заводе, в ходе которого, помимо ремонтных работ, на судне была произведена модернизация механизмов и систем, полностью реконструирована судовая надстройка, в результате чего значительно повышена комфортабельность, улучшены условия размещения, бытового и культурного обслуживания пассажиров. Ежегодно проводилось около 10 рабочих встреч руководителей и специалистов пароходств для решения оперативных вопросов по улучшению организации перевозочного процесса, ускорению обработки флота в портах, согласованию технологии судоремонтных работ и т.п. [17, С. 19–20].

Начали создаваться совместные рабочие группы по вопросам коммуникаций на высшем уровне: так, в октябре 1986 года в Москве состоялось первое заседание постоянной рабочей группы по транспорту в рамках советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству. В соответствии с постановлениями Совета Министров СССР 1987–1988 гг. предприятиям разрешалось налаживать прямые связи с зарубежными партнерами; организации Дальнего Востока могли расходовать 15 % средств (организации других регионов страны – 10 %) в свободно конвертируемой валюте для своих нужд. Весной 1989 года лидер СССР М. С. Горбачев посетил КНР; были заключены новые двусторонние договоренности, в том числе в экономической сфере. В

октябре 1990 г. в Москве правительства двух стран подписали советско-китайское торговое соглашение [7, с. 37].

Сближение двух стран шло на фоне общего ухудшения социально-экономической ситуации в СССР, в том числе на Дальнем Востоке. Симптомы возникновения кризиса в этом регионе проявились уже во второй половине 1970-х гг., а в начале 1980-х гг. ситуация быстро ухудшилась. В августе 1987 года в СССР была принята «Долгосрочная государственная программа экономического и социального развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья на период до 2000 года», в соответствии с которой капитальные вложения должны были быть централизованно перенаправлены на развитие социальных сфер. Однако темп промышленного производства за 1987–1990 гг. составил всего 3 %, что оказалось даже ниже худшего показателя за предыдущий период 1981–1985 гг. (3,4 %). Импорт потребительских товаров становится все более затруднительным из-за обвала общенационального потребительского рынка [9, С. 20–21].

Сложная социально-экономическая обстановка на российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. отрицательно сказалась на работе Амурского речного пароходства. Если до начала 90-х гг. активно осуществлялись грузовые и пассажирские перевозки, развивался порт Благовещенск (его главным предназначением была перевалка грузов с рельсового пути на водный – с Транссиба на теплоходы, в том числе типа «река – море»), то с распадом СССР и упадком сельского хозяйства, лесозаготовительной отрасли прекратилась транспортировка леса, зерна и других традиционных грузов. АРП стало заниматься перевозками только угля в северные районы страны (с большими задержками по причине невозможности потребителей топлива расплатиться с речниками) и металлолома в Китай (причем металлолома отправлялось так много, что не

хватало вагонов для его вывоза из Хэйхэ). Как отмечал генеральный директор ЗАО «Торговый порт Благовещенск», численность работников порта сократилась наполовину – осталось всего 460 человек, притом, что к порту была присоединена РЭБ флота, что позволило осуществлять ремонт судов своими силами. Порт был вынужден активно заняться торговлей, причем многие товары: дизельное топливо, продукты, металл, электроды и т.п., – поступали в счет взаимозачетов. В штат порта были зачислены и специалисты по подводно-техническим и аварийно-спасательным работам Благовещенского отделения Хабаровского отряда «Подводречстрой», которых Хабаровск не смог содержать в новых экономических условиях [20].

Становилась все более очевидной необходимость переориентации региона на внешний рынок и открытия его экономики. Государственная граница СССР с Китаем утратила свою разделительную, барьерную функцию. Производственно-экономические связи Дальневосточного региона с западными районами страны стали экономически неэффективными. В силу географического положения необходимо было выходить на рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Дальний Восток не мог предложить стремительно развивающимся странам АТР – Китаю, Южной Корее, Японии – конкурентоспособной продукции, кроме сырьевых ресурсов. Торговля ими стала одним из основных способов выживания региона в перестроечный период 1990-х. В эти годы проблема обеспечения населения продуктами питания и самыми необходимыми предметами для жизнедеятельности стояла наиболее остро. Начала развиваться бартерная торговля с северовосточными провинциями КНР, заинтересованными в рынках сбыта своей продукции и получения необходимого сырья, а также мелкое приграничное товарообменное предпринимательство – «челночничество». В таких

условиях возросло значение речных международных перевозок и речного транспорта.

Это происходило на фоне углублявшейся стагнации внутренних речных перевозок. По словам начальника Благовещенского речного порта В. С. Руденко, в мае-июне 1992 года теплоходы на внутренних перевозках «практически бездействовали». Резко сократились перевозки древесины, песчано-гравийных смесей, стройматериалов и оборудования, угля, зерна, жидкого топлива и т.д. Беспрецедентно упали объемы внутренних пассажирских перевозок: за сезон по судоходным рекам области было перевезено около 2 тыс. чел., тогда как в предыдущие годы – 110–120 тыс. чел. ежегодно. В целом по области было перевезено грузов 454 тыс. т при плане более 600 тыс. т. В то же время так же беспрецедентно выросли объемы грузо- и пассажиро-перевозок в Китай и обратно. С правого берега в Россию прибывали сахар, водка, другие продовольственные и промышленные товары, с левого в КНР – помимо традиционных минеральных удобрений и леса – металл, автотранспорт, другая техника. Клиентами Благовещенского речного порта стали «деловые люди» из Хабаровска, Комсомольска-на-Амуре, западных областей России. Портом было получено дохода 75 млн руб. при плане 112 млн. руб. Порт задерживал расчеты с Амурским пароходством за аренду флота, с Хабаровской нефтебазой за топливо, однако сохранял штат, изыскивая всяческие пути для заработка, в том числе совершенно нетривиальные. Так, по договоренности с китайской стороной в Хэйхэ были отправлены крановщики вместе с техникой, которые 4 месяца разгружали суда на китайской территории. В целом же внешнеэкономические связи расширялись: по навигации 1992 года речниками только в КНР было перевезено 152 тыс. российских туристов. При этом, потенциал Амурского речного флота не был исчерпан, речники были готовы перевезти и большее количе-

ство пассажиров, но пропускная способность таможни была очень низкой – на переходах на китайской и русской стороне скапливались огромные очереди. В расширении нуждались и мощности причалов, как в Хэйхэ, так и в Благовещенске. Как отмечал начальник В. С. Руденко, «китайцы ориентируются на мост», поэтому долгое время китайская сторона не занималась проблемой оптимизации причалов; лишь в 1992 году они осуществили на причале Хэйхэ монтаж двух 5-тонных и одного 20-тонного крана. Этого было недостаточно, и суда по-прежнему, теряя время, простаивали под разгрузкой. С российской стороны также существовали ограничения в причальных мощностях, в связи с чем Руденко предлагал неординарное решение – направлять китайские суда под разгрузку прямо к зейскому причалу, чему активно воспрепятствовали пограничники, ссылаясь на запрет иностранным судам заходить во внутренние воды [19].

Отметим, что исключительная близость Амурской области к приграничным территориям КНР обуславливала появление немалого количества идей быстрого пересечения границы. В феврале 1992 года «для обеспечения непрерывности грузового, пассажирского потоков через государственную границу и их дальнейшего увеличения» администрация Амурской области и администрация Народного Правительства округа Хэйхэ подписали совместный протокол об открытии воздушного сообщения между г. Благовещенском и Хэйхэ на вертолетах Ми-8 и самолетах Як-40 и Ан-24 (Государственный архив Амурской области (далее – ГАО). Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 8. Л. 103). Однако эта нетривиальная идея трансграничных перелетов (вероятно, не имеющая аналогов в российском приграничье) так и не была осуществлена по соображениям пограничной безопасности. Исключительная географическая близость Благовещенска как областного административного центра к Китаю была не

только фактором развития взаимных контактов, но и сдерживающим обстоятельством в реализации многих проектов.

Тем не менее, транспортная система Амурской области в 1990-е гг. стала связующим звеном различных регионов РФ и СНГ с Китаем. «Только через Благовещенский и Полярковский порты товарообмен осуществляли 10 стран СНГ, а также около 30 российских краев и областей» [7, С. 39]. Об этом в своем письме к и.о. председателя Правительства РФ Е. Т. Гайдару от 1 июля 1992 года упоминал глава администрации Амурской области А. А. Кривченко. Он отметил, что руководство Амурской области и провинции Хэйлунцзян пришли к взаимопониманию в решении проблемы пассажирских и грузовых перевозок через р. Амур в период навигации и обратился к Е. Гайдару с просьбой дать разрешение на судоходство по р. Амур между портами РФ «альтернативным юридическим лицам», а также открыть для них государственную границу РФ на основе Правил международного судоходства в районах Благовещенск – Хэйхэ, Поярково – Цикэ, Джалинда – Синань, Ушаково – Хума, Благовещенск – Харбин, Поярково – Харбин. Кривченко подчеркивал, что и российской, и китайской сторонами «была признана необходимость преодоления монополизма Амурского речного пароходства (Россия) и Хэйлунцзянского речного пароходства (КНР) через развитие конкурирующих компаний. В Амурской области достаточно предпринимателей, способных создать конкуренцию существующим структурам в области судоходства по р. Амур» (ГАО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 8. Л. 58). По содержанию данного письма министр транспорта РФ В. В. Ефимов в своем письме зам. председателя правительства РФ А. Н. Шохину от 28 июля 1992 года сообщил, что плавание по р. Амур осуществляется в соответствии с действующим Уставом внутреннего водного транспорта и Правилами плавания по пограничным рекам Амурского

бассейна, не имеется никаких препятствий на пути развития «альтернативных судоходных структур», и никаких дополнительных разрешений на судоходство по р. Амур не требуется (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 8. Л. 134).

Объем товарооборота через временный погранпереход «Благовещенск» возрастал высокими темпами, активно развивались туристические связи и обмены делегациями. 16 января 1992 года Министерство транспорта РФ и Министерство коммуникаций КНР подписали «Соглашение об организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари», в Ст. 1. которого было отмечено, что «в целях обеспечения перевозок внешнеторговых грузов между Россией и КНР речным транспортом на реках Амур и Сунгари открыты для захода российских судов китайские порты Хэйхэ, Цикэ, Тунцзян, Фуцзин, Цзямусы, Харбин и для захода китайских судов российские порты Благовещенск, Поярково, Нижнеленинское, Хабаровск, Комсомольск, Маго. В этих портах осуществляется выполнение пограничных, таможенных, карантинно-санитарных и других формальностей для судов заграничного плавания и внешнеторговых грузов». Ст. 2 гласила, что «...в целях дальнейшего развития перевозок грузов российско-китайской торговли, организации транзитных перевозок грузов третьих стран на российских и китайских судах по рекам Амур и Сунгари российская сторона открывает участок реки Амур от порта Комсомольск-на-Амуре до устья для прохода китайских торговых судов с 15 мая 1992 года...». Ст. 7 и 8 устанавливали, что объемы перевозок грузов речным транспортом через эти порты будут согласовываться сторонами ежегодно на заседаниях постоянно действующей рабочей группы по транспорту Российско-Китайской межправительственной комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, а Амурское речное пароходство и Хэйлунцзянское

управление пароходства «...должны были заключать договоры и соглашения по вопросам судоходства и организации перевозок...» [16].

В 1993 году ордена Трудового Красного Знамени Амурское речное пароходство было преобразовано в акционерное общество открытого типа «Амурское речное пароходство», которое через три года было переименовано в открытое акционерное общество «Амурское пароходство». В управлении «Амурского пароходства» находились речные и морские порты, пристани, специализирующиеся на перевалке, перевозке, хранении грузов, добыче нерудных строительных материалов, РЭБы, осуществляющие ремонт судов и строительство, судостроительные заводы. Всего в 1990-е гг. в области работали четыре речных порта: Благовещенский, Свободненский, Зейский, Пояровский, оснащенные причалами, складами и перегрузочной техникой (портальные и плавучие краны), удобными затонами для зимовки флота. Благовещенский порт представлял собой высокомеханизированное портовое хозяйство, которое обеспечивало 54 % перевозок грузов и 59 % перевозок пассажиров в объеме перевозок речного транспорта области. Порт специализировался на перевалочных грузах, поступавших для портов среднего и частично нижнего Амура, и отправке строительных грузов собственной добычи. Основную часть грузооборота Свободненского порта составляли уголь и строительные материалы. Через Поярково осуществлялся вывоз райчихинского угля в Хабаровский край и потребителям области. Уголь занимал наибольший удельный вес и в перевозках речного порта Зейя. Через Благовещенский и Пояровский порты осуществлялись перевозки пассажиров и экспортно-импортных грузов в КНР. В среднем за навигацию речники перевозили 500–600 т грузов и свыше 150 тыс. пассажиров; 60 % пассажирских перевозок составляли перевозки в КНР по туристической линии [1].

К началу 1990-х гг. относится и зарождение пассажирского порта «Амурассо». В ноябре 1988 года при Амурском областном управлении сельского хозяйства была создана организация «Амуркоммерциявнешторг» для ведения внешнеэкономической деятельности и сотрудничества с Китаем. Ее руководителем был В. Н. Сушков. В декабре того же года руководство «Амуркоммерциявнешторга» отправилось на переговоры в Китай (пешком по льду Амура в сопровождении пограничников). Были достигнуты договоренности по сотрудничеству: «Амуркоммерциявнешторг» начал отправлять в Китай вагоны с удобрениями, оттуда шли товары народного потребления, одежда, обувь – то, что тогда было в дефиците на российской стороне. В декабре 1989 года было создано ЗАО «Пассажирский порт «Амурассо», Сушков становится его руководителем. Первым большим проектом вновь созданного акционерного общества, задачей которого было обеспечение перевозки туристов и товаров из России в Китай и из Китая в Россию, стало строительство причальной стенки и пункта пропуска Благовещенск – Хэйхэ. Вся инфраструктура была построена на намывной территории, отвоеванной у Амура. Первоначальные 3 гектара превратились в 18; через четверть века в собственности ЗАО «Пассажирский порт «Амурассо» находились семизэтажное административное здание, пункты пропуска, речной вокзал, несколько терминалов, производственная база, склады, доки, причалы. В 1990-е гг., когда суда распродавались на металлолом, Сушков стал собирать свою флотилию: первые суда были реконструированы из построенных еще в 1950-е гг. теплоходов («Гагара», «Благовещенск», «Алмаз», «Малахит»), а в 2005 году Сушков полностью обновил состав флота, заменив все суда на новые [11, С. 12–15].

«Амурассо» также решило сложную проблему перевозки грузов и пассажиров в осен-

ний период замерзания Амура и в весеннее время его очистки ото льда, когда навигация теплоходов была невозможна. Фирма обзавелась судами на воздушной подушке (часть закупила, часть сделала сама), так называемыми пумами, которые отличаются исключительной надежностью в водных перевозках, в том числе в период ледостава. С введением в регулярную эксплуатацию «пум» пересечение границы перестало зависеть от годовых сезонов, а порт «Амурассо» стал единственным речным международным пунктом пропуска в России, работающим круглогодично. В летнее время по Амуру курсировали теплоходы, а в зимнее – действовала ледовая переправа. Технология такой переправы была разработана учеными Якутского научно-производственного комплекса Министерства геологии СССР и заключалась в намораживании мощного ледового настила на естественных ледовых дорогах. Осенью 1990 года областным производственным объединением «Амуравтодор» было закуплено 6 установок «Град-1», которые выбрасывали струю воды по горизонтали до 70 метров. Размельченная в пыль вода быстро застывала на морозе, что позволяло быстро наращивать толщину настила [5]. По договору с Благовещенским речным портом «Амуравтодор» производил обустройство ледовой дороги и обеспечивал ее соответствие требованиям безопасности. Благовещенский погранотряд и таможенная служба обеспечивали круглосуточный доступ к ледовой дороге дорожных бригад, работников гидрометецентра и дорожно-транспортной службы ГАИ УВД для производства контроля и аварийно-спасательных работ (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 3. Л. 48–49). Ледовая переправа между Благовещенском и Хэйхэ действовала обычно с января до конца марта (в зависимости от состояния льда). Перевозка пассажиров непосредственно по льду осуществлялась автобусами вместимостью до 24 человек, оборудованных в соответствии с

правилами пассажирских перевозок и установленной фактической массой (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 134. Л. 149). Только сравнительно недавно, начиная с 2011 года, в зимний период между Хэйхэ и Благовещенском стал сооружаться понтонный мост из барж, вмерзавших в лед и таким образом сохранявший свою устойчивость до первых признаков весеннего ледохода.

Одной из проблем в развитии пассажирских перевозок с Китаем было отсутствие в Благовещенске пассажирского контрольно-пропускного пункта (КПП), отвечающего современным требованиям. В своем обращении к заместителю председателя правительства РФ А. Н. Шохину от 30 сентября 1992 года глава администрации Амурской области А. Кривченко подчеркивал, что Амурская область имеет границу с КНР по судоходной р. Амур протяженностью 1460 км, китайская сторона проявляет большой интерес к торговле с российскими приграничными территориями, но сдерживающими торговлю факторами является отсутствие в Благовещенске (и области) соответствующей инфраструктуры, необходимого количества гостиниц и офисов, складских помещений, подъемных механизмов, автотранспорта и т.д. «Переход туристов через границу, оформление и пропуск грузов через таможенную слишком усложнены; область теряет многие сотни миллионов рублей на повторном таможенном декларировании поступающих из других регионов грузов, что подрывает у местных предпринимателей заинтересованность оказывать партнерам из России и СНГ посреднические услуги». Кривченко также отмечал, что в китайском Хэйхэ, расположенном напротив Амурской области, часть территории объявлена свободной экономической зоной, китайские предприниматели имеют там таможенные льготы. Он предлагал создать на свободной территории возле Благовещенска площадью 250–300 га район интенсивного внешнеэкономического сотруд-

ничества (РИВС) – единую с КНР таможенную зону со складскими помещениями, автобазами и автостоянками, представительскими офисами, совместными предприятиями – и обеспечить резидентам таможенные и налоговые льготы (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 9. Л. 134–137). Этот проект получил одобрение зам. премьера Госсовета КНР, Председателя китайской части Межправительственной российско-китайской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству Тянь Цзюнь, но без поддержки российского руководства так и остался на бумаге.

Китайская сторона, напротив, после открытия границ использовала все возможности развернувшихся внешнеэкономических связей с Россией для развития своих приграничных территорий и их инфраструктуры. Для провинции Хэйлунцзян, учитывая ее выгодное географическое положение, исторический опыт взаимодействия с Россией (строительство Китайско-Восточной железной дороги и Харбина, создание с помощью СССР промышленных предприятий), правительством Китая была определена роль посредника между развитыми провинциями Восточного и Юго-Восточного Китая, с одной стороны, и странами СНГ – с другой. Одним из ключевых центров для связей провинции Хэйлунцзян с Россией стал г. Хэйхэ. В 1984 году, когда приграничная российско-китайская торговля только возрождалась, генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (КПК) Ху Яобан посетил приграничный Хэйхэ и произнес известную фразу: «...на юге – Шэньчжэнь, на севере – Хэйхэ. Это – два крыла, которые помогут [Китаю] лететь...». Безусловно, его впечатлило исключительное географическое положение Хэйхэ, расположенного всего в 750 м от Благовещенска через р. Амур (такое же расстояние разделяет грузовые терминалы портов Хэйхэ и Благовещенск), но задолго до этого официального визита для

порубежных с Россией китайских территорий китайским правительством была разработана четкая стратегия развития.

В сентябре 1986 года порт Хэйхэ был официально открыт экспортом сои в Благовещенск в количестве 1200 т. В марте 1992 года Госсовет КНР придал Хэйхэ статус открытого города. В том же 1992 году приграничная торговля провинции Хэйлуцзян составила 60 % от общего объема приграничной торговли всего Китая со странами СНГ, при этом из указанных 60 % на порт Хэйхэ приходилось 45 %. В 1993 году количество людей, пересекших российско-китайскую границу через порт Хэйхэ, достигло 754,4 тыс. чел., что явилось абсолютным максимумом среди портов Северо-Восточного, Северного и Северо-Западного Китая [22, С. 17–18]. В целом же после принятия в 1991 году Госсоветом КНР «Уведомления в отношении предложений по укреплению и процветанию приграничных районов посредством активного развития приграничной торговли и экономического сотрудничества» на российско-китайской границе «получили приоритетное право на ведение приграничной торгово-экономической деятельности такие города, как Маньчжоули, Хуньчунь, Хэйхэ и Суйфэнхэ. С 1995 года для этих городов были уменьшены отчисления в бюджет с целью стимулирования их экономического роста, предоставлено право самостоятельно утверждать создание предприятий с размером иностранных инвестиций до 10 млн. долл.» [9, с. 54]. К концу 90-х гг. в провинции официально было утверждено 25 пунктов пропуска, в том числе приграничные речные порты Фуюань, Жаохэ, Хэйхэ, Тунцзян и внутренние речные порты Цзямусы, Харбин и Фуцзинь. И, хотя принятые меры не привели к кардинальным экономическим прорывам в развитии приграничных территорий, они стимулировали их социально-экономическое развитие и дали толчок новым проектам. Так, объемы экспорта и импорта Хэйхэ в 1995–

2000 гг. составили 2,06 млрд. долл.; за указанный период в Хэйхэ было реализовано 425 проектов экономического и технического сотрудничества на общую сумму более 300 млн. долл. Китайские аналитики отмечали, что «сотрудничество с Амурской областью для Хэйхэ и для всей провинции Хэйлуцзян – уникальный исторический шанс» [23, С. 14].

В свою очередь, после открытия границ российская региональная администрация очень быстро осознала, что сотрудничество территорий российского Дальнего Востока с Китаем, в частности с провинцией Хэйлуцзян, является не только шансом для социально-экономического развития, но и элементарно способом выживания в сложившихся условиях пореформенной России при стремительно ухудшавшихся демографических показателях (в 1990-е гг. население Дальнего Востока сократилось на 960 тыс. чел.; в эти годы темпы сокращения численности дальневосточного населения были в 7,6 раза больше, чем по России в целом [10]) и оторванности Дальневосточного региона от центральных районов страны. «...Географические, исторические, геополитические реалии Дальневосточного региона делают неизбежным сотрудничество с Китаем... Хозяйственные структуры Китая и России достаточно сильно взаимосвязаны, и целый ряд рынков обеих стран не могут существовать друг без друга», – подчеркивал глава администрации Амурской области В. П. Полеванов на совещании по проблемам развития российско-китайских отношений в Дальневосточном регионе в Благовещенске в январе 1994 года, им были приведены и цифры объемов грузов и пассажиров, перевезенных через российско-китайскую границу. Так, в 1993 году объем грузов, перевезенных через таможенную область, составил 597,4 тыс. т (84 % к уровню 1992 года), транспортных средств было пропущено 74,6 тыс. ед. (116,5 %), через границу проследовала 771 тыс. пассажиров (122,4 %). Общее количество предприятий,

осуществлявших экспортно-импортные операции, в 1993 году возросло почти в 2 раза – до 900 против 490 в 1992 году. Внешнеторговый оборот области в 1993 году равнялся 407,9 млн. долл. (97,9 % к уровню 1992 года), из них с Китаем – 374,9 млн. долл. (91,9 %). Полеванов также выделил причины, негативно влиявшие на «амурско-китайские» взаимоотношения, в числе которых отмечал «техническую неспособность таможен и пограничных переходов справиться с возросшим за последние три года в десятки раз потоком грузов и пассажиров» (ГААО. Ф. Р-2286. Оп.1. Д.154. Л.7–8). Он также внес предложение (оставшееся, впрочем, только в протоколах совещания) разрешить китайским судам входить с лоцманом во внутренние воды РФ – по р. Зее в речной порт г. Свободного, а российским судам – во внутренние воды КНР – по р. Сунгари в речной порт г. Харбина (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 154. Л. 10).

Необходимость модернизации приграничной логистики вызвала к жизни проект строительства моста Благовещенск – Хэйхэ, который в условиях рассогласованности между российским центром и регионами и слабой эффективности российских управленческих механизмов стал хрестоматийным примером длительности воплощения в жизнь. На протяжении 1990-х гг. шло обсуждение проекта на различных уровнях. В июне 1995-го премьер-министр КНР Ли Пэн посетил Россию и подписал соглашение о совместном строительстве моста через Амур. Несмотря на готовность китайской стороны немедленно приступить к его сооружению, в российское правительство только к осени 2005 года было подготовлено и отправлено на экспертизу его технико-экономическое обоснование, а строительство начато лишь в 2016 году. Как известно, мост был завершён в 2019 году, однако ввод его в эксплуатацию сегодня отложен до неопределённого времени в связи с разразившейся пандемией COVID-19.

Между тем, увеличение международных грузо- и пассажиропотоков обостряло существовавшие транспортные проблемы. В 1995 году за границу с туристическими целями выехало 213,5 тыс. чел. амурчан (по сравнению с 1994 годом произошло увеличение в 1,5 раза). Ежедневно до 800 российских туристов выезжали в КНР – в Хэйхэ, Харбин и другие города. Погранпереход «Благовещенск» стал одним из крупнейших на Дальнем Востоке – в 1995 году через него прошли 135 тыс. т международных грузов и 373 тыс. чел. пассажиров. Вторым по значимости пунктом пропуска в области стал пункт пропуска «Поярково» – в 1995 году через него проследовало 44,2 тыс. т грузов и 8,3 тыс. пассажиров. Через КПП «Джалинда» было пропущено всего 630 т. грузов при пропускной способности более 130 тыс. т., т.е. возможности этого КПП были использованы не в полной мере. Это было характерно для всех трех вышеупомянутых переходов – к 1995 году их потенциальная пропускная способность грузов составила 1100 тыс. т., пассажиров – 850 тыс. чел., но использовалась не полностью: для пропуска товаров – только на 17 %, для перевозки пассажиров – на 45 % (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 258. Л. 67–70).

Низкая пропускная способность российских КПП и инфраструктур населенных пунктов, их необустроенность стала серьезным препятствием в расширении российско-китайских связей. Эту проблему в своей докладной записке вице-премьеру правительства РФ А. Н. Шохину подробно проанализировал генконсул РФ в Шэньяне А. Ф. Никитин. Он предложил в приграничных населенных пунктах (Забайкальск, Пограничный, Краскино, Благовещенск) создать «свободные экономические районы, районы приграничного экономического сотрудничества и районы совместного освоения, стимулировав здесь создание совместных российско-китайских акционерных компаний по строительству, торговле, автоперевозкам; организа-

цию совместных предприятий; создание участков свободной торговли и обмена вблизи линии границы»; стимулировать расширение авиаперевозок между центрами приграничных областей России и провинций Китая; привлечь к проведению работ по благоустройству приграничных населенных пунктов и их КПП туристические организации РФ. Никитин высказывал также радикальные предложения – «предоставить на срок 3–4 года хозяйственно-правовую самостоятельность местным районным (городским) администрациям» (дав им возможность создавать «небольшие хозяйственные структуры», в том числе на акционерной основе, а также получать в свое распоряжение часть средств, идущих от пошлинных и иного рода сборов), а также разрешить местным администрациям получать и использовать кредитную и иную помощь, предлагаемую китайскими административными и коммерческими администрациями для обустройства российских приграничных населенных пунктов и их КПП (ГААО. Ф. Р-2286. Оп. 1. Д. 8. Л. 48–51).

Эти тезисы базировались на основе развивавшихся международных и внешнеэкономических контактов между приграничными территориями России и Китая, а также на опыте Китая, в 1990-е гг. осуществившем детальную разработку правовой базы своей внешнеэкономической деятельности, набравшей обороты по мере распространения концепции «социалистической рыночной экономики». Закон КНР о внешней торговле (ЗоВТ), принятый 12 мая 1994 года и вступивший в силу с 1 июля 1994 года, стал основой внешнеторговой системы Китая. В соответствии с ЗоВТ во всем Китае был установлен единый порядок ведения внешнеторговой деятельности; ее участникам была предоставлена независимость, разрешен свободный импорт и экспорт товаров, услуг и технологий и т.д. [21].

Таким образом, китайские провинциальные власти приграничных северо-восточных территорий, действуя в соответствии с указаниями

правительства КНР и опираясь на поддержку государства, были всесторонне готовы к выходу на внешнеэкономический рынок. К сожалению, активного включения российских приграничных территорий в эти процессы не произошло. В провинции Хэйлуцзян было создано 10 торговых зон, из которых самыми значимыми оставались Хэйхэ (российский город-сосед – Благовещенск) и Суйфэньхэ (Пограничный), но, несмотря на удобное географическое положение и наличие природно-ресурсного потенциала, статуса свободных экономических зон (СЭЗ) они так и не получили. Среди основных причин этого следует назвать несовершенство российского законодательства, отсутствие необходимого финансирования для развития инфраструктуры СЭЗ, недостаточную проработанность проектов и т.д. В условиях недостаточного государственного контроля на пограничных пунктах пропуска нередко реализовывались криминальные, «теневые» схемы, а КПП становились территорией, где процветали взяточничество и коррупция. В Амурской области к концу 1990-х гг. действовали три погранперехода: Благовещенск – Хэйхэ, Поярково – Суньхэ и Джалинда – Синань. Но, несмотря на особое значение и важность приграничных погранпереходов, к концу последнего десятилетия XX века их потенциальные возможности (по пропуску грузов – 1100 тыс. т., по пропуску пассажиров – 850 тыс. чел. в год) использовались лишь на 0,04 % и на 70 % соответственно [15, С. 249].

С каждой навигацией падали и объемы переработки грузов ЗАО «Торговый порт Поярково».

Так, если в навигацию 1995 года было переработано 967 тыс. т., то в навигацию 1996 года – 567 тыс. т. В навигацию 1997 года ЗАО «Торговый порт Поярково» в качестве основного груза переработал 494,4 тыс. т угля (в том числе 418,2 тыс. т для Амурской ТЭЦ), 5 тыс. т угля было отправлено в Китай, 3530 т – для воинских частей Амурской области,

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

6077 т – для Архаринской администрации и 12 514 т – для Константиновской администрации. Кроме того, в Китай было перевезено 11 тыс. т металлолома, 96 т сухого молока и 6390,5 т сои. Всего за навигацию 1997 года паром порта Поярково выполнил 34 рейса в КНР, с соей было перевезено 563 машины, с металлоломом – 78.

Теплоход «Хрусталь» перевез 1560 туристов. В целом, как отмечал директор ЗАО «Торговый порт Поярково» В. А. Дьяченко, в 1980-е гг. такие объемы грузов порт «перерабатывал за месяц». Всего же за 9 месяцев 1997 года порт планировал получить доходов 7867 млн. руб., но этот план был выполнен на 96 % (7517 млн. руб.), расходы составили 6361 млн. руб., и еще порт оставался должен китайской стороне 20 тыс. долл. по судозаходам.

По словам Дьяченко, международные перевозки в Китай приносили порту живые день-

ги, но расширение сотрудничества мешала необустроенность перехода в районе Поярково [14].

Наблюдавшаяся двойственность – с одной стороны, объективная необходимость и выгода развивать международные связи с Китаем, с другой – сохранявшийся примитивизм приграничной инфраструктуры и логистики – не давала приграничным отношениям Амурской области и провинции Хэйлуцзян выйти на новый уровень, хотя в силу географического положения Амурской области её основным внешнеторговым партнером оставался Китай. Данные о внешнеторговом обороте области и доле в нем Китая в 1990-е гг. представлены в Табл. 1.

Таблица 1 – Внешнеторговый оборот Амурской области и доля в нем Китая (млн долл.)

Показатель	1993 год	1994 год	1995 год	1996 год	1997 год	1998 год
Всего						
Оборот	407,6	189,5	140,1	98,2	118,4	96,2
Экспорт	233,2	91,3	63,8	46,0	51,8	44,9
Импорт	174,7	98,2	76,3	52,2	66,6	51,3
Государства – участники СНГ						
Оборот		33,0	15,8	11,0	17,1	4,8
Экспорт		3,8	1,4	0,6	0,4	1,2
Импорт		29,2	14,4	10,4	16,7	3,6
Зарубежные страны (без государств – участников СНГ)						
Оборот	407,6	156,5	124,3	87,2	101,3	91,4
Экспорт	233,2	87,5	62,4	45,4	51,4	43,7
Импорт	174,4	69,0	61,9	41,8	49,9	47,7
Из них Китай						
Оборот	374,5	84	54,4	58,7	66,7	51,7
Экспорт	202,7	53,4	32,4	29,3	34,5	31,1
Импорт	171,8	30,6	22,0	29,4	32,2	20,6

(Составлено по данным «Госкомстат России»

Амуроблкомитет госстатистики. Внешнеэкономическая деятельность в Амурской области в 1998 г.». – Благовещенск, 1999. – С. 10, 16–17).

Из данных таблицы видно, что на протяжении 90-х гг. динамика внешней торговли постоянно менялась. Наивысший пик пришелся на 1992–1993 гг., затем наблюдается резкое снижение указанного показателя (это было связано с усложнившимися правилами выезда российских и китайских граждан на территорию соседней страны и повышением тарифов на импорт), а затем – волнообразная амплитуда со спадом в период российского дефолта 1998 года. Объемы товарооборота с Китаем в общем объеме внешнеторгового оборота области всегда были значительными – от максимальных показателей в 91,9 % в 1993 году до минимальных в 38,8 % в 1995 году, но в среднем составляли более 50 %.

Основными статьями экспорта в Китай были соевые бобы, минеральные удобрения, электроэнергия, рельсы, бывшие в употреблении, цинк, отходы и лом черных и цветных металлов, жесть белая, лесоматериалы, комбайны зерноуборочные, молоко сухое. Основными статьями импорта из Китая являлись продукты питания, а также ткани, электроды, сети рыболовные, медицинское оборудование, стройматериалы, насосы для ГСМ, торговое оборудование, велосипеды, посуда, алюминий серноокислый. По данным на 1998 год, 9 % во внешнеторговом обороте области составляли бартерные сделки, причем 99 % из них приходились на сделки с Китаем, хотя они постепенно и вытеснялись валютно-импортными операциями. Предметом бартера по экспорту с Китаем стали соевые бобы, электроэнергия, изделия из древесины, лесоматериалы обработанные и необработанные, отходы и лом черных металлов, плавсредства; по импорту – мясо блочное, фрукты, рис, ткани и мешки из синтетических волокон, портландцемент, насосы ГСМ, плиты древесно-стружечные, мебель, эмали [4].

Еще одной формой внешнеэкономической деятельности была международная торговля услугами. Большая часть экспортных услуг области с момента открытия границ также приходилась на Китай (99 % общего объема экспортных услуг), за 1999 год – 2,2 млн. долл., что было примерно на уровне 1995 года и на 49 % ниже объемов 1998 года. Почти 1/3 общего объема экспортных услуг составили транспортные услуги: грузовые и пассажирские перевозки, сдача транспорта в наем, обслуживание и ремонт китайских судов в портах Амурской области. Все транспортные услуги были оказаны Китаю такими предприятиями, как ЗАО «Торговый порт Зeya» и ЗАО «Пассажирский порт «Амурассо». Что касается импортных услуг, то их общий объем в 1999 году составил 3,3 млн. долл. (по сравнению с показателем 1998 года снизился в 5 раз); из них около трети приходилось на Китай. Наибольшую долю импортных услуг (57 %) занимали услуги старательных артелей, использовавших труд иностранных граждан; 19 % приходилось на оплату туристическими фирмами пребывания российских граждан за рубежом. Объем же транспортных услуг, складывавшихся из расходов амурских судов за границей (расходы по обработке и хранению грузов, оплата портовых сборов, техническое обслуживание и ремонт), составил в 1999 году лишь 8 % (к уровню 1998 года сократился на 57 %); такие услуги оказывали ЗАО «Торговый порт Благовещенск», ЗАО «Пассажирский порт «Амурассо», ГУП «Автоколонна-1893» [5].

Внешнеэкономическая деятельность стала одним из важных секторов области. За счет торговли с Китаем была удовлетворена значительная часть спроса населения области на сахар, фрукты, мясные продукты, рис, чай, кондитерские изделия, одежду и обувь. Но в целом, приграничные внешнеэкономические связи не оказывали благоприятного воздействия на внутреннее экономическое

развитие региона, прежде всего потому, что характер и уровень развития внешнеэкономических связей не соответствовал внутреннему экономическому потенциалу. Нарастал разрыв между уровнями развития приграничных регионов Дальнего Востока России и северо-восточных провинций КНР, что обуславливало получение Китаем наибольшего экономического и социального эффекта в процессе осуществления международных связей. Состояние внешнеэкономической деятельности не отвечало требованиям и интересам Приамурья [13, С. 246–247]. К концу последнего десятилетия XX века доля регионов Дальнего Востока во внешней торговле России не превышала 4 %, а доля Амурской области во общем товарообороте Дальнего Востока – лишь 2 %. В 1998 году доля Амурской области в экспорте и импорте провинции Хэйлунцзян составила 0,01 % и 1,5 % соответственно, что свидетельствовало о незначительном влиянии области на торговлю провинции и в целом на развитие Северо-Восточного Китая [21, С. 250].

Заключение

Итак, рассмотрев роль амурского речного транспорта в развитии контактов Амурской области и провинции Хэйлунцзян в 1990-е гг., мы приходим к выводу, что в целом он выполнял функцию связующего звена между приграничными территориями российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая, обеспечивая перевозку грузов и пассажиров. Это в немалой степени было обусловлено многолетней деятельностью российских судов на Амуре и имевшимся историческим опытом взаимодействия российских и китайских речников в решении проблем обеспечения судоходства по пограничной акватории. Последнее десятилетие XX века стало периодом кардинальных трансформаций для Амурского речного транспорта, когда вследствие социально-экономических реформ в России и на рос-

сийском Дальнем Востоке были разрушены складывавшиеся десятилетиями связи между предприятиями, закрыты налаженные речные маршруты, стали нерентабельны практически все внутренние перевозки. В то же время, открытие границ дало возможность строить и развивать международные связи с сопредельным Китаем на совершенно новых условиях. Наметившиеся еще в середине 1980-х гг. новые направления приграничного российско-китайского сотрудничества несли в себе значительный потенциал для развития российских регионов и, в частности, Амурской области. Однако, несмотря на ее уникальную географическую близость к Китаю, этот потенциал так и не был реализован. В условиях наступившей децентрализации госконтроль над промышленными и производственными предприятиями области был полностью утрачен, что привело к их захватническому переходу в частные руки, дальнейшему искусственному банкротству и расхищению. Амурскому речному транспорту необходимы были финансовые вливания для его поддержки и ремонта, но в сложившейся ситуации поиск средств был практически полностью возложен на плечи руководителей-речников. Амурские порты приспособились к новым условиям, заключая договоры на перевозку грузов в Китай и обеспечивая пересечение границы пассажирами, однако в целом эти связи носили инерционный характер. На фоне ограниченных полномочий и средств у региональных властей нерешенной оставалась проблема приграничной инфраструктуры, несовершенства пунктов пропуска на границе, что вкупе со стагнацией российских дальневосточных территорий в эпоху реформ и отсутствием четкой стратегии по их развитию создавало серьезные препятствия для подъема на качественно новый уровень внешнеторговых связей с активно идущим вперед Китаем. Тем не менее роль Амурского речного транспорта во

взаимодействии российских и китайских сопредельных территорий была значительной – при отсутствии иной (железнодорожной, автомобильной, воздушной) инфраструктуры его деятельность фактически обеспечила выживание Амурской области в социально-экономических условиях 1990-х гг., заложила основу для дальнейшего развития торгово-экономических, научных, гуманитарных и иных связей Дальнего Востока России с северо-восточными провинциями КНР.

Библиография:

1. Амурская область. Транспорт и связь. Госкомстат Амурской области. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 1997. – С. 10.
2. Амурский статистический ежегодник. Госкомстат Амурской области. – Благовещенск: Амуроблкомстат, 2000. – С. 100-102.
3. 75 лет в рейсе: Сборник научных статей. – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1973. – 151 с.
4. Госкомстат России. Амуроблкомитет госстатистики. Внешнеэкономическая деятельность в Амурской области в 1998 г. – Благовещенск, 1999. – С. 6.
5. Давыдов Л. Через Амур по ледяному настилу // Амурская правда. – 1990. – 28 ноября.
6. Иванов С.А. Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. – № 3 (10). – С. 52-59.
7. Лаврентьев А.В. Приграничная транспортная система сообщений между российским Дальним Востоком и КНР (вторая половина 1980-х – 1990-е годы) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 4. – С. 36-41.
8. Кузьмин Л. На водных трассах Приамурья // Амурская правда. – 1982. – 4 июля.
9. Минакир П.А. Дальний Восток и Забайкалье накануне реформы: концепция вхождения в рынок // Пространственная экономика. – 2017. – № 1. – С. 17–51. DOI: 10.14530/se.2017.1.017–051.
10. Плешивцев А.В. К вопросу о взаимосвязи внешнеэкономической деятельности и экономического развития региона (на примере Амурской области) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. – Благовещенск: Издательство АмГУ, 2002. – С. 243-248.
11. Позднякова М. Владимир Сушков: «Хочешь добиться успеха – действуй!» // Деловое Приамурье. – 2014. – № 3 (58). – С. 12-15.
12. Россия и Китай: четыре века взаимодействия: история, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А.В. Лукина. – М.: Весь мир, 2013. – С. 467-468.
13. Рыбаковский Л.Л. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество (Доклад на 5-м Дальневосточном международном форуме 4–5 октября 2011 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (дата обращения: 05.01.2020).
14. Славин В. Закончилась очередная навигация // Михайловский вестник. – 1997. – № 153 (8271). – 18 ноября.
15. Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (1917–1974). – М.: Наука, 1977. – 368 с.
16. Соглашение между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством коммуникаций Китайской Народной Республики об организации перевозок внешнеторговых грузов российскими и китайскими судами по рекам Амур и Сунгари (16.01.1992 г.). [Электронный ресурс]. – URL: <http://allmedia.ru/laws/DocumShow.asp?DocumID=40254&DocumType=0> (дата обращения: 13.12.2020).

17. Сухов А.М. Содружество советских и китайских речников // 40 лет КНР (Сб-к статей). Из серии «Тихий океан: социально-экономические и политические проблемы». – Хабаровск, 1990. – С. 17-21.
18. Терновец Е.В. Влияние транспортной инфраструктуры на эффективность внешне-экономических связей Амурской области с КНР // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 4. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 248-251.
19. Тимченко М. Дружно – не грузно // Амурская правда. – 1992. – 11 декабря.
20. Тимченко М. «Надежда нас не покидает» (Благовещенскому речному порту – 125 лет) // Амурская правда. – 1998. – 11 июля.
21. 中华人民共和国对外贸易法 (1994年) (Закон о внешней торговле КНР 1994 года). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gov.cn/flfg/2005-06/27/content_9851.htm (дата обращения: 13.01.2021) (на кит. яз.).
22. 黑河市口岸办. 黑河—布市口岸若干问题研究 (Канцелярия порта Хэйхэ. Исследование некоторых проблем портов Хэйхэ и Благовещенск) // Дунъюэ Чжунъя шичан яньцзю. – 2001. – № 8. – С. 17-21 (на кит. яз.).
23. 张明元, 张玉龙, 齐伟, 徐霄天, 付国霞, 李培培. 黑河与阿穆尔州地区合作研究报告 (Чжан Минъюань, Чжан Юйлун, Ци Вэй, Сюй Сяотянь, Фу Гося, Ли Пэйпэй. Доклад об исследовании регионального сотрудничества между Амурской областью и Хэйхэ) // Хэйхэ сюэкань. – 2011. – № 1. – С. 10-16 (на кит. яз.).
- the Amur Region]. – Blagoveshchensk: Amuroblkomstat, 1997 (In Russ.).
2. Amurskiy statisticheskiy yezhegodnik. Goskomstat Amurskoy oblasti [Amur Statistical Yearbook. Goskomstat of the Amur Region]. – Blagoveshchensk: Amuroblkomstat, 2000. (In Russ.).
3. 75 let v reyse: Sb-k nauchnyh statej [75 years on the voyage: Collection of scientific articles]. – Habarovsk: Hab. kn. izd-vo, 1973. – 151s. (In Russ.).
4. Goskomstat Rossii. Amuroblkomitet gosstatistiki. Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost' v Amurskoy oblasti v 1998 g. [Goskomstat of Russia. Amuroblokomitet of state statistics. Foreign economic activity in the Amur region in 1998] – Blagoveshchensk, 1999. (In Russ.).
5. Davydov L. (1990) Cherez Amur po ledyanomu nastilu [Through Amur on the ice floor], *Amurskaya Pravda*. 28 noyabrya. (In Russ.).
6. Ivanov S.A. (2009) Formirovanie prigranichnogo s Rossiej poyasa otkrytosti KNR [Formation of the China Openness Belt bordering Russia], *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. № 3(10). – S.52-59. (In Russ.).
7. Lavrent'ev A.V. (2009) Prigranichnaya transportnaya sistema soobshchenij mezhdru rossijskim Dal'nim Vostokom i KNR (vtoraya polovina 1980-h-1990-e gody) [Cross-border transport system of communications between the Russian Far East and the PRC (second half of the 1980s-1990s)], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. № 4. – S. 36-41. (In Russ.).
8. Kuz'min L. (1982) Na vodnyh trassah Priamur'ya [On the waterways of the Amur region], *Amurskaya Pravda*. 4 iyulya. (In Russ.).
9. Minakir P.A. (2017) Dal'nij Vostok i Zabajkal'e nakanune reformy: koncepciya vhozhdeniya v rynek [The Far East and Transbaikalia on the eve of the reform: the concept of entering the market], *Prostranstvennaya*

References:

1. Amurskaya oblast'. Transport i svyaz'. Goskomstat Amurskoy oblasti [Amur region. Transport and communication. Goskomstat of

- ekonomika*, № 1. – S. 17–51. DOI: 10.14530/se.2017.1.017-051. (In Russ.).
10. Pleshivcev A.V. (2002) K voprosu o vzaimosvyazi vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti i ekonomicheskogo razvitiya regiona (na primere Amurskoj oblasti) [On the issue of the relationship between foreign economic activity and economic development of the region (on the example of the Amur Region)], *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah*. Vol.4. – Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU. – S.243-248. (In Russ.).
11. Pozdnyakova M. (2014) Vladimir Sushkov: «Hochesh' dobit'sya uspekha – dejstvuj!» [Vladimir Sushkov: «If you want to succeed – act!»], *Delovoe Priamur'e*. №3 (58). – S. 12-15. (In Russ.).
12. Rossiya i Kitaj: chetyre veka vzaimodejstviya: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskih otnoshenij [Russia and China: Four Centuries of Interaction: History, Current State and Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations] / Ed. A.V. Lukin. – M.: Ves' mir, 2013. – 704s. (In Russ.).
13. Rybakovskij L.L. Demograficheskij potencial Dal'nego Vostoka, ego dinamika i kachestvo (Doklad na 5-m Dal'nevostochnom Mezhdunarodnom forume 4-5 oktyabrya 2011 g.) [Demographic potential of the Far East, its dynamics and quality (Report at the 5th Far Eastern International Forum on October 4-5, 2011)]. – URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> – (Accessed: 05.01.2020). (In Russ.).
14. Slavin V. (1997) Zakonchilas' ocherednaya navigaciya [Another navigation has ended], *Mihajlovskij vestnik*. № 153 (8271), 18noyabrya. (In Russ.).
15. Sladkovskij M.I. (1977) Istoriya torgovo-ekonomicheskikh otnoshenij narodov Rossii s Kitaem (1917 - 1974) [History of trade and economic relations of the peoples of Russia with China (1917 - 1974)]. – M.: Nauka. – 368s. (In Russ.).
16. Soglasenie mezhdru Ministerstvom transporta Rossijskoj Federacii i Ministerstvom kommunikacij Kitajskoj Narodnoj Respubliki ob organizacii perevozok vneshnetorgovyh gruzov rossijskimi i kitajskimi sudami po rekam Amur i Sungari (16.01.1992 g.) [Agreement between the Ministry of Transport of the Russian Federation and the Ministry of Communications of the People's Republic of China on the organization of transportation of foreign trade cargo by Russian and Chinese vessels along the Amur and Songhua Rivers (01.16.1992)]. – URL: <http://allmedia.ru/laws/DocumShow.asp?DocumID=40254&DocumType=0> – (Accessed: 13.12.2020). (In Russ.).
17. Suhov A.M. (1990) Sodruzhestvo sovetских i kitajskih rechnikov [Commonwealth of Soviet and Chinese river workers], *40 let KNR (Sb-k statej). Iz serii «Tihij okean: social'no-ekonomicheskie i politicheskie problemy» [40 years of the PRC (Collection of articles). From the series "The Pacific Ocean: Socio-Economic and Political Problems"]* – Habarovsk, 1990. – p.p. 17-21. (In Russ.).
18. Ternovec E.V. (2002) Vliyanie transportnoj infrastruktury na effektivnost' vneshneekonomicheskikh svyazej Amurskoj oblasti s KNR [Influence of transport infrastructure on the effectiveness of foreign economic relations between the Amur Region and the PRC], *Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah*. Vol. 4. – Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU. – S. 248-251. (In Russ.).
19. Timchenko M. (1992) Druzjno – ne gruzno [Friendly - not heavy], *Amurskaya Pravda*. 11 dekabrya. (In Russ.).
20. Timchenko M. (1998) «Nadezhda nas ne pokidaet» (Blagoveshchenskomu rechnomu portu 125 let») [«Hope does not leave us» (Annunciation river port is 125 years old)], *Amurskaya Pravda*. 11 iyulya. (In Russ.).

21. 中华人民共和国对外贸易法 (1994年) [Chinese Foreign Trade Law 1994]. – URL: http://www.gov.cn/fifg/2005-06/27/content_9851.htm – (Accessed: 05.01.2020). (In Chin.).

22. 黑河市口岸办 (2001) 黑河—布市口岸若干问题研究 [Heihe Port Office. Investigation of some problems of the ports of Heihe and Blagoveshchensk], *Dongou Zhongya shichang yanjiu*, № 8, p.p. 17-21. (In Chin.).

23. 张明元, 张玉龙, 齐伟, 徐霄天, 付国霞, 李培培 (2011) 黑河与阿穆尔州地区合作研究报告 [Zhang Mingyuan, Zhang Yulong, Qi Wei, Xu Xiaotian, Fu Gouxia, Li Peipei. Report on the study of regional cooperation between the Amur region and Heihe], *Heihe xuekan*. №1, p.p. 10-16. (In Chin.).

УДК 323.1(430):316.65(410)

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-2-49-60

ГЕЛЛА Тамара Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: gellat@mail.ru

GELLA T.N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Universal History and Regional Studies, Faculty of History, Orel State University named after I.S.Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: gellat@mail.ru

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ГЕРМАНИИ В 1861 ГОДУ
В ОЦЕНКЕ АНГЛИЙСКИХ СОВРЕМЕННОКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКА «THE SPECTATOR»)**

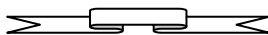
**NATIONAL QUESTION IN GERMANY IN 1861 IN THE ASSESSMENT OF
ENGLISH CONTEMPORARIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE WEEKLY
«THE SPECTATOR»)**

Аннотация. Основная цель статьи посвящена вопросам презентации политических событий в Германии в 1861 году на страницах британского периодического издания «The Spectator». Основной акцент сделан автором на анализе освещения английскими журналистами специфики национального вопроса в Германском союзе: позиций немецких политических группировок по проблемам объединения страны, осознания англичанами сложности шлезвиг-голландской проблемы, их оценок роли Вильгельма I в предстоящем объединительном процессе, а также их осмысления места Пруссии на европейской международной арене.

Ключевые слова: «The Spectator», Германский союз, Пруссия, Вильгельм I Прусский, национальный вопрос, Шлезвиг, Гольштейн.

Abstract. The main purpose of the article is devoted to the presentation of political events in Germany in 1861 on the pages of the British periodical “The Spectator”. The main emphasis is made by the author on the analysis of the coverage by Englishmen of the specifics of the national issue in the German Union: the standpoint of German political groups on the problems of unification of the country, the British awareness of the Schleswig-Holstein problem complexity, their assessments of William I role in the upcoming unification process, as well as their understanding of Prussia’s place in European international arena.

Keywords: The Spectator, The German Union, Prussia, Wilhelm I of Prussia, the national question, Schleswig, Holstein.

Великобритания в середине XIX века являлась ведущей страной мира. В силу своего преобладающего положения, как в экономическом, так и в политическом плане на международной арене она стремилась в той или иной степени влиять на внутри- и внешнеполитические курсы европейских стран. Интерес к жизни европейских народов у англичан был постоянным, тем более он подкреплялся

широкой издательской и публицистической активностью британских журналистов. Во многом общественное мнение жителей Соединенного Королевства формировалось под влиянием многочисленных периодических изданий и прессы, которые в рассматриваемый период выходили значительными тиражами и в силу приемлемой ценовой политики были доступны самым различным слоям

британского общества. В данной статье предпринята попытка проанализировать ряд публикаций в британском периодическом еженедельном издании «The Spectator» только за один 1861 год, посвященных политическим событиям и жизни жителей Германии.

1861 год в истории европейских стран занимает особое место. В результате роста националистических тенденций активизировались объединительные процессы на Европейском континенте. Пьемонт встал на путь объединения, начав в 1859 году совместно с Францией войну против Австрии. Рисорджименто успешно завершается образованием в марте 1861 года Итальянского королевства. Непростые времена переживает Австрийская империя. Габсбурги сталкиваются с обострением национальных проблем, особенно связанных с венгерским вопросом, при этом продолжается конкурентная борьба с Пруссией за лидерство в Германском союзе. Национальный вопрос с особой силой обостряется в немецких государствах, особенно в Пруссии, в которой усиливается пропаганда за создание единого государства под эгидой династии Гогенцоллернов.

Германские государства в начале 60-х гг. XIX века привлекали внимание английских современников. Анализ публикаций, посвященных различным аспектам внутривнутриполитической жизни жителей этих государств, и в первую очередь Пруссии, дает основу для формирования представлений о взглядах британцев на жизнь «других», об их отношении к политике европейских государств, тем самым позволяет оценивать их позиции по отношению к политике своего правительства. Важным является и то, что знакомство с этими публикациями предоставляет возможность очертить круг тех интересов читателей, которыми руководствовались их авторы, что, в свою очередь, способствует пониманию (в полной или не совсем в полной мере) духов-

ного мира британцев средневикторианской эпохи.

В середине XIX столетия в Великобритании издавалось множество периодических изданий, охватывающих разнообразную проблематику и стремившихся удовлетворить различные вкусы читателей. В центре нашего внимания издание «The Spectator» («Зритель»), которое было основано в 1828 году, не принадлежало открыто никакой партийной группировке, поскольку не придерживалось каких-либо конкретных политических направлений, но в целом было консервативно настроенным политическим еженедельником.

Интерес англичан к Германии и немцам был довольно специфическим. В одной из публикаций журнала «The Spectator» было утверждение, что из всех стран Европы Германия была той страной, которую жители Британских островов посещали меньше всего. «Ее язык широко известен, ее города знакомы, как Париж, ее народ более тесно связан с нашим, чем французы или итальянцы», – отмечалось в журнале [8, 1 June, P. 582]. Но при этом было подмечено, что англичане с очень «большой неохотой» интересуются немецкой политикой. В оценках журналистов германской политики отчетливо звучит определенная доля типичного английского снобизма. Примечательным в этом отношении будет следующее их высказывание: «По правде говоря, немецкая политика слишком похожа на немецкую метафизику, всегда тонкую и часто глубокую, но туманную и утомительную до последней степени» [8, 1 June, P. 582]. Однако германская проблематика все же присутствует на страницах данного журнала. Можно выделить несколько тем, которые привлекали внимание британских журналистов и читателей. К их числу следует отнести такие вопросы, как роль Германии в европейской политике; Пруссия, ее правители и внутренняя политика; перспектива обра-

зования единого германского государства и, конечно, шлезвиг-голландская проблема.

Германия середины XIX века представлена на страницах «The Spectator» как страна достаточно слабая в отличие от тех времен, когда правил Фридрих II – «самый удачливый из монархов своего времени». По мнению журналистов, жители страны бережено хранят о нем память, так как после него не было ни одного «суверенного» правителя, который бы обладал хотя бы десятой долей его способностей «как государственного деятеля или воина». «Посредственность царица безраздельно там, где глупость не узурпировала ее место» [8, 5 Jan., P. 11; 9, 20 Jul., P. 778], – следовало заключение. С момента смерти Фридриха Великого Германия «блуждала и кружилась в водоворотах революции и деспотизма», она не смогла ни создать политических институтов (видимо, подразумевался представительный орган наподобие британского парламента – Т. Г.), ни выдвинуть политического деятеля или деятелей, которые могли бы заменить их. А в настоящее время в Германии вместо Фридриха II правит Фридрих Вильгельм IV, а вместо объединенной страны «Европа имеет то, что мы (англичане – Т. Г.) теперь видим – богатую и слабоумную федерацию, бессильную для добра, могущественную для зла» [8, 1 Jun., P. 582].

Все же необходимо отметить, что основное внимание журнал уделяет внутри- и внешнеполитическим делам Пруссии. 2 января 1861 года скончался король Пруссии Фридрих Вильгельм IV из династии Гогенцоллернов, правивший страной с 1840 года. Правда, в октябре 1857 года с королем случился удар и управлять государственными делами стал его брат, шестидесятилетний принц Вильгельм Прусский, которому через год (в 1858 году) по королевскому указу передавались prerogative регента. Оценки деятельности Фридриха Вильгельма IV, данные «The Spectator», отличаются

определенной лояльностью, а где-то и снисходительностью. Англичане отзываются о нем как о хорошем, вдумчивом, утонченном, учтивом, доброжелательном человеке, «любителе искусства и литературы». По их мнению, он был более пригоден для жизни ученого, чем для жизни, исполненной королевских обязанностей. Но при этом пишут, что у него были устремления, которые больше были характерны для детского воображения, а не для серьезных суждений. Таким образом, прусский король выступал этаким мечтателем, который стремился реализовывать свои политические замыслы так, как он хотел или воображал, а не так, как «суровый факт диктовал как осуществимое». Такая оценка характера прусского правителя совпадала и с мнением немецких современников. В частности, младогегельянец Давид Штраус назвал Фридриха Вильгельма IV «романтиком на троне», так как тот придерживался «прямотаки средневековых взглядов на священную неприкосновенность христианско-феодальной монархии» [3, С. 325]. Журналисты отмечали отсутствие у него последовательности в проведении своей политики. «Попеременно решительный и колеблющийся», как они пишут, Фридрих Вильгельм IV инициировал либеральную политику (результаты мартовской революции в Пруссии 1848 года – Т. Г.) [более детально см.: 3, С.324–326; 4, С. 61–81], которая, как показал опыт, «не соответствует по форме и содержанию фактам современного мира». В качестве примеров его непоследовательности и «слабой натуры» они приводят такие факты, как то, что в период революции 1848–1849 гг. «он позволил реальному руководству Германией ускользнуть от него». Весной 1849 года он отказался принять имперскую корону в соответствии с конституцией, разработанной франкфуртским парламентом. «The Spectator» по этому поводу замечает, что сам Фридрих Вильгельм IV объяснял свой посту-

пок тем, что он отказался «от императорской короны не потому, что он этого не хотел, или не потому, что это было не выгодно его народу, но потому, что способ ее вручения (т. е. парламента, порожденного революцией – Т. Г.) повредил ее королевской святости». «Слабость» короля проявлялась и в том, он «в 1850 году он отказался от поддержки конституционалистов Гессен-Касселя (небольшое немецкое имперское княжество в рамках Германского союза – Т. Г.), а в 1853–1854 гг. не произнес ни слова, которое могло бы остановить русскую войну (Крымская война 1853–1856 гг. – Т. Г.)» [8, 5 Jan., P. 11; 9, 20 Jul., P. 779].

Однако англичане отдают должное Фридриху Вильгельму IV, так как именно благодаря ему Пруссия имеет парламент и то, «что остается ей от конституции». Имя Фридриха Вильгельма IV будет записано на бумаге, пишет «The Spectator», поскольку в будущем «его какой-нибудь удачливый и способный преемник» укажет на один очень его важный «дар», на который ни один человек не обращал внимание. Король выступал за то, что «Пруссия – это немецкая держава, которая признала, что она придерживается принципа национального единства» [8, 5 Jan., P. 11].

Отдав должное умершему Фридриху Вильгельму IV, английские журналисты обратили свой взор на принца-регента Вильгельма, провозглашенного королем Пруссии 2 января 1861 года под именем Вильгельм I Прусский.

В центре их внимания были сама личность прусского монарха и его внутренняя и внешняя политика. Когда знакомишься с публикациями журнала «The Spectator», посвященными Германии, невольно на ум приходит высказывание Отто фон Бисмарка, сделанное им несколько позднее, в 1862 году, в одном из писем к своей жене: «...Английские министры знают о Пруссии еще меньше, чем

о Японии или Монголии <...>» [4, С. 131]. Это отчасти относится и к английским журнальным публикациям. С одной стороны, содержание статей нередко носит поверхностный характер, и поскольку журнал являлся еженедельным изданием, то, как правило, статьи представляли собой реакцию журналистов на недавно произошедшие события, без проведения должного анализа. Но, с другой стороны, все же в журнале встречается ряд публикаций, в которых предпринимались попытки более детального рассмотрения тех или иных аспектов важнейших проблем политической жизни Германии, в том числе Пруссии.

Уже в февральских публикациях «The Spectator» пытается обрисовать ту сложную политическую ситуацию, в которой оказалась Пруссия в начале 1861 года. На повестке дня ее политической жизни стоял вопрос о проведении военной реформы, инициатором которой выступил Вильгельм, будучи ещё принцем-регентом, и его ближайшее окружение [более детально о военной реформе см.: 1, P. 315–318]. Необходимость проведения преобразований в армии осознавали представители различных кругов прусского общества. Однако реализация самой военной реформы вызвала серьезное сопротивление прусской буржуазии и примыкавших к ней других слоев общества. Реформа значительно усиливала позиции дворянства, так как офицерство преимущественно формировалось из юнкерства, а ее проведение требовало больших денежных затрат, на что нижняя палата депутатов, избранная на основе трёхстепенных выборов, идти не хотела. Поэтому необходимые для ее реализации средства выделялись палатой или временно, или совсем не выделялись. Назревал конфликт между властью и парламентом.

«The Spectator», касаясь темы военной реформы, в целом выступает на стороне короля Вильгельма. «С разбросанными территориями, с еще не однородным населени-

ем, без флота и с доходами, достаточными для ее нужд, но не для ее положения, у Пруссии есть только один шанс сохранить свое европейское положение – она должна быть в состоянии противостоять любой первоклассной силе на суше», – заявляют они. И чтобы противостоять этой силе, «военная система Пруссии должна быть реорганизована» [8, 26 Jan., P. 81]. Причём для Пруссии военная реформа означает гораздо больше, чем трата денег. Ее реализация потребует достаточных усилий от каждого жителя Пруссии, поскольку реформа подразумевает не только увеличение налогов, «но и увеличение страданий, усиление дисциплины, потерю времени, более досадное вмешательство в его дела и удовольствия». Реформа такого масштаба даже в Германии может быть осуществлена только с согласия населения, заключает журнал [8, 26 Jan., P. 81]. Более того, в качестве серьезного аргумента проведения данной реформы английские журналисты, не стесняясь, используют, если можно так сказать, «французскую угрозу». Вильгельм I ясно говорит своим подданным, что французское завоевание близко и население Пруссии должно об этом знать. Он предупреждает их об этом, говоря о «борьбе, в которой мы (пруссак – Т. Г.) должны победить, если не хотим быть уничтоженными». А, по мнению англичан, угроза действительно существует со стороны Франции, так как «для француза Рейн кажется его естественной границей» и «Наполеоны стремятся возместить потери своего основателя» (Наполеона I – Т. Г.). Франция вооружается как империя, а Австрия, атакованная Италией и имеющая проблемы с Венгрией, вряд ли сможет выделить военные силы для защиты чужих границ, Германский союз также не окажет помощи, так как не имеет единого военного руководителя. Следовательно, предупреждение, сделанное королем, нельзя

считать преждевременным, заключает «The Spectator» [8, 26 Jan., P. 81].

Другой сюжет, связанный именно с королем Вильгельмом I Пруссим, был посвящен вопросам о методах его правления и создания централизованного германского государства. На рубеже 1850–60-х гг. в Пруссии оживилась политическая жизнь. Более активно стали проявлять себя либерально настроенные круги прусского общества, а вопрос об объединении всех германских государств и роли Пруссии в этом процессе с ярко выраженной аргументированностью встал на повестке дня.

Британский еженедельник достаточно объективно оценивает расстановку политических сил в Пруссии в рассматриваемый период. В июньском его номере была помещена статья, в которой был представлен анализ политических группировок, сложившихся к 1861 году в стране. Журнал пишет: «...Германия во время паралича Австрии быстро разделяется на два лагеря – сторонников, пользуясь наиболее знакомыми англичанам терминами, национальности и федерализма...» [8, 1 Jun., P. 583]. Что собой представляли, по мнению журнала, националисты?

Британские журналисты сразу отмечают, что их политика не так проста, как считают англичане. Во-первых, националисты действительно выступают за объединение Германии «в одно единое целое», но последовать примеру итальянских государств они не спешат. Во-вторых, они не стремились лишать власти «местных королей, отменить местные различия и безоговорочно слиться воедино». По мнению националистов, это означало бы стать просто провинциями Пруссии, что привело бы к возвышению данного королевства, а им нужно создание Германской империи. В связи с этим их целью является «перестройка существующей центральной власти», т.е. Союзный сейм должен

быть заменен германским императором, «обладающим всей властью, осуществление которой составляет неделимое государство», которого должен поддерживать парламент. В прерогативах императорской власти будут «все без исключения иностранные дела, все военные соглашения, все налоги, кроме местных, и, вероятно, все законодательство, включающие основные принципы». При этом местные короли «сохранят свое положение, но не власть, и Германия из бессильной федерации превратится в империю, первую в Европе по численности населения и, возможно, по военной силе». Вот в чем состоял план националистов, представленный журналом. Во главе политической группировки националистов стоял герцог Эрнест II Саксен-Кобург-Готский (1818–1893), (старший брат принца-консорта Альберта, супруга королевы Виктории – Т. Г.). Идеи герцога Саксен-Кобург-Готский находили поддержку, как отмечалось в еженедельнике, у «интеллигентных классов всей Германии из-за явного одобрения его замысла, и масс из-за несколько смутного стремления к национальности» [8, 1 Jun., P. 583]. Кстати, герцог прекрасно понимал роль Пруссии в рамках Германского союза. Весной 1860 года он в одном из писем, адресованном его брату – принцу Альберту, писал: «<...> игра Пруссии не должна быть проиграна. Все жалобы бесплодны; нужно действовать. Мой принцип и мои взгляды на этот вопрос остаются прежними. У Пруссии может быть только один союзник – национальная идея... Наполеоновская политика будет фатальной для Германии только в том случае, если она сможет предстать, как в Италии, освободителем и Спасителем...» [7, P. 15]. Чтобы привлечь Пруссию на сторону партии националистов, он предлагал императорское кресло Гогенцоллернам, хотя этот пункт в их программе был не столь уже популярным.

Вторая партия – партия федералистов – выражала интересы мелких немецких князей и принцев, которые «из местного патриотизма, провинциальных антипатий или личных интересов» были противниками централизации, поскольку видели в ней для себя опасность. Как писал журнал, некоторые принцы были безумно встревожены планом (присоединения к Пруссии – Т. Г.) «который, как они полагают, предполагает деградацию для них самих». Это чувство было настолько сильным, что, как считали в Германии, принцы Баварии, Вюртемберга, Ганновера, Саксонии и Гессен-Дармштадта объединились, чтобы противостоять «коварной политике прусского двора». Они также были склонны пойти на то, чтобы Франция выступила их защитницей. И как полагают англичане, федералисты в определенной степени одержали победу, так как «требование Пруссии о руководстве национальной армией было отклонено, и первый шаг к обмену федерации на империю был отложен». Но принцы находятся в довольно сложном положении в связи с тем, что их подданные настроены против Франции даже больше, чем против централизации, и предпочитают стать провинцией Пруссии, а не зависеть от Франции [8, 1 Jun., P. 583].

В целом «The Spectator» довольно критически характеризует политику прусского правительства. Открыто отмечается, что по сравнению с Италией поведение Пруссии представляется достаточно слабым. У короля Вильгельма есть два варианта решения вопроса. Первый – это четкая позиция против националистов, с одной стороны, а с другой – поддержка местных королей, что лишило бы их мотива «заглядывать за Рейн». А второй, напротив, должен быть направлен на явное продвижение в направлении единства. По мнению английских журналистов, открытая борьба короля за императорскую корону сплотит нацию под его знаменем и одновременно парализует интриги и власть других

немецких правителей. И вместо того, чтобы реализовывать тот или иной курс, «правительство Берлина исповедует идиотский нейтралитет. Оно умеряет энтузиазм, отвергая корону, и создает недоверие, прося об армии» [8, 1 Jun., P. 583].

Англичане не были бы англичанами, если бы не сравнивали другие народы с собой. Они заявляют, что именно безрезультативный курс «так отдаляет англичан от политики Германии». При этом они обосновывают британский интерес к германскому вопросу тем, что англичане заинтересованы в сильной Германии. «Империя в Центральной Европе, с одной армией, одной головой и одной политикой, стала бы последней преградой для России и Франции», – заверяет своих читателей еженедельник. И далее: «...Рейн едва ли будет вырван из рук германского императора, и шестидесятимиллионная империя не будет бояться враждебности Италии или Дунайского королевства. Мир во всем мире был бы снова обеспечен, и англичанам, уставшим от волнений двенадцати лет, постоянный мир кажется единственным желанным концом...» [8, 1 Jun., P. 583]. Однако берлинское правительство ведет себя робко, а между тем народ, утомленный колебаниями, не доверяя энергии Пруссии, верности князей и честности Франции, «безнадежно предаётся своим обычным мечтам». И, к сожалению, это может иметь серьезные последствия.

14 июля 1861 года на Вильгельма I было совершено покушение. Студент Оскар Беккер, уроженец Одессы, в Баден-Бадене стрелял в прусского короля, получившего незначительное ранение. Главным мотивом, побудившим Беккера совершить такой поступок, стало его убеждение, что Вильгельм не способен выполнить свои обязательства и является препятствием к объединению Германии. Естественно, такое событие нашло отклик в британской прессе, и еженедельник «The

Spectator» посвятил ему специальную статью. Необходимо сразу отметить, что как в германских государствах, так и в других европейских странах, в частности в Англии, либеральные идеи и их политические сторонники сразу же стали подвергаться критике. Именно на прусскую либеральную партию была возложена ответственность за покушение на короля. Герцог Саксен-Кобург-Готский в своих мемуарах, касаясь этого события, писал, что покушение, которое он назвал «позорным и глупым», совершенное незрелым студентом на жизнь короля Пруссии, «породило опасение, что надежды немецкой нации могут снова задержаться еще на тридцать лет». Реакционная партия направила все усилия в Берлине на то, чтобы одержать верх и извлечь выгоду для себя, но все ее попытки были отвергнуты. И самое главное, отмечал герцог, что «король не позволит отвлечь себя от политической позиции, которой он до сих пор придерживался» [7, P. 62–63, 66]. Британский журнал назвал действия студента Беккера «глупо преступными». Однако, как и герцог Саксен-Кобург-Готский, еженедельник утверждает, что «король – храбрый человек», и «вряд ли его можно будет поколебать в своих намерениях». Он, хотя и медленно, но подвигается вперед в направлении, которое желают немцы, и его смерть была бы просто для них несчастьем.

Рассуждения британских журналистов о национальных чувствах немцев представляли определенный интерес для современников, в связи с этим стоит на них подробнее остановиться. В июльском номере журнала была напечатана статья, посвященная покушению на Вильгельма I, в которой подчеркивалось, что немецкий народ считал невыносимым злом то, например, что даже для принятия самого незначительного проекта требовалось ободрение тридцати двух судов, «что самая многочисленная из европейских рас должна иметь мало торговли и не иметь

флота» и что «Франция может угрожать воинственному народу, вдвое более многочисленному, чем галлы», что германская власть, германские цели и германская политика не должны иметь национальных представителей. Журналисты указывают на наличие двух факторов, которые отличают специфику германской политики: первый заключается в том, что «огромная масса образованных немцев страстно желает если не абсолютно-го единства, то, по крайней мере, политического единства для всей своей расы, не являющейся австрийскими подданными», а второй сводится к тому, что достичь эту цель можно только с согласия дома Гогенцоллернов [9, 20 Jul., P. 778]. Постоянно английские журналисты подчеркивают важность Пруссии в вопросе объединения страны и роль в этом процессе прусского короля. Они отмечают его колебания, объясняя это тем, что он это делает «больше из уважения к правам принцев, чем из страха подвергнуть риску свое королевство или свой трон». В то же время он не чувствует, что «национальная воля является единственным законным источником действия», следствием чего немцы воспринимают его действия как нерешительные, а это, в свою очередь, «возбуждает в немецком уме то раздраженное сомнение», кульминация которого стала у Беккера мономанией [9, 20 Jul., P. 779].

Положение Вильгельма осложняется тем, что усиливается в его сознании борьба между консервативными и либеральными принципами правления. «Если он решит играть за императорскую корону, он должен управлять Пруссией как конституционный государь, а не как глава бюрократии. Он не может поддерживать репрессивную полицию в Берлине и надеяться на плебисцит в Ганновере, поддерживать маленькую аристократию в Пруссии и просить Германию ослабить свою великую аристократию в его пользу», – заключает «The Spectator» [9, 20 Jul., P. 779]. В

этой ситуации англичане не могли не дать совет прусскому монарху: «Пусть он только либерализует свое правительство в Пруссии, и нынешнее поколение еще увидит императора Германии, достаточно сильного, чтобы бросить вызов Франции и заставить Россию ограничить свое распространение на азиатскую сторону» [9, 20 Jul., P. 779].

Ряд публикаций еженедельника «The Spectator» были посвящены шлезвиг-гольштинскому вопросу. Этот вопрос был достаточно сложным и запутанным. В отечественном издании «Истории дипломатии» (2005) отмечалось, что дело было не в юридических и генеалогических вопросах и что «в этих хитросплетениях, которых еще с XVIII века никто не мог распутать, не могли, конечно, разобраться ни Бисмарк, ни Пальмерстон, ни Горчаков, ни Наполеон III» [2, С.535]. Видный британский политический деятель, премьер-министр от либералов, лорд Пальмерстон в конце 1863 года, когда резко обострился вопрос о Шлезвиге и Гольштейне, заявил: «Во всей Европе еще недавно шлезвиг-гольштейнский вопрос понимали три человека – принц Альберт [муж королевы Виктории], один старый датчанин и я. Но принц Альберт, к несчастью, недавно умер; старый датчанин сидит в доме умалишенных, а я совершенно забыл, в чем там дело» [2, С.536]. Действительно, шлезвиг-гольштейнский вопрос был непростым.

Суть вопроса в целом заключалась в характере взаимоотношений Дании и включенных в ее состав двух провинций – Гольштейн и Шлезвиг – со значительным немецким населением. Пруссия, как известно, в 1848 году предприняла попытку его решить, начав первую прусско-датскую войну. Но под давлением европейских стран вынуждена была прекратить военные действия и отступить. Права Дании на Гольштейн и Шлезвиг были признаны всеми европейскими державами в 1852 году. В 1854 году было установ-

лено таможенное единство, а через год, в 1855-м, была принята общая конституция для всей монархии, поставленная выше конституций ее составных частей. Правда, в «Истории Дании» (2007г.) её автор Хельге Палудан отмечает, что с государственно-правовой точки зрения принятие этой конституции в октябре 1855 года являлось совершенно законным. Однако представители Гольштейна оспорили положения общей конституции, так как она не получила одобрение со стороны сословных собраний герцогств, что должно было соответствовать конституционному указу 1852 года. Гольштейн выступал за равный статус с Данией. Но датское правительство не пошло на дальнейшие переговоры [5, С. 292]. Это породило новые трудности, которые обострились к началу 60-х гг. Ф. Энгельс, как современник событий, отмечал, что в Гольштейне датское правительство не могло добиться от представительного собрания согласия на вотивирование каких-либо налогов, в чем оно очень нуждалось. Даже созданный им совет королевства – «собрание, лишённое всякого представительского характера», который должен был якобы представлять Данию, Шлезвиг-Гольштейн и Лауэнбург, ничего не мог сделать в изменении взаимоотношений двух сторон. Но это не помешало датчанам «вотировать налоги для всей монархии, и на основе решений этого собрания правительство определило налоговые ставки для Гольштейна». Таким образом, заключает Энгельс, «Гольштейн, который должен был стать независимым и обособленным герцогством, был лишен всякой политической независимости и подчинен собранию, являющемуся по своему составу преимущественно датским» [6, С. 247–248].

Что же касается Шлезвига, то здесь сложилось более запутанная этническая обстановка: южная часть провинции была исключительно немецкой, в северных районах в

городах проживало немецкое население, а в сельской местности – датчане, говорившие на испорченном датском языке, а литературным здесь с незапамятных времен был немецкий язык. Датское правительство после 1851 года пошло на то, чтобы разделить Шлезвиг на три округа – датский, немецкий и смешанный, что только усугубило сложную ситуацию в крае» [6, С. 247].

Таким образом, проблема заключалась, как отмечает британский еженедельник «The Spectator», в том, что вопрос, который нуждался в разрешении, был «не того рода, который требует применения одного отчаянного средства». Журнал пишет, что «датчане утверждают, что они выполнили обязательства, какие бы они ни были, взятые на себя в 1852 году. Немцы утверждают обратное. Оспаривается сама природа обязательства. С одной стороны, мы слышим об «условностях», с другой – о «понимании» ...» [8, 26 Jan., P. 81].

Запутанный шлезвиг-гольштинский вопрос встал на повестке дня перед германскими государствами в начале 60-х гг. Требование войны против Дании раздалось в германском обществе и в прусском, в частности, когда французский император Наполеон III вступил в австрийские владения Италии. Можно вновь сослаться на высказывание Ф. Энгельса, который заметил, что «неожиданный энтузиазм немецких правительств по отношению к шлезвиг-гольштинскому вопросу менее всего является искренним», и «это, конечно, не подлежит сомнению...» [6, С. 248–249]. Надо отдать должное британским журналистам, что они также проявили прозорливость в оценке мотивов поведения германских правительств в данной ситуации. «Мудрость угроз, направленных против Дании, гораздо более сомнительна», – констатирует «The Spectator» в январском номере 1861 года. Касаясь позиции Пруссии в этом вопросе, журнал четко определяет мотива-

цию поведения Берлина: «Истинная цель прусского правительства <...> состоит в том, чтобы обеспечить по любому вопросу, каким бы тривиальным он ни был, признанное руководство Германии» [8, 26 Jan., P. 81].

В февральском номере еженедельника уже более детально анализируется шлезвиг-гоштинский вопрос.

Во-первых, акцентируется внимание читателей на тех уступках, на которые готова была пойти Дания в разрешении спорных моментов. В частности, голосование сословного собрания в Гольштейне «должно стать «совещательным» голосованием», то есть «ни один закон не будет иметь силы <...> ни в отношении лиц, ни в отношении собственности без одобрения Сословий герцогства», таким образом, голштинцы получали контроль над всем, за исключением финансов. Относительно них датчане предложили следующий вариант: размер налогов, предназначенных для выплаты в общую казну, будет фиксированным и равняться средней сумме налогов за шесть лет, а если потребуются дополнительные субсидии, то они должны предоставляться казне только с согласия сословного собрания. Относительно Шлезвига уступки датского правительства сводились к следующему: жителям данной провинции предоставлялась «свобода «конфирмации» на датском или немецком языках, свобода частного обучения, полная амнистия за политические преступления и свобода объединения в неполитических целях между народами двух герцогств» [8, 2 Febr., P. 109]. Такие уступки, по мнению английских журналистов, датчанам надо было сделать еще десять лет назад.

Во-вторых, «The Spectator» пытается проанализировать реакцию немцев на действия датчан по урегулированию отношения с Гольштейном и Шлезвигом. Так, неоднократно проводится мысль о том, что датское правительство делает все, чтобы убедить

Пруссию, что все его уступки сделаны по «его собственной доброй воле», а не под чьим-либо давлением. Этот тезис представляется спорным, поскольку датское правительство отправило свои предложения в Лондон и лорд Джон Рассел, министр иностранных дел Англии, хотел, чтобы Пруссия дала им свое одобрение и поддержку. Предложения были ей переданы. Как отмечает «The Spectator», английское правительство «лишь передавало их в надежде, что они приведут к откровенным переговорам; и было вынуждено сделать это, потому что они (англичане – Т. Г.) заинтересованы «в целостности датской монархии, и было бы жаль видеть силу Дании, которая не является значительной, ослабленной или разрушенной...» [8, 2 Febr., P. 109]. В целом эти шаги датского правительства были направлены на примирение с Прусским двором и Германской конфедерации. Но, как отмечает журнал, Пруссия твердо стояла на своем требовании, чтобы «Гольштинская земля была практически независимой от Дании, то есть служащей Конфедерации (Германскому союзу – Т. Г.), но союзницей или равной Дании». Поэтому датчане не достигли желаемого, так как предложенное временное урегулирование оказалось неудовлетворительным, в частности, в вопросе о финансах Гольштейна. «В результате, – заключает журнал, – ни Конфедерация, ни Пруссия не могут заключить договор с Данией на этой основе, и поэтому датские предложения брошены на ветер» [8, 2 Febr., P. 109, 110].

Вопрос о Шлезвиге стоял еще острее. В целом Пруссия, как и Германия, настаивала на праве вмешательства в Шлезвиг с явной целью германизации этого герцогства и ослабления власти датского монарха. В журнале приводятся слова министра иностранных дел Пруссии Александра фон Шлейница, который заявлял, что для немцев предложения датчан были «неприемлемы», поскольку

«все уступки, которые должны быть сделаны этому герцогству, понимаются исключительно как исходящие из свободной воли правительства Дании и не истолковываются как признание власти Конфедерации (Германского союза – Т. Г.) в отношении Шлезвига. На это Конфедерация никогда не согласится». Далее он доказывал, что Конфедерация имеет право вмешиваться в дела Шлезвига, поскольку герцог Шлезвига имеет международные обязательства перед Германским союзом и должен их выполнять. Отсюда следовал вывод, который был озвучен Александром фон Шлейницем: «Если Шлезвиг будет объединен с Данией, если Шлезвиг будет лишен своей отдельной конституции, Германия может претендовать на право вмешательства» [8, 2 Febr., P. 109]. Такое смелое заявление удивило даже англичан. На что последовала их довольно интересная реакция. «The Spectator» ставит под сомнение сохранение суверенных прав короля Дании, которые «существовали бы только на словах», если бы Германия вмешивалась в регулирование каждой церкви и каждой школы в Шлезвиге. И далее следовала такая реплика: «Шлезвиг – очень древняя часть Датского королевства, и когда Пруссия, как Бранденбург, была еще в зародыше (дословно «в яйце» – Т. Г.), датчане уже были на Эйдере и Дания была королевством» [8, 2 Febr., p. 109]. В целом еженедельник солидарен с позицией британского правительства, которое открыто заявляло о своей заинтересованности в целостности Дании.

И в завершение обзора публикаций журнала «The Spectator», посвященных германскому вопросу, хотелось бы отметить ту роль, которую это издание отводит в перспективе Германии и, в частности, Пруссии в европейской политике. Уже выше отмечалась британская заинтересованность в объединенной Германии. 18 октября 1861 года в Кёнигсберге состоялась официальная коро-

нация Вильгельма I Прусского. В тронной речи он объявил себя: «Король милостью Божьей», – что вызвало определенную критику у его либерально настроенных подданных. Но нас интересуют англичане. Британский еженедельник четко определяет позиции Англии в отношении Германии в континентальных делах – она должна быть «достаточно единой, чтобы быть одновременно независимой и сильной». Но без Пруссии ни то ни другое невозможно. У Германии есть только две альтернативы: либо «Германия бессильна», либо «Германия объединена под властью Гогенцоллернов». И это касается будущего как немцев, так и англичан. А далее приводились следующие рассуждения: «свободная и единая Германия» может выступить гарантом мира на континенте, и именно с ней Англия может заключить «сердечный и реальный союз», поскольку между ними нет «прямо противоположных интересов». И этот союз поможет предотвратить единственную опасность – «господство Франции или России в политических советах мира», а также удовлетворить единственную потребность англичан – потребность в армии, союзной и достаточно сильной, «чтобы противостоять армиям двух сражающихся монархий, если злой рок когда-либо объединит их вместе». Журнал обращает внимание читателей на немецкий флот, который часто высмеивался даже в карикатурах «Punch». Но смех неразумен, замечают журналисты, потому что у Германии есть морское побережье и моряки, «хотя ни те ни другие не отвечают ее потребностям». У нее есть тысяча миль морского побережья с достаточным количеством портов, и ее моряки кишат во всех флотах, за исключением ее собственного, от Балтийского до Охотского. Сильный немецкий флот возможен, заключают они. И ничего не мешало англичанам мечтать о том, «что, если бы Англия и Германия были искренними союзниками, мы могли бы еще раз

ограничить наши военные расходы содержанием нового флота» [9, 26 Oct., P. 1167].

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что Германия и особенно Пруссия были представлены на страницах британского еженедельника, с некоторой настороженностью. С одной стороны, журналисты акцентировали внимание читателей на определенных слабостях и колебаниях представителей правящих элит Пруссии и Германского союза, или, как называли в журнале, Конфедерации. С другой стороны, они явно отмечали заинтересованность Британии в объединенной Германии и отмечали здесь знаковую роль Пруссии. Они видели в ней силу, которая сможет противостоять другим европейским державам – Франции, Австрии и России. Английский еженедельник спрогнозировал необходимость для Германии сильной армии и флота. И ведь, действительно, они были правы! Через несколько десятков лет именно германский флот составил конкуренцию британскому. Эти рассуждения английских журналистов можно объяснить лишь тем, что их время – это начало только 60-х гг. XIX века, и ни они, и никто другой не мог предвидеть складывание военно-политических и геополитических факторов, которые приведут к противостоянию этих двух держав в будущем.

Библиография:

1. История XIX века / Под ред. Лависа и Рамбо. Т. 5. – М.: ОГИЗ. – 1938. – 312с.
2. История дипломатии: [Сб.] /Сост. А. Лактионов. – М.: Аст. – 2005. – 943с.
3. Монархи Европы: судьбы династий. – М.: Республика. – 1996. – 623с.
4. Палмер А. Бисмарк / Пер. с англ. И.С. Соколовой и др. – Смоленск: «Русич», 1998. – 544 с.
5. Палудан Хельге. История Дании. – М.: Весь мир. – 2007. – 608с.

6. Энгельс Ф. Движение в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. Т. 15. – С. 246-249.

7. Ernst II (Duke of Saxe-Coburg-Gotha). Memoirs of Ernest II. Duke of Saxe-Coburg-Gotha. Vol. 4 / Translated from the German by Percy Andrea. – L.: Remington, – 1890. – 325p. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/memoirsofernesti01ernsuoft>.

8. The Spectator. 1861. – Part 1. – Vol. 34. – Jan-Jun.

9. The Spectator. 1861. – Part 2. – Vol. 34. – Jul-Dec.

References:

1. Istoriya XIX veka (1938) [History of the XIX century] / Pod red. Lavisa i Rambo. T. 5. – M.: OGIZ. – 312s. (In Russ.).

2. Istoriya diplomatii (2005) [History of diplomacy]: [Sb.]/Sost. A.Laktionov. – M.: Ast. – 943s. (In Russ.).

3. Monarkhi Yevropy: sud'by dinastiy (1996) [Monarchs of Europe: the fate of dynasties]. – M.: Respublika. – 623s. (In Russ.).

4. Palmer A. (1998) Bismark [Bismarck] / Per. s angl. I.S.Sokolovoy i dr. – Smolensk: «Rusich», 1998. – 544c. (In Russ.).

5. Paludan Khel'ge. Istoriya Danii [History of Denmark]. – M.: Ves' mir. – 2007. – 608s. (In Russ.).

6. Engel's F. Dvizheniye v Germanii [Movement in Germa] // K.Marks, F.Engels. – Soch. T.15. – S.246-249. (In Russ.).

7. Ernst II (Duke of Saxe-Coburg-Gotha). Memoirs of Ernest II. Duke of Saxe-Coburg-Gotha. Vol. 4 / Translated from the German by Percy Andrea. – L.: Remington, – 1890. – 325p. [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://archive.org/details/memoirsofernesti01ernsuoft> (in Engl.).

8. The Spectator. 1861. – Part 1. – Vol. 34. – Jan-Jun. (in Engl.).

9. The Spectator. 1861. – Part 2. – Vol. 34. – Jul-Dec. (in Engl.).

ШЕСТАКОВА Илона Алишеровна, аспирант, кафедра всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: ilonaisa@mail.ru

SHESTAKOVA I.A., Postgraduate student of Department of General History and Regional Studies, Orel State University named after I.S.Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: ilonaisa@mail.ru

МИНИСТЕРСТВО ПО ДЕЛАМ ВОЙНЫ И КОЛОНИЙ И АДМИНИСТРИРОВАНИЕ БРИТАНСКИХ КОЛОНИАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

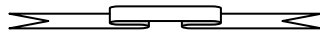
MINISTRY OF WAR AND COLONIAL AFFAIRS AND ADMINISTRATION OF THE BRITISH COLONIAL TERRITORIES IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

Аннотация. Основная цель статьи заключается в анализе деятельности министерства по делам войны и колоний и администрирование британских колониальных территорий в конце XVIII – начале XIX века. В статье рассматривается процесс создания эффективной системы администрирования Британской империи в конце XVIII – начале XIX века, важной частью которого стало образование министерства по делам войны и колоний, фактически ставшего первым органом центрального управления колониями Великобритании. Окончание военных действий в 1815 году дало новый толчок к развитию министерства по делам войны и колоний как учреждения, основная деятельность которого сводилась к рассмотрению колониальных дел во всем их многообразии. В этой связи, акцентируя основную часть работы этого органа, в послевоенное время министерство стали все чаще называть просто «колониальным».

Ключевые слова: Великобритания, «вторая» Британская империя, колониальная политика, колонии, конец XVIII – начало XIX века.

Abstract. The main purpose of the article is to analyze the activities of the Ministry of War and Colonial Affairs and the administration of the British colonial territories in the late XVIII – early XIX centuries. The article examines the process of creating an effective system of administration of the British Empire in the late XVIII – early XIX centuries. An important part of which was the formation of the Ministry of War and Colonial Affairs, which actually became the first body of the central administration of the colonies of Great Britain. The end of hostilities in 1815 gave a new impetus to the development of the Ministry of War and Colonial Affairs as the institution which main activity was to consider colonial cases in all their diversity. In this regard, emphasizing the main part of the work of this body, in the post-war period, the Ministry began increasingly to be called simply Colonial.

Keywords: Great Britain, the «second» British Empire, colonial policy, colonies, late XVIII – early XIX centuries.

Введение

На протяжении ранних этапов английской колониальной истории не раз поднимался вопрос о создании системы администрирования для такого территориального образования, как Британская

империя, центром которого был Лондон. Однако процесс становления органов центральной колониальной администрации был довольно продолжительным. Наибольшая концентрация сил во время него была направлена на создание некоего

специального политического института, в чью зону ответственности входили бы колониальные и торговые дела, долгое время считавшиеся неотделимыми друг от друга. При этом само его наличие без имеющихся показателей эффективной работы не могло удовлетворить британские общественно-политические круги [1, С. 57].

Хотя первые шаги по формированию органов власти, регулировавших вопросы, связанные с колониальной политикой, были сделаны начиная еще с периода основания английских колоний, однако появлению относительно удовлетворительной системы предшествовало осуществление колониальной политики в этом направлении посредством специально создаваемых ведомств, чаще всего носивших временный характер и состоявших из недостаточно компетентных членов. Проводимые по мере необходимости изменения в части управления колониальными владениями можно объяснить усилением внимания находящихся у власти кабинетов к колониальной сфере и возникающим в этой связи вопросам и проблемам.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ВЗАИМО-ОТНОШЕНИЙ С СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ

В историографии не существует единого мнения в отношении времени выстраивания стабильной структуры для руководства колониальной политикой Англии. Однако ее основание связывают с появлением Южного и Северного департаментов по иностранным делам, представляемых государственными секретарями по соответствующим направлениям. Так, по мнению британского историка М. Бантона, начало системы одновременного существования сразу двух департаментов относится к царствованию королевы Елизаветы I (1558–1603 гг.), когда деятельность их госсекретарей заключалась в выполнении «рутинной работы по внешним и внутренним делам и предоставлении соответствующей информации Тайному совету» [3, Р. 29]. С другой стороны, Д.М. Янг настаивал на том, что «эта

должность (государственного секретаря – И. А.), единственная происходящая непосредственно от канцелярии королевского секретаря в XIII веке», впервые была разделена по принадлежности к определенному департаменту во времена правления Генриха VIII (1509–1547 гг.) [11, Р. 9]. В то же время А. А. Киселёв считает, что «система работы двух государственных секретарей» сложилась в эпоху реставрации Стюартов и была связана с неспособностью одного лица справляться с «огромным потоком государственных дел» [1, С. 75]. Касаясь непосредственно сферы деятельности обозначенных чиновников, он отмечает, что хотя в начале работы подобной структуры «оба госсекретаря занимались проблемами внутренней и внешней политики государства, «ирландскими» и колониальными вопросами, но по прошествии времени им оставили только руководство внешней политикой Англии и колониальные проблемы» [1, С. 75–76]. В этой связи и произошло разделение секретариата на Северный и Южный департаменты, чьи государственные секретари в начале своей деятельности на этом поприще в равной степени определяли взаимоотношения Англии с колониями. Затем, в 1680-х гг., все колониальные вопросы были перераспределены и стали зоной ответственности государственного секретаря Южного департамента, где и оставались до конца XVIII века [1, С. 76]. К широкому списку рассматриваемых им вопросов относились внутренняя политика, ирландские дела, политика и сношения с такими южно-европейскими государствами, как Франция, Италия, Испания, Греция, Османская империя и др. Сфера деятельности Северного департамента, таким образом, была сосредоточена на взаимоотношениях с североевропейскими странами. Вместе с тем хотя между государственными секретарями Южного и Северного департаментов существовало разделение обязанностей, однако оно не было жестко регламентировано и возникали ситуации, когда северный секретарь оказывался вовлечен в колониальные дела [2, С. 29–30]. Кроме того, еще одной ролью государственных

ных секретарей Южного департамента было осуществление связи суверена с администрациями и губернаторами колоний [3, Р. 30].

Система параллельного функционирования двух департаментов оставалась неизменной до 1782 года, когда Чарльз Джеймс Фокс известил иностранные миссии о том, что король оказал ему честь, назначив «своим статс-секретарем по департаменту иностранных дел» [8, Р. 29]. Именно с этого момента должность госсекретаря по иностранным делам или министра иностранных дел всегда поручалась одному лицу, хотя какого-либо документального подтверждения этой административной перемены, кроме слов Фокса, отмечено не было [2, С.29–30].

Несмотря на то, что колониальные проблемы относились к зоне ответственности Южного департамента, помимо него существовал комитет Тайного совета, более известный как Комитет по торговле и плантациям, также занимавшийся колониями. В 1768 году был образован отдельный Колониальный, или Американский, департамент, занимавшийся непосредственно делами, связанными с территориями, принадлежащими Британии в Северной Америке. В связи с его основанием была создана должность третьего государственного секретаря, которому были переданы колониальные функции южного секретаря [2, С. 29–30].

Потеря американских колоний естественным образом привела к расформированию Американского департамента и передаче всех колониальных вопросов в 1782 году министерству внутренних дел, а значит, государственному секретарю по внутренним делам. Но на этом работа по трансформации управления колониальными территориями не была окончена, а Великобритания не перестала быть колонизирующей державой [5, Р. 69–70], и уже в 1794 году, в период премьерства Уильяма Питта-младшего, было решено передать их под контроль военного министерства. Таким образом, первым пост, в рамках которого произошло сращивание военных и колониальных дел, занял шотландец Генри Дандас,

впоследствии виконт Мелвилл [8, Р. 29], политическая карьера которого во многом была связана с его дружбой с У. Питтом-младшим.

Оценка деятельности Дандаса в качестве парламентского деятеля и члена правительства представляется нам весьма неоднозначной. Его критики отмечали, во-первых, недостаточный интерес нового государственного секретаря к колониальным делам при усиленном внимании к военным. Во-вторых, даже при сосредоточении внимания Г. Дандаса на ведении боевых действий подвергается сомнению его состоятельность в этом отношении. Так, его биограф Дж. А. Ловат-Фрейзер ссылается на британского государственного деятеля периода наполеоновских войн мистера Фортескью, написавшего труд по истории британской армии, в котором он отзывался о Дандасе как «о военном министре в самых суровых и беспощадных выражениях», называл его «прискорбным самозванцем» и осуждал его «крайнюю неспособность», его «невыносимое тщеславие», его «неизлечимое пренебрежение даже самыми элементарными военными порядками», его неразумное вмешательство в полевые дела генералов, его «преступную беспечность», «непоследовательность и глупость его приказов», его невежливость, его склонность к хвастовству, когда доказано, что он был неправ» [6, Р. 55–56].

С другой стороны, по мнению сторонников Г. Дандаса, он проявил себя как один из выдающихся деятелей своей эпохи, поскольку его интересы были в первую очередь имперскими [12, Р. 9], а также потому что именно он был ответственен за получение британцами мыса Доброй Надежды и совместную с индийским генерал-губернатором Р. Уэлсли попытку создать в Индии мощный противовес Франции в Европе [4, Р. 106].

Признавая как заслуги, так и неудачи Дандаса в сфере управления колониями, мы тем не менее не можем в полной мере назвать его государственным секретарем, ответственным за колонии из-за большого внимания к вопросам, связанным с проведением военных действий. Своей перво-

очередной задачей он считал именно поддержку военной части вверенного ему ведомства и проведение мероприятий в этой сфере, а потому ему не удалось сформировать под своим началом государственный орган, где колониальные аспекты были бы в полной мере равнозначны военным.

Пребывание колониальных дел в структуре военного министерства было недолгим, и уже в 1801 году произошло их очередное перераспределение в ходе создания министерства по делам войны и колоний. Выделение нового органа определило необходимость появления в структуре правительства отдельной должности государственного секретаря по делам войны и колоний. Первым его возглавил в этом качестве лорд Хобарт, занимавший этот пост в кабинете Г. Аддингтона. В отличие от своего предшественника Г. Дандаса, Хобарт нес за колонии не номинальную, а реальную ответственность, что проявлялось в его более пристальном внимании к колониальным проблемам, нежели у предшественника [7, Р. 711].

Когда 18 марта 1801 года лондонские газеты сообщили о том, что накануне Генри Аддингтоном было сформировано правительство [13], то при перечислении списка нового кабинета было упомянуто и назначение лорда Хобарта на должность государственного секретаря по делам войны и колоний. Вместе с тем примечательно, что «Morning Chronicle» со ссылкой на вечернюю «The Gazette» называет Хобарта «одним из главных государственных секретарей», а distinguished Чарльза Йорка – «секретарем по военным делам» [13], что, вероятно, указывало на желание новой администрации несколько разграничить колониальные и военные дела, предоставив их разрешение разным лицам, а не одному, как это было во время Генри Дандаса.

Однако приходится признать, что даже при передаче колониальных дел государственному секретарю по делам войны и колоний в 1801 году в рамках военного времени акцент в его работе неизбежно делался на вопросы, связанные с

ведением боевых действий. После заключения в 1802 году Амьенского мирного договора с Францией колониальные вопросы стали рассматриваться несколько более предметно. Однако с возобновлением противоборства в 1803 году война занимала большую часть внимания государственного секретаря, и в течение нескольких лет колониальным владениям не уделялось должного внимания, а депеши губернаторов колоний зачастую оставались без ответов. [9, Р. 6; 7, Р. 711]. Вместе с тем, начиная с 1806 года ситуация несколько улучшается, после того как министерство по делам войны и колоний возглавил Уильям Виндхэм [3, Р. 39].

При этом нельзя сказать, что все эти действия, целью которых было выделение особого отношения правительства к колониальным вопросам, возымели немедленный эффект и сразу же произошла полная переориентация Колониального департамента в соответствии с новыми требованиями, отвечавшими стоявшим перед Британией новым задачам. Прежде всего, это видно по вышеописанной работе первых государственных секретарей по делам войны и колоний. Несмотря на усилия предшественников, только после 1812 года, когда лорд Батхерст стал госсекретарем, а Генри Гоулберн, соответственно, его заместителем, военные дела перестали преобладать в работе департамента, хотя у обоих имелся предыдущий военный опыт. Прежде всего, главной причиной таких изменений в министерстве стал личный интерес Батхерста и Гоулберна, к колониальным делам [7, Р. 711].

Изучение министерства по делам войны и колоний на раннем этапе его развития сопровождается сложностью в связи с его не вполне ясной внутренней структурой и организацией работы в нем. Как уже было отмечено, руководство им как государственным институтом осуществлялось госсекретарем, то есть министром самого высокого ранга, являвшимся членом Парламента и несшим ответственность за выполнение своих обязанностей перед ним [5, Р. 69–70]. Но основная сложность при рассмотрении Министерства из-

нутри относится к выделению его более глубокой структуры. Так, его разделение на четыре исключительно географических департамента – Североамериканский, Вест-Индский, Австралийский и Африканский, и Средиземноморский – относится к более позднему периоду и датируется 1825 годом, а сведения о предыдущем периоде его внутренней организации фрагментарны [7, P. 711].

Вероятнее всего, изначально у государственного секретаря был только один заместитель, однако в 1806 году стало понятно, что необходимо разделить эту должность в связи с большим объемом работы. Для этого занимавший в то время пост государственного секретаря по делам войны и колоний Уильям Виндхэм назначил заместителя по военным делам и таким образом дал возможность уже работавшему с ним заместителю направить все свое внимание на работу, связанную с колониями [7, P.711]. К 1812 году в министерстве работали государственный секретарь, два заместителя, личный секретарь, главный клерк, двенадцать секретарей, составитель протоколов, несколько переводчиков и «дополнительные» клерки. Однако по окончании войны такой состав был сочтен расширенным и сокращен [7, P. 712–713].

При этом нельзя забывать о том, что министерство хотя и стало фактически первым органом центрального управления колониями Великобритании, но опиралось в своей работе на уже существовавшую базу и опыт предыдущих институтов. Например, его создание не привело, как замечает А. Терстон, к «немедленному изменению» ведущихся записей и документов. Первые значительные изменения, касающиеся документооборота министерства, произошли только в 1810 году. Ссылаясь на сохранившиеся в британском государственном архиве копии отправленных и полученных депеш и писем, Терстон отмечает, что они «ограничиваются военными делами и европейскими колониями» [9, P. 33.], что, таким образом, говорит о том, что, по-видимому, несмотря на объединение военных и колониальных

дел под эгидой одного министерства, внутри него происходило разделение на соответствующие отделы либо департаменты, занимавшиеся только своим сектором, скорее всего, под руководством заместителя государственного секретаря по военному либо колониальному направлению. О разделении сотрудников министерства по каким-либо другим признакам, например по географическому, в рамках управления только колониальными делами в это время неизвестно.

Еще одной чертой, характеризующей деятельность министерства по делам войны и колоний как преемника аналогичных административных структур предшествующего периода, была присущая ему фрагментация ответственности за колониальную администрацию. Это означало, что в большинстве колоний казначейство, таможня, почтовое отделение и военное управление были представлены своими собственными чиновниками, не имевшими прямого отношения к новому министерству. Такая политика продолжалась до того времени, когда руководить им стал лорд Батхерст, которого не устраивало такое положение дел на территориях, подконтрольных вверенному ему органу власти. Так, например, казначейство имело возможность контролировать расходование средств, собираемых колониальными собраниями, или присваивать колониальные доходы в тех колониях, где не было своих собственных законодательных органов. Батхерст же настаивал на том, чтобы другие департаменты, направлявшие своих сотрудников в колонии, действовали, прислушиваясь к его советам и мнению. Впоследствии благодаря заинтересованности чиновников министерства по делам войны и колоний это привело, во-первых, к созданию в 1814 году эффективной системы колониального аудита с помощью его официальных уполномоченных. Во-вторых, к 1820 году были внесены существенные изменения в систему контроля за расходом колониальных финансовых средств, в связи чем губернаторы получили от госсекретаря по делам войны и колоний инструкции, по которым их обязали составлять годовые сметы для

формирования бюджетов колоний [7, Р. 713–714].

Тем не менее, подобное реформирование стало результатом совместной работы министерства по делам войны и колоний, и казначейства, при которой первое брало на себя политическую ответственность за действия губернаторов колониальных территорий, а второе тщательно контролировало их финансирование. Такой тандем в решении вопросов, связанных с выделением средств для колоний, прежде всего, стал возможен из-за отсутствия у чиновников Министерства опыта в управлении финансовыми потоками.

Однако больше всего полной концентрации всех колониальных дел в рамках министерства по делам войны и колоний, а значит, и государственного секретаря как его главы препятствовали амбиции других министров, претендовавших на очевидные преимущества от так называемого колониального патронажа, то есть назначений на какие-либо должности, связанные с колониями. В течение XVIII века колониальные учреждения являлись весьма ценным источником патронажа и вместе с тем связанных с ним злоупотреблений. Кроме того, нередкими были и межведомственные споры о назначении на тот или иной пост ставленника кого-то из министров, что порождало неприязнь между членами кабинетов и становилось серьезным препятствием для дальнейшего эффективного функционирования правительств.

Не желая продолжать практику подобных злоупотреблений в рамках вверенного ему министерства, лорд Батхерст совместно с Г. Гоулберном предпринял шаги для изменения сложившейся ситуации, однако невозможно было ограничить права остальных министров в той же степени, что и государственного секретаря по делам войны и колоний. Неудача, постигшая их на поприще колониального патронажа, еще долгое время являлась источником слабости «второй» империи [7, Р. 714].

В целом пост государственного секретаря по делам войны и колоний можно назвать одним из важнейших в структуре администраций исследу-

емого периода. Занимающий его политик мог в будущем рассчитывать на более высокую должность министра иностранных дел, как это произошло с Робертом Стюартом, виконтом Каспри, вторым маркизом Лондондерри, или даже на пост премьер-министра, как Роберт Бэнкс Дженкинсон, позднее граф Ливерпуль и его преемник на посту Джордж Каннинг [8, Р. 29].

Между тем, хотя прослеживаемая закономерность говорит о том, что назначение на пост государственного секретаря по делам войны и колоний могло предвещать блестящую карьеру, однако, по мнению И. Л. Вудворда, из целой плеяды политиков «умеренных способностей», занимавших его в начале XIX века, лишь лорда Батхерста можно выделить как по-настоящему талантливого человека, обладавшего действительными знаниями по данному вопросу [10, Р. 351]. Кроме того, при нем начал свою деятельность в министерстве по делам войны и колоний Джеймс Стивен, которого Вудворд называет многолетним «реальным главой колониальной политики» Великобритании. Этот последний, несмотря на то что никогда не видел ни одну из колоний, работал при разных главах министерства и, по сути, являл собой не менее значимую фигуру, чем они. Именно Джеймс Стивен впоследствии считал, что империя представляет для метрополии большую ответственность, что равноценно доверию, которое нельзя было бы предать [10, Р. 352].

Однако, по мнению А. Дж. Вейра, развитие бюрократии в колониальной сфере, прежде всего, было связано с желанием британских политических деятелей не допустить «второго расчленения империи». Следствием это в управлении колониальными территориями стала проявляться тенденция к усилению системы проверки старых колоний без надобности, при этом их права часто ограничивались, т.е. тенденция, которую он называл «деспотической исполнительной властью со стороны метрополии», которая только усилилась с началом войны с Францией [10, Р. 187–188]. Но, несмотря на все проведенные изменения, реформирование и создание соответ-

ствующего министерства, Вейр упрекал в плохом управлении колониальными делами, что «редко осознавалось британской публикой» [10, P. 189–190].

Начало XIX века стало для Великобритании периодом осмысления всего предыдущего политического опыта, включавшего в себя и управление ее колониальными территориями. Во многом этому способствовал переход от «первой» ко «второй» колониальной империи на рубеже XVIII – XIX вв., предпосылкой к которому стало видоизменение состава имперских территорий из-за потери англичанами колоний в Новом свете в ходе Американской революции.

Создание министерства по делам войны и колоний как органа, регулирующего колониальную политику, явилось важным шагом на пути выстраивания эффективно функционирующей системы управления колониальными территориями, но в начале XIX века высока была степень преемственности, перенесенная на новую государственную структуру от прежнего периода, когда колониальные дела относились к министерству внутренних дел. Именно с этим связано отсутствие немедленного внедрения обновленной документации после срачивания военных и колониальных дел, а также то, что у Г. Дандаса, первого государственного секретаря, отвечавшего за колонии и военные дела, уже имевшего достаточный опыт для работы в этом направлении, не было мотивов и желания по-новому построить работу вверенного ему государственного органа. Постепенное привнесение изменений его преемниками, на наш взгляд, является одним из доказательств отсутствия резких скачков в проведении колониальной политики, реформировании центрального администрирования империи, а также неверного представления о внезапном переходе от «первой» ко «второй» Британской империи. Таким образом, происходившие изменения можно считать эволюционными, произошедшими во время переходного для Великобритании периода ее развития.

Фактически первичное построение новой ко-

лониальной системы во время перехода от «первой» ко «второй» Британской империи, охватывавшего период конца XVIII – начала XIX века, стало заслугой совместных действий У. Питт-младшего и Г. Дандаса. Именно они были ответственными за оформление структуры, которая впоследствии успешно функционировала не одно десятилетие, позволяла управлять колониальными территориями и осуществлять с ними коммуникацию. Тем не менее, отсутствие фундаментальных изменений в построении работы нового государственного органа, ответственного за колонии, стало одной из причин для отсутствия немедленных изменений в колониальных делах и является, на наш взгляд, одним из важнейших просчетов политического дуумвирата Питт-младшего – Дандаса. Только дальнейшая работа их преемников в области колониальной политики позволила не только развиваться Министерству по делам войны и колоний, но и говорить о формировании колониальной системы другого типа, отличной от предыдущей.

Достаточно интересным представляется нам изменение положения колониальных дел в структуре исполнительной власти страны. Приравнение связанных с ними вопросов к ирландским делам, внутренней политике в рамках Южного департамента, по-видимому, отвечало представлениям о колониях как о продолжении английского государства. В свою очередь, перераспределение управления оставшимися колониальными территориями на фоне кризиса в Северной Америке в пользу министерства внутренних дел в 1782 году призвано было, на наш взгляд, отразить высокую степень внимания правительства и королевской власти к колониальным делам. Не совсем ясными остаются мотивы передачи колониальных вопросов военному министерству. Вероятно, преобладающим здесь оказался стратегический аспект колоний. Еще одним фактором могло оказаться более справедливое разделение колониального патронажа [7, P. 714]. Выделение же отдельного министерства по делам войны и колоний призвано было отметить возросшую

важность колониальных территорий, а его последующее развитие позволило новому органу надолго закрепиться в рамках системы правительства Великобритании, обеспечило ему общепризнанную функцию, отмеченную со временем увеличением числа чиновников и улучшением качества их подготовки.

Заключение

Таким образом, формирование британской колониальной политики на рубеже XVIII – XIX вв. имело в своей основе взаимосвязь внешних и внутренних факторов, таких как изменение территориального состава Британской империи и перераспределение обязанностей между управлявшими ею компонентами. Постепенно и с учетом сложившейся ситуации происходило изменение роли и места колоний в структуре политической власти Великобритании. Особенно это относится к периоду 1793–1815 гг., когда Великобритания принимала активное участие в борьбе против Франции, и в тоже время происходило завершение процесса централизации имперской власти страны над ее колониальными владениями. Кульминацией этого процесса стало создание Министерства по делам войны и колоний, подчеркивавшего всю важность ее колониальных владений. Окончание военных действий в 1815 году дало новый толчок к развитию Министерства по делам войны и колоний как учреждения, основная деятельность которого сводилась к рассмотрению колониальных дел во всем их многообразии. В связи с этим, акцентируя основную часть работы данного органа, в послевоенное время министерство стали все чаще называть просто Колониальным.

Библиография:

1. Киселёв А.А. Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII – XVIII вв. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2012. – 322 с.
2. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. – М.: Издательство международных отношений, 1961. – 496 с.
3. Banton M. Administering the Empire, 1801-1968: A Guide to the Records of the Colonial Office in the National Archives of the UK. – University of London Press, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://humanities-digital-library.org/index.php/hdl/catalog/view/administering-the-empire-1801-1968/172/357-5> (Дата обращения: 8.10.2020)
4. Bayly C.A. Imperial meridian: the British empire and the world, 1780-1830. - London and New York, 1989. [Электронный ресурс]. – URL: https://books.google.ru/books?id=nNgYDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Дата обращения: 23.02.2021).
5. Jenks E. The Government of the British Empire. – Boston, 1919. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/governmentbriti03jenkgoog/page/n82/mode/2up> (Дата обращения: 17.03.2021)
6. Lovat-Fraser J.A. Henry Dundas, viscount Melville. – Cambridge, 1916. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/henrydundasvisco00lovarich/page/26/mode/2up> (Дата обращения: 13.01.2021)
7. The Cambridge History of the British Empire. vol. VIII. South Africa, Rhodesia and the High Commission Territories. – Cambridge: Cambridge University Press, 1963. [Электронный ресурс]. – URL: <https://goo-gl.ru/5M3C> (Дата обращения: 28.04.2020).
8. The FCO: Policy, People and Places (1782-1995) //History Notes. April 1991. Issue 2. [Электронный ресурс]. – URL: https://is-suu.com/fcohistorians/docs/history_notes_cover_hp_hn_2 (Дата обращения: 3.11.2020).
9. Thurston A. Records of the Colonial Office, Dominions Office, Commonwealth Relations Office and Commonwealth Office. Vol.1. – L., 1995. [Электронный ресурс]. – URL: https://sas-space.sas.ac.uk/6116/1/vC1_Sources_for_Colonial_Studies.pdf (Дата обращения: 3.11.2019).
10. Weir A. J. British opinion and colonial policy, 1783–1839; in particular, the origin of the ideas of

the Colonial Reformers [Электронный ресурс]. – URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/> (Дата обращения: 18.02.2020).

11. Woodward E.L. The Age of Reform 1815-1870. – Oxford, 1962. – P. 681. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/ageofreform18151000wood> (Дата обращения: 18.10.2018).

12. Young, D.M. The Colonial Office in the early nineteenth century. – L., 1961. [Электронный ресурс]. – URL: <https://archive.org/details/colonialofficein0000unse/page/2/mode/2up> (Дата обращения: 3.12.2020).

13. Morning Chronicle, 18 March 1801 // The British Newspaper Archive. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000082/18010318/004/0003?browse=true> (Дата обращения: 20.12.2020).

References:

1. Kiselev A.A. (2012) Rozhdeniye imperii. Britanskoye gosudarstvo i kolonializm v XVII–XVIII vv. [The birth of an empire. British state and colonialism in the 17th – 18th centuries]. – Volgograd: Izdatel'stvo VolGU. – 322s. (In Russ.).

2. Satou E. (1961) Rukovodstvo po diplomaticheskoy praktike [Guide to diplomatic practice]. – M.: Izdatel'stvo Mezhdunarodnykh otnosheniy. – 496s. (In Russ.).

3. Banton M. (2020) Administering the Empire, 1801-1968: A Guide to the Records of the Colonial Office in the National Archives of the UK. – University of London Press. – URL: <https://humanities-digital-library.org/index.php/hdl/catalog/view/administering-the-empire-1801-1968/172/357-5> (Дата обращения: 8.10.2020) (in Engl.).

4. Bayly C.A. (1989) Imperial meridian: the British empire and the world, 1780-1830. – London and New York. – URL: https://books.google.ru/books?id=nNgYDQAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (Дата обращения: 23.02.2021). (in Engl.).

5. Jenks E. (1919) The Government of the Brit-

ish Empire. – Boston. – URL: <https://archive.org/details/governmentbriti03jenkgoog/page/n82/mode/2up> (Дата обращения: 17.03.2021). (in Engl.).

6. Lovat-Fraser J.A. (1916) Henry Dundas, viscount Melville. – Cambridge. – URL: <https://archive.org/details/henrydundasvisco00lovarch/page/26/mode/2up> (Дата обращения: 13.01.2021). (in Engl.).

7. The Cambridge History of the British Empire. vol. VIII. South Africa, Rhodesia and the High Commission Territories. – Cambridge: Cambridge University Press, 1963. – URL: <https://google.ru/5M3C> (Дата обращения: 28.04.2020). (in Engl.).

8. The FCO: Policy, People and Places (1782-1995) // History Notes. April 1991. Issue 2. – URL: <https://clck.ru/WFfAB> (Дата обращения: 3.11.2020). (in Engl.).

9. Thurston A. (1995) Records of the Colonial Office, Dominions Office, Commonwealth Relations Office and Commonwealth Office. Vol.1. – URL: https://sas-space.sas.ac.uk/6116/1/vC1_Sources_for_Colonial_Studies.pdf (Дата обращения: 3.11.2019). (in Engl.).

10. Weir A.J. British opinion and colonial policy, 1783 -1839; in particular, the origin of the ideas of the Colonial Reformers. – 433p. – URL: <https://era.ed.ac.uk/handle/1842/30905> (Дата обращения: 18.02.2020). (in Engl.).

11. Woodward E.L. (1962) The Age of Reform 1815-1870. – Oxford. – P. 681. – URL: <https://archive.org/details/ageofreform18151000wood> (Дата обращения: 18.10.2018). (in Engl.).

12. Young D.M. (1961) The Colonial Office in the early nineteenth century. – URL: <https://archive.org/details/colonialofficein0000unse/page/2/mode/2up> (Дата обращения: 3.12.2020). (in Engl.).

13. Morning Chronicle, 18 March 1801 // The British Newspaper Archive. – URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000082/18010318/004/0003?browse=true> (Дата обращения: 20.12.2020). (in Engl.).

АРБЕКОВ Александр Борисович, аспирант, кафедра всеобщей истории и регионоведения, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: killkennedy123@yandex.ru

ARBEKOV A.B., Postgraduate student, Department of General History and Regional Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: killkennedy123@yandex.ru

К ДИСКУССИИ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ МИССИИ Н. Г. СТОЛЕТОВА В АФГАНИСТАНЕ ЛЕТОМ 1878 ГОДА

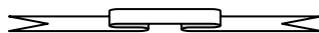
IN ADDITION TO THE DEBATE ON THE MILITARY AND POLITICAL SIGNIFICANCE OF N. G. STOLETOV'S SUMMER MISSION TO AFGHANISTAN IN 1878

Аннотация. В статье анализируются события, повлекшие за собой начало второй англо-афганской войны (1878–1881 гг.). В частности, подвергается более детальному изучению военно-политическая сторона англо-российского конфликта на завершающем этапе Восточного кризиса (1875–1878 гг.). Автор подробно рассматривает отдельный эпизод – отправление в Афганистан летом 1878 года дипломатической миссии генерал-майора Н. Г. Столетова с целью заключения союза против Англии, которая сопровождалась военной демонстрацией российской армии в сторону Британской Индии. На основе сопоставления точек зрения отечественных и зарубежных исследователей, а также за счет привлечения различных групп исторических источников предпринята попытка дать объективную оценку этим событиям и обозначить их влияние на генезис второй англо-афганской войны, ставшей закономерным следствием англо-российского соперничества на Востоке в конце XIX века.

Ключевые слова: викторианская Англия, колониальные войны, Восточный кризис, «Большая игра», Российская империя, вторая англо-афганская война.

Abstract. The article analyzes the events that led to the beginning of the Second Anglo-Afghan War (1878-1881). In particular, the military and political side of the Anglo-Russian conflict at the final stage of the Eastern crisis (1875-1878) is subjected to a more detailed study. The author examines in details a particular episode – the departure to Afghanistan in the summer of 1878 the diplomatic mission of Major-General N. G. Stoletov to conclude an alliance against England, which was accompanied with a military demonstration of the Russian army in relation to British India. Based on the comparison of the domestic and foreign researcher's points of view, as well as by involving various groups of historical sources, an attempt is made to give an objective assessment of these events and to identify their influence on the genesis of the second Anglo-Afghan war, which became a natural consequence of the Anglo-Russian rivalry in the East at the end of the XIX century.

Keywords: Victorian England, colonial wars, Eastern Crisis, The Great Game, the Russian Empire, the Second Anglo-Afghan war.

В истории международных кризисов представлено множество различных военно-политических эпизодов, оценка которых сегодня имеет дискуссионный характер. В научном сообществе, как в отечественном, так и зарубежном, нередко возникает бурная полемика о ме-

сте, роли и влиянии этих событий на движение монорельса истории. Особый интерес в этом отношении вызывает оценка военно-политического значения миссии генерал-майора Н. Г. Столетова в Афганистане и индийского похода российской армии летом 1878 года, их

влияние на итоги Берлинского конгресса и определение их роли в развязывании второй англо-афганской войны (1878–1881 гг.).

Вторая половина XIX века ознаменовалась масштабным англо-русским соперничеством на Востоке, охватившим территорию многих азиатских стран и значительно повлиявшим на сегодняшнюю международную обстановку. Многие современники и историки называли этот процесс «Большой игрой». После окончания Крымской войны Российская империя стала активно инвестировать свой военно-экономический потенциал в колонизацию Средней Азии. В 1865 году царские войска взяли под свой контроль Ташкент, в следующем году – Самарканд, к 1873 году был обеспечен протекторат над внешней политикой Бухары и Хивы. В итоге значительное продвижение Российской империи в Средней Азии приблизило вплотную границы ее владений к Афганистану, издавна находившегося в сфере интересов Великобритании. Исторически все сухопутные завоевания Индии совершались именно через территорию Афганистана, поэтому вопрос, в чьей орбите влияния окажется это государство, стал приоритетным в борьбе двух империй в 70–80-х гг. XIX века.

Активизация агрессивных планов Великобритании, нацеленных на завоевание Афганистана, сегодня в исторической науке прочно ассоциируется с деятельностью консервативного правительства Б. Дизраэли (1874–1880 гг.). В это время лидеры тори претворяли в жизнь так называемую «наступательную политику», императивом которой стала идея о защите Индии от потенциального русского вторжения. Такая политика, по сообщениям русского военного агента в Лондоне А.П. Горлова, подразумевала полное «уничтожение независимых стран» на северо-западной индийской границе и рассматривалась лидерами консерваторов исключительно как «существенная стратегическая необходимость» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 75/об.).

Одновременно эти события на фоне глубокого политического и экономического кризиса в Османской империи накладывались на актуализацию восточного вопроса после начала восстаний в Боснии и Герцеговине летом 1875 года. Понятие «восточной вопрос» в интерпретации английских правящих кругов означало сохранность морских коммуникаций с Индией через Персидский залив и акваторию Средиземного моря. Среди тори существовало определенное представление, что потенциальный успех русского оружия в войне против Турции обеспечивал полное доминирование России в Малой Азии и на Ближнем Востоке, откуда за счет посредничества Персии и Афганистана появлялась возможность напрямую угрожать Индии.

Поэтому на фоне борьбы России с Османской империей англо-русские отношения значительно ухудшились. Как отмечал русский военный агент в Лондоне генерал-майор А. П. Горлов, «по мере того как Турецкая война подходила к концу – поведение Англии делалось все более враждебным» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62). После заключения мира в Сан-Стефано 3 марта 1878 года Великобритания была против серьезного расширения владений Российской империи. Новая карта Европы грозила сокращением сфер ее влияния.

В итоге в марте 1878 года королева Виктория подписала приказ о призыве резервистов, в Дарданеллы направлялись английские боевые корабли на помощь Турции, а семь полков англо-индийской армии были передислоцированы из Индии на о. Мальта [5, С. 158]. В то же время, по сообщениям генерал-майора Горлова, в Англии был сформирован план потенциальных боевых действий против России одновременно в Европе и Малой Азии. Высадка британских войск планировалась в трех точках: 1) в Греции – в Салониках; 2) в Сирии – в заливе Александретты (Искандерун – А. А.); 3) на полуострове Галлиполи – под начальством лорда Р. Нэпьера, генерал-майора Г. Уолсли и генерал-лейтенанта Л. Симмонса соответственно. В возможных опе-

рациях британское командование рассчитывало объединиться с греческой армией и направить корпуса, сформированные из резерва в количестве 50 тыс. человек и «два войска милиции из Канады – 20 тыс. человек» на дальние берега Средиземного моря для боев на «Европейском участке», чтобы перерезать российские коммуникации на Балканах (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62). Войскам генерала Симмонса доверялась оборона Дарданелло-Босфорской линии, в то время как союзные англо-турецкие силы численностью до 100 тыс. чел. под командованием Г. Уолсли должны были ударить по Закавказью и произвести наступление в турецкой Армении и российской Грузии по линии Трабзон-Ван (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62), попутно совершая высадку десанта на определенных точках «русского берега Черного моря» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 62).

Примечательно, что к представленным выше проектам военных действий против России к началу июня 1878 года был добавлен подробный план десантной операции для выведения из строя Кронштадта и организации наступления на Санкт-Петербург в качестве средства достижения «желаемых практических результатов, сводящих к минимуму нарушение спокойствия в Европе в желаемые сроки» (Captain C.A. Noedt, Materials for an Operation against Cronstadt, 5 June 1878//PRO FO 881/3643. P. 3). Он предполагал высадку диверсионного отряда численностью 4–5 тыс. чел. в Сестрорецке, чтобы отвлечь силы столичного гарнизона и тем самым открыть возможность для проведения крупной операции военно-морского флота против Кронштадта с последующей блокадой Свеаборга, Выборга и Ревеля (Ibid., P. 1–3).

На фоне этих событий в апреле 1878 года состоялось особое совещание под председательством Александра II, на котором было запланировано в качестве нелинейного ответа на угрозы британской стороны в Европе провести демонстративные действия на среднеазиатском

пладарме против английских владений в Индии [6, С. 259]. В телеграмме от 21 апреля военный министр генерал-адъютант Д. А. Милютин приказывал генерал-губернатору Туркестана К. П. фон Кауфману немедленно приступить к усилению туркестанских войск формированием резервных частей и посредством тайных агентов собрать сведения о положении дел в Афганистане и северной части Индии. В секретном приказе от 25 апреля также предписывалось начать постепенную подготовку к вероятному походу и снарядить официальное посольство к афганскому эмиру под руководством генерал-майора Н. Г. Столетова, «как знающего азиатские языки и могущего поэтому лично вести переговоры» [2, С. 95–99].

Согласно приказу от 26 мая 1878 года было сформировано три наступательных отряда под общим командованием генерала Кауфмана. Главной колонне, состоящей из 12 тыс. чел., под начальством генерал-майора Троицкого предписывалось проследовать из Самарканда в Джам и ожидать дальнейших приказаний. Вторая колонна, организованная в Маргелане, в составе около 1700 чел. должна была продвигаться под командованием генерал-майора Абрамова в долину Кызыл-Су. Третьей, или Амударьинской колонне, сформированной в Петро-Александровске под командованием полковника Гротенгельма, численностью 1700 чел. следовало двинуться вверх по течению р. Амударьи в Чарджуй [2, С. 106–107; 10, P.21–22]. Помимо этих трех колонн, был подготовлен отряд в Чикишляре под командованием генерал-майора Н. П. Ломакина в составе 4 батальонов пехоты, 2 сотен казаков и 8 орудий сводной горной и полевой артиллерии (около 4 тыс. чел.) с целью движения в сторону Мерва и возможной оккупации страны Акхал (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6901. Л. 134–135).

В начале июня 1878 года генерал Кауфман уведомил афганского эмира Шер Али хана, что миссия генерала Столетова, сопровождаемая царскими войсками, отправлена для заключения

с ним обоюдновыгодного «тесного союза» [8, Р. 16]. В Кабуле генерал-майор Столетов представил эмиру проект военной конвенции из 11 пунктов. В соответствии с ними афганский правитель должен был признать протекторат России над своей страной, а генерал-губернатор Туркестана принимал на себя обязательства поддерживать со своей стороны стремления эмира противодействовать британским посягательствам и «оказать поддержку фактически» [2, С. 102] в случае вооруженного конфликта Афганистана с Англией. Они также планировали создание сети складов боеприпасов, провианта и фуража в северных провинциях страны и строительство железной дороги [5, С. 163].

Но после заключения 13 июля 1878 года Берлинского трактата Россия пыталась воспрепятствовать дальнейшей эскалации международного конфликта. В ходе переговоров с английским послом в Петербурге лордом Лофтусом российский канцлер А. М. Горчаков дал понять, что это были меры военной предосторожности на случай войны между Англией и Россией, если ее не получится избежать. Однако в свете последних событий «они были отменены и все войска отозваны» [7, Р. 340]. Также, как отмечал в марте 1880 года на страницах своего дневника Д.А. Милютин, «проект договора, который был замышляем Столетовым во время пребывания его в Кабуле в 1878 году, оставлен был в проекте, без всяких последствий» [4, С. 275].

В итоге военный союз с афганским эмиром действительно так и не был юридически ратифицирован, что позволило России выстраивать свою политику в Средней Азии более осторожно на фоне Восточного кризиса. Однако насчет отсутствия «последствий» Д. А. Милютин, с нашей точки зрения, очевидно, заблуждался, так как именно факт принятия миссии генерал-майора Столетова стал решающим в определении дальнейшей судьбы Афганистана.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии эти события и их последствия, до

сих пор, вызывают различные дискуссии. Ряд научных специалистов оценивают в негативном ключе значение миссии генерала Столетова и похода в Индию, которые не смогли решить насущных международных проблем России после окончания Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) и привели лишь к усилению позиций Великобритании на Востоке. Английский историк Дж. Морган писал: нет сомнений в том, что Россия использовала свои более сильные позиции в Средней Азии, чтобы обратить традиционные страхи британцев против них и вызвать диверсию [9, Р. 175]. Но если основной целью этих усилий действительно стало развязывание Англо-афганской войны, которая должна была повлиять на результаты конгресса в Берлине в пользу России, то он расценивал это «как полный провал» [9, Р. 181]. Похожей точки зрения придерживался советский исследователь Г. А. Хидояттов, указывая, что русские приготовления не произвели должного впечатления на англичан и не дали тех результатов, которых от них ожидали [6, С. 263].

Противоположной точки зрения придерживаются некоторые отечественные историки. В частности, Т. Н. Загородникова выдвигает предположение, что действия российских войск достигли своей цели и это средство давления сработало: на Берлинском конгрессе англичане были более сговорчивы благодаря в числе прочего и этому походу [2, С. 40]. Такой же позиции придерживается и К. Н. Кубанов, утверждавший, что стояние царской армии в Джаме «стало «победой русского оружия» на подступах к Индии и послужило причиной ряда уступок английских представителей на мирных переговорах по итогам Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.» [3, С. 22].

Для освещения нашей позиции по данному вопросу представляется необходимым прежде всего определить роль и место миссии Н.Г. Столетова и похода в Индию в общем полотно военно-стратегических планов высшего российского командования на завершающем

этапе Восточного кризиса. Также принципиально важно проанализировать позиции британских политических и военных кругов по афганской проблеме и проследить конкретное влияние описанных выше событий на динамику взглядов английской правящей элиты в контексте сложившихся противоречий в Центральной Азии.

Весной 1878 года высшее российское военное командование находилось в очень тяжелом положении, так как сложившаяся на Балканах обстановка грозила Российской империи возможностью большой войны с коалицией европейских держав в лице Англии, Австро-Венгрии и Турции не при самом удобном политическом и экономическом раскладе. В этих обстоятельствах военной партии при дворе Александра II приходилось производить трезвую оценку быстро менявшейся ситуации и разрабатывать релевантные планы на случай масштабной вооруженной конфронтации.

Одним из главных стратегов России в этот сложный для нее период стал генерал-адъютант Н.Н. Обручев, занимавший пост управляющего военно-ученым комитетом Главного штаба. В течение февраля-марта 1878 года им был подготовлен ряд аналитических записок с обсуждением общей сложившейся военно-стратегической ситуации на Балканах и в Малой Азии и рассмотрением вариантов возможных действий российской армии против складывающейся антирусской коалиции.

Анализ подобных инициатив и их динамики в контексте последнего этапа Восточного кризиса подробно представлен в работах О.Е. Алпеева. Несмотря на последовательное и всестороннее изучение этого вопроса, нам представляется, что автор совершает ряд допущений при исследовании подготовки России к войне с европейской коалицией, особенно в контексте освещения английской стороны конфликта. В частности, российский историк указывает, что Англии «для операций против России требовалось 150 тыс. чел., тогда как армия королевы Виктории насчитывала только 134 тыс.» [1, С. 128].

Здесь важно отметить, что, приняв во внимание в целом малую численность конкретно английской армии, большие трудности при ее мобилизации и развертывании, британское правительство с самого начала Восточного кризиса собиралось действовать превентивно в союзе с Турцией и по возможности намеревалось заручиться союзом с Австро-Венгрией. Поэтому в случае войны с Россией высшее английское командование еще в декабре 1876 года определило, что общая численность войск для боевых действий на Балканах должна составить не менее 150 тыс. чел., из которых конкретно Великобритании следовало привлечь примерно два корпуса в 60–70 тыс. чел., а также «нанять» турецкую армию до 100 тыс. чел. под командование специально отобранных английских офицеров.

Исходя из этих калькуляций, к концу 1876 года потенциальная высадка десанта планировалась в местах, где будет проще обеспечить морское сообщение с основными военноморскими базами Великобритании и оказывать содействие Турции в операциях на Балканах, – Галлиполи, Буюк-Чекменджи (Memorandum by the Inspector-General of Fortifications, 4 December 1876) и Варна (Colonel Home to the Inspector-General of Fortifications, 16 November, 1876). При этом, как показывают донесения российского военного агента в Лондоне генерал-майора Горлова за 1878 год, подобные расчеты не теряли своей актуальности вплоть до заключения Берлинского трактата и адаптировались под динамично меняющуюся обстановку на основных театрах войны в Европе и Малой Азии. Поэтому конкретно небольшая численность английских войск в контексте возможных совместных действий Англии и Турции против России не противоречила планам привлечь для этого союзную 150-тысячную армию.

Из обозначенной выше предпосылки О.Е. Алпеев делает вывод, что «руководство Российской империи серьезно переоценивало мощь и мобилизационные ресурсы британской

армии, считая, что Туманный Альбион сможет выставить от 100 до 250 и даже до 300 тыс. чел.» [1, С. 127]. Обращение к первоисточнику показало, что генерал Обручев в своей записке, производя калькуляцию вражеских сил для грамотного распределения военных ресурсов России на различных операционных направлениях, действительно указывал, что «...Англия грозит на словах экспедиционной армией в 250–300 тыс. чел.». Однако в следующем предложении он четко и верно характеризует эту цифру как «фантастическую», которую на практике британскому командованию не удастся организовать «при настоящем напряженном состоянии Афганистана и самой Индии...» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19 об.).

С учетом реальных мобилизационных способностей Великобритании генерал Обручев считал вероятным подготовку Англией на случай войны с Россией двух экспедиционных корпусов общей численностью 62 тыс. чел. при 174 орудиях, к которым спустя несколько месяцев потенциально может прибавиться еще один корпус в 30–35 тыс. чел. (РГВИА Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 19–19/об.). В основу этих подсчетов при определении основного операционного направления ложилось сведения военного агента в Лондоне генерал-майора А. П. Горлова за 1876–1877 гг. Согласно его донесениям Англии для отправления 50–60 тыс. армии могло потребоваться не менее трех с половиной месяцев, поэтому английский десант «прежде вступления в бой может появиться на театре действий слишком поздно» (РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. 1877 г. Д. 49. Л. 59).

Этим генерал Обручев и предлагал воспользоваться. По его замыслу следовало сконцентрировать основные силы Российской армии на ключевом направлении – на захвате и удержании Босфора, который, по мнению российского стратега, представлял собой «совершенно обязательный ключ войны» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 36). В противном же случае Россия давала Англии в руки «все средства настаивать на

своём... начать разорение и бомбардировку всех наших берегов» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 3535 об.). План потенциальных операций против союзных Англии и Турции подразумевал также развитие наступления в западной Болгарии с целью оккупации значительной территории Греции и ее побережья в районе Салоник, чтобы воспрепятствовать возможной высадке английского десанта (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 22 об.).

Примечательно, что российский военный аташе в Лондоне А. П. Горлов, наряду с предоставлением подробных сведений о военных и мобилизационных ресурсах Англии, в своих репликах неоднократно предлагал различные методы отвлечения английских сил, чтобы поставить Россию на более выгодные позиции в случае вооруженной конфронтации с Англией. Так, генерал-майор Горлов указывал, что в руках генерал-губернатора в Туркестане К. П. фон Кауфмана и генерал-майора Н. П. Ломакина в Закаспийской области «имеются средства увеличить до некоторой степени беспокойство на северо-западной границе Индии» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1877 г. Д. 4. Л. 230/об.). Также он сообщал о серьезном напряжении в англо-афганских отношениях и считал, что «это выгодное обстоятельство не следовало бы упустить» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1877 г. Д. 4. Л. 233).

Генерал-адъютант Н. Н. Обручев в свою очередь верно полагал, что России не следовало расплывать свои ограниченные ресурсы на организацию рискованных политических авантюр, рассматривая возможность демонстративных действий против Англии на среднеазиатском плацдарме лишь как «паллиатив», организация которого с его точки зрения «представляет еще много проблематичного» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 31. Л. 35 об.). Однако в скором времени военной партии при дворе Александра II пришлось к нему прибегнуть.

Дальнейшее изменение военно-политической ситуации на Балканах потребова-

ло срочной выработки новой стратегии. На это повлияло осложнение международной обстановки, нерешительность царского правительства, ухудшение организационного и санитарного положения российской армии как в Европе, так и в Малой Азии. В результате высшее российское командование к маю 1878 года полностью отказалось от идеи захвата Босфора и сосредотачивало свои основные ресурсы для разгрома Австро-Венгрии [1, С. 131–132]. В этих условиях организация демонстративного похода в Индию и отправление миссии генерал-майора Столетова в Афганистан приобретали особое стратегическое значение, которые в теории позволили бы сместить фокус внимания Англии с Европы на Среднюю Азию и создать необходимый рычаг внешнего давления на Великобританию при попытках с ее стороны сильно ущемить территориальные претензии Российской империи после войны с Турцией.

Обращаясь к опыту последующей второй англо-афганской войны (1878–1881 гг.), можно однозначно отметить, что российскому правительству в целом удалось решить поставленную задачу. Кампания против Афганистана буквально «впитала» в себя значительные военные и экономические ресурсы Британской империи. Согласно отчету от 20 июня 1904 года директора Департамента военных операций (Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904) генерал-майора Джеймса Гирсона, к лету 1880 года для боевых действий против афганцев было мобилизовано свыше 70 тыс. чел., из которых 42 тыс. одновременно находились на территории Афганистана (Memorandum embodying information regarding the Second Afghan War, 20 June 1904). Таким образом, в операциях было задействовано больше трети военного контингента, дислоцированного в Индии. При этом война стала буквально «черной дырой» для британской экономики. На ее ведение было выделено более 20 млн фунтов стерлингов [11, Р. 276].

Поэтому сама идея организации демонстративного похода в Индию с целью отвлечения значительных военных ресурсов Англии для решения актуальных стратегических задач в Европе имела под собой четкое и логическое обоснование, которое позволяло России в теории сконцентрировать свои ресурсы на решающем операционном направлении. Однако в отрыве от внешнеполитической обстановки и вне контекста общих военно-стратегических планов высшего российского командования весной 1878 года миссия генерал-майора Н. Г. Столетова в Афганистане была обречена на полный и безоговорочный провал.

При этом важно отметить, что британцы с самого начала очень внимательно наблюдали за подготовкой царского правительства к индийскому походу. Интересной деталью донесений английских резидентов в России является частое упоминание генерал-лейтенанта М. Г. Черняева в качестве главнокомандующего экспедицией в Пешавар. Так, 29 марта 1878 года генеральный консул в Одессе лорд Стэнли сообщал министру иностранных дел лорду Дерби: «Сегодня местный начальник штаба заявил, что в случае войны с Англией Черняева отправят в Среднюю Азию, и он попытается разжечь враждебные настроения против Англии, особенно в Афганистане, и разжечь недовольство в Индии» (Consul-general Stanley to the Earl of Derby, 29 March 1878). Через несколько дней консул в Москве Джордж Уэбб транслировал подобную информацию, полученную им «косвенно от должностных лиц канцелярии генерал-губернатора, о том, что генерал Черняев, бывший главнокомандующий сербской армией, направлен к племенам на индийской границе» (Acting Vice-Consul Webb to Lord A. Loftus). 12 апреля английский посол А. Лофтус сообщал лорду Солсбери, что генерал Черняев отправился после аудиенции императора 24 марта из Петербурга в Красноводск «с очень важной миссией» в сопровождении полковника Н. Г. Столетова, «русского офицера с прекрас-

ной репутацией в среднеазиатских делах» (Lord Loftus to the Marquis Salisbury, 12 April 1878), а в последствии дополнил свою депешу сведениями о «...назначении полковника Главного штаба Столетова под прямое начальство главнокомандующего в Туркестане...» (Same to Same, 19 April 1878).

Необходимо подчеркнуть, что дальнейшие сведения относительно задач русской миссии, маршрута ее движения и численности царских войск в докладах английских дипломатов и агентов значительно колебались. Например, британский консул в персидском Реште Г. Черчилль сообщал фантастические цифры численности российских войск в размере 120 тыс. чел., направлявшихся вниз по Волге в Красноводск под командованием генерала Черняева для дальнейших «угроз нашей индийской границе по Атреку». Но он оптимистично отмечал, что для русских станет огромной проблемой «движение даже маленького отряда через степи, лежащие между Каспием и Центральной Азией» (Consul Churchill to Marquis Salisbury, 12 June 1878). Однако уже к середине августа 1878 года министр по делам Индии лорд Крэнбрук имел точные и подробные сведения о деятельности российской войск в Средней Азии, а также об их основных предписаниях и маршрутах движения. Комментируя эти депеши в переписке с министром иностранных дел лордом Солсбери, он выражал серьезные опасения что «четыре русские военные экспедиции, насчитывающие около 20 тыс. чел., были сосредоточены в пунктах, которые непосредственно контролируют Мерв и страну Акхал и угрожают северной границе Афганистана» [10, Р. 22].

С нашей точки зрения, эти донесения не только показывают высокую степень осведомленности правительства как в Англии, так и в Индии о действиях России в Средней Азии, но и наглядно демонстрировали выгодное применение этих сведений для реализации своей дальнейшей агрессивной политики в регионе. Анализ последующих событий позволяет нам

однозначно утверждать, что нахождение царской миссии в Кабуле не только не повлияло на планы руководства в Уайтхолле, но и в какой-то степени даже развязало им руки.

Во-первых, накануне Берлинского конгресса, 4 июня, в Константинополе была подписана совместная тайная конвенция между Британией и Османской империей о союзных оборонительных действиях в связи с «русской агрессией в Азии» [7, Р. 774–776]. Договор предписывал Великобритании оказать военную помощь Турции в случае, если Россией «будет предпринята попытка захватить любые дальнейшие территории Его Императорского Величества Султана в Азии» [7, Р. 745]. Османский султан, в свою очередь, соглашался на превращение острова Кипр в протекторат Великобритании с возможностью размещения там постоянного военного гарнизона [7, Р. 746].

Таким образом, Англия решила одновременно несколько важнейших стратегических задач – получила в свое распоряжение надежную военно-морскую гавань в восточной части Средиземноморья без вступления в вооруженную конфронтацию с Россией и гарантии со стороны Турции о сотрудничестве в случае повторной эскалации конфликта.

Во-вторых, заключением Берлинского трактата консервативное правительство Дизраэли буквально обеспечило себе «карт-бланш» по афганскому вопросу. В этом отношении особого внимания заслуживает программа, составленная индийской администрацией и представленная в Лондон на рассмотрение кабинету министров осенью 1877 года.

Составителем данного меморандума являлся полковник Дж. Колли – военный секретарь вице-короля Индии лорда Литтона. В этом документе автор предрекал возможность со стороны России начать наступление к индийским границам, однако в ближайшей перспективе он считал маловероятным полноценную организацию такого похода. По его мнению эффективные боевые операции восточная соперница Англии мог-

ла проводить только с помощью сил Кавказского военного округа, а принимая во внимание географические особенности и отсутствие адекватных коммуникации этой базы с Туркестаном «армия Кавказа с ее обученными солдатами и значительными военными ресурсами не может принимать участие в каких-либо операциях, проводимых в ханствах или в Афганистане» (Opinion of the Government of India as to the measures to be taken in consequence of General Lomakin's occupation of Kizil Arvat, November 1877). Примечательно, что именно по этой причине военная партия при дворе императора Александра II после апрельского совещания отказалась от плана генерал-адъютанта Крыжановского, генерал-губернатора Оренбурга, который подразумевал выдвижение большой группы войск до 150 тыс. чел. по главному пути, ведущему в Индию от Астрабада к Герату, чтобы «действительно угрожать английскому владычеству в Индии и побудить английское правительство изменить свой образ действий против России» [2, С. 90].

В таком случае именно позицию Кабула в контексте англо-русского соперничества военный советник лорда Литтона определял как ключевой фактор сохранения британского «престижа» на Востоке. Учитывая неоднократный отказ эмира идти на сотрудничество, он видел только два сценария развития событий – Афганистан полностью подчинится влиянию России или Англия предпримет «энергичные действия, чтобы защитить там свои интересы». Для выполнения второго варианта им предлагалось принять политические и военные меры, чтобы «помешать России получить опору или даже доминирующее моральное влияние в Афганистане», которые подразумевали полную оккупацию западной части страны «с согласия эмира или без него» и дезинтеграцию Афганистана на отдельные ханства, где будет проще поддерживать британское влияние.

Поэтому, согласно программе полковника Колли, нахождение царской миссии в Кабуле

только подтверждало опасения британских властей об усилении российского влияния в Афганистане и доказывало необходимость принятия более решительных военно-политических мер. И если изначально тори не решались на открытую агрессию против эмира Шер Али, то к лету 1878 года, по донесениям генерал-майора Горлова, «английское правительство узнало с радостью о появлении русской миссии в Кабуле и предлог для покорения Афганистана был найден» (РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1878 г. Д. 15. Л. 75/об.). Именно с этого момента, опасаясь столкновения с Англией, царские дипломаты стали вести свою политику более осторожно, а британские – более решительно.

В конечном итоге российское правительство, получив гарантии от Лондона о сохранении прежних договоренностей по делам в Средней Азии, отозвало миссию генерала Столетова обратно в Ташкент и тем самым, по выражению Е. И. Сергеева, бросило на произвол судьбы своего потенциального союзника [5, С. 166]. Обеспечив возможность Англии направить эмиру Шер Али хану ультиматум в ответ на отказ принять в сентябре 1878 года аналогичную британскую миссию генерала Чемберлена, миссия Столетова повлекла за собой 20 ноября того же года беспрепятственное вторжение англо-индийских войск в Афганистан и полное подчинение этого государства политическому влиянию Великобритании на ближайшие десятилетия.

Таким образом, отправление миссии Н. Г. Столетова в Афганистан и организация демонстративного похода в Индию стали решающим доводом для властей в Лондоне и Калькутте начать вторую англо-афганскую войну (1878–1881 гг.) с целью усиления своих позиций в Средней Азии. Российское правительство, отказавшись поддержать эмира Шер Али в вооруженном конфликте против Англии, объективно продемонстрировало слабую и непоследовательную политику в отношении своего соперника по «Большой игре». Также события Восточно-

го кризиса наглядно показали определенные изъяны в работе механизма российского военно-стратегического планирования, в рамках которого высшее командование было вынуждено спешно разрабатывать и видоизменять проекты развертывания вооруженных сил Российской империи на случай начала большой войны с Великобританией.

С другой стороны, эти события четко обозначили претензии британского правительства на геополитическое господство в Средней Азии и готовность отстаивать свои интересы даже ценой повторения горького опыта Крымской войны. Политика Лондона, в рамках обозначенного периода, строго определялась сквозь призму проблемы «обороны Индии», что на практике привело к обострению англо-российских отношений и развязыванию второй англо-афганской войны.

Библиография:

1. Алпеев О.Е. Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Сборник статей по материалам международной научной конференции. Сер. Никитинские чтения «Славяне и Россия», 2019. – С. 120-136.
2. Загородникова Т.Н. «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов. – М.: Наука, 2014. – 359 с.
3. Кубанов К.Н. Походы в Индию в проектах российских военных и политических деятелей XVIII – начала XX вв.: автореферат дисс. канд. ист. наук, Нижневартовск, 2003.
4. Милютин Д.А. Дневник 1873–1880, Т. 2. – М., 2016. – 533 с.
5. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. – М., 2012. – 454 с.
6. Хидятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60–70-е гг.) – Т., 1969. – 456 с.
7. British and Foreign State Papers. Vol.69, (1877-1878), L., 1885.
8. British Parliamentary Papers. Central Asia. No. 2 (1881), С. 2802, L., 1881.
9. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia 1810-1895. L., 1981. – 288p.
10. Precis of Communications between England and Russia on Afghan Question, 4 December 1878, L., 1878.
11. Robson B. The Road to Kabul: The Second Afghan War, 1878-1881. L., 1986. – 312p.

References:

1. Alpeyev O.Ye. (2019) Planirovaniye Rossiyei voyny s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii v 1878 g. [Planning by Russia of the war with the coalition of Great Britain, Austria-Hungary and Turkey in 1878] // Sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ser. Nikitinskiye chteniya «Slavyane i Rossiya». – S.120-136. (In Russ.).
2. Zagorodnikova T.N. (2014) Bol'shaya igra v Tsentral'noy Azii: Indiyskiy pokhod russkoy armii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [The Great Game in Central Asia: The Indian Campaign of the Russian Army: Collection of Archival Documents]. – М.: Nauka. – 359 s. (In Russ.).
3. Kubanov K.N. (2003) Pokhody v Indiyu v proyektakh rossiyskikh voyennykh i politicheskikh deyateley XVIII - nachala XX vv. [Voyages to India in the projects of Russian military and political figures of the 18th - early 20th centuries]: avtoreferat diss. kand. ist. nauk, Nizhnevartovsk (In Russ.).
4. Milyutin D.A. (2016) Dnevnik 1873 – 1880 [Diary 1873-1880], T.2. – М. – 533 s. (In Russ.).
5. Sergeev Ye.YU. (2012) Bol'shaya igra, 1856-1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii [Big Game, 1856-1907: myths and realities of Russian-

British relations in Central and East Asia]. – М. – 454s. (In Russ.).

6. Khidoyatov G.A. (1969) Iz istorii anglo-russkikh otnosheniy v Sredney Azii v kontse XIX v. (60-70- ye gg.). [From the history of Anglo-Russian relations in Central Asia at the end of the XIX century. (60-70s)] T.1. – 456s. (In Russ.).

7. British and Foreign State Papers. Vol.69, (1877-1878). – L., 1885 (in Engl.).

8. British Parliamentary Papers. Central Asia. No. 2 (1881), C. 2802, L., 1881 (in Engl.).

9. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia 1810-1895. L., 1981. – 288 p. (in Engl.).

10. Precis of Communications between England and Russia on Afghan Question, 4 December 1878. – L., 1878 (in Engl.).

11. Robson B. The Road to Kabul: The Second Afghan War, 1878-1881. L., 1986. – 312p. (in Engl.).

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России (Россия, Москва), e-mail: d413839@yandex.ru

TSYBAKOV D.L., Doctor of Political Science, Professor of the Department of State and Municipal Administration Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Russian Federation, Moscow), e-mail: d413839@yandex.ru

ОРЛОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1768–1774 ГГ.: ОТ ДУНАЙСКИХ ПОХОДОВ ДО ПОДПИСАНИЯ МИРА В КЮЧУК-КАЙНАРДЖИ

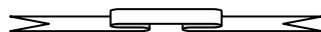
OREL INFANTRY REGIMENT IN THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1768-1774: FROM THE DANUBE CAMPAIGNS TO THE SIGNING OF THE PEACE IN KUCHUK-KAYNARDZHI

Аннотация. Цель статьи – изучить историю боевой службы Орловского пехотного полка первого формирования в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Автор анализирует ход военных кампаний в период 1773–1774 гг. Автором особое внимание уделяется тактике разведывательно-поисковых действий русских мушкетеров, гренадеров и егерей на дунайском театре борьбы с Османской империей. Приводятся конкретные примеры участия Орловского полка в штурме Нагорного редута в июне 1773 года и в речных десантных операциях в окрестностях крепости Силистрия осенью 1773 года. В результате делается вывод о предпосылках достижения Орловским пехотным полком статуса одной из наиболее боеспособных частей русской императорской армии.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1768–1774 гг., Кючук-Кайнарджийский мирный договор, Орловский пехотный полк, штурм Нагорного редута, осада Силистрии.

Abstract. The scientific article describes the history of the combat service of the Orel Infantry Regiment of the first formation in the Russian-Turkish war of 1768-1774. The author analyzes the course of military campaigns in the period 1773-1774, special attention is paid to the tactics of reconnaissance and search actions of Russian musketeers, grenadiers and chasseurs in the Danube theater of the struggle against the Ottoman Empire. Specific examples of the participation of the Orel regiment in the storming of the Nagorny Redoubt in June 1773 and in river landing operations in the vicinity of the Silistria fortress in the autumn of 1773 are given. The conclusion is made about the prerequisites for achieving the status of one of the most combat-ready units of the Russian Imperial Army by the Orel Infantry Regiment.

Keywords: The Russian-Turkish War of 1768-1774, the Kyuchuk-Kaynardzhi Peace Treaty, the Orel Infantry Regiment, the assault on the Nagorny redoubt, the siege of Silistria.

Введение

В период первой «екатерининской» войны России с Османской империей решающую роль в победе над турецкими войсками сыграли полки и отдельные батальоны русской пехоты, добывшие ратную славу при полевых сражениях и осадах и штурмах вражеских крепостей. Значи-

тельную их часть составляли формирования, еще недавно относимые к иррегулярным войскам. К середине XVIII века на всей южной степной границе Российская империя обладала многочисленными контингентами конных ополченцев-ландмилиционеров и различных казачьих сообществ. Большинство из них накануне нача-

ла русско-турецкой войны были преобразованы в регулярное воинство. Из 20 ландмилицких полков, комплектуемых ратниками-однодворцами центрально-черноземных уездов, было образовано 10 пеших, а затем и пехотных частей, именуемых по названиям городов Центральной России. После проявленной доблести в боях за турецкую твердыню Бендеры в 1770 году, бывшие ландмилицкие ополченцы были окончательно уравнены в правах с линейными пехотными полками. Среди них особого внимания заслуживают военные действия Орловского пехотного полка, который с самых первых кампаний против турок проявлял высокую выучку и массовый героизм.

После бендерского взятия весной 1771 года Орловский полк вместе с несколькими другими частями был переведен под командование П. Румянцева, хорошо знакомого с его офицерами и солдатами по довоенному времени и первым годам войны. В 1771 году задачей 1-й армии Румянцева, к тому времени закрепившейся на левом берегу Дуная, являлось прикрытие занятых Валахии и Молдавии, а также отвлечение внимания османов от Крыма, куда вторглась 2-я армия генерал-аншефа В. М. Долгорукова. В мае 1771 года в лагерь в Яссах прибыли из 2-й армии Старооскольский, Севский, Орловский пехотные, а также Днепровский и Елизаветградский пикинерные полки. В это время в Орловском полку, приписанному к 1-й дивизии, насчитывалось 985 солдат и офицеров пехоты, 33 артиллериста и 27 погонщиков тяглого скота. В последующем полк был включен в состав резервного корпуса армии Румянцева. Зимние квартиры ему были отведены между реками Рымником и Серетом. Сводный гренадерский батальон подполковника Потапова, включавший воинов Орловского и Козловского полков, расположился в Слободзее.

В этот период происходит карьерное выдвижение командира орловцев Викентия фон Рейзера. Уже в 1771 году он состоит в чине генерал-майора в корпусе Эссена, получив под свое

начало все пехотные полки этого соединения – Архангелогородский, Козловский, Орловский, Пермский, а также сводные егерский и гренадерский батальоны.

В кампанию 1772 года подразделения Орловского полка оказались разбросаны по обширной территории, будучи подчинены различным временным формированиям. Так, стрелковая команда полка вошла в состав егерского батальона подполковника Мещерского, состоявшего при правом крыле армии под началом генерал-поручика И. П. Салтыкова. Гренадерские роты, переданные в сводный батальон подполковника Потапова, как и весь Орловский полк, пребывали в резервном корпусе, которым в том году командовал генерал-поручик Эссен.

Широкомасштабных военных действий на протяжении двух лет на дунайском театре фактически не велось. Воюющие стороны, прервав заключенное в мае 1772 года перемирие, обменивались взаимными налетами небольших партий на противоположные берега.

Изгнание османских войск из Крыма 2-й армией позволило Румянцеву в кампанию 1773 года перехватить стратегическую инициативу. Начав с активных поисковых операций, к июню ему удалось успешно форсировать Дунай главными силами в районе Силистрии. Целью действий армии в 1773 году было получение плацдарма за Дунаем для организации наступления на Балканский полуостров. Главным опорным пунктом османов считалась крепость, а вернее укрепленный район, возведенный вблизи Силистрии. Город, некогда именуемый Доростолом, за 800 лет до этого был прославлен героической обороной князя Святослава Игоревича от войска Византийской империи. Именно в его окрестностях, вблизи стратегической переправы через реку у селения Гуробалы, в конце марта развернулась серия боев и стычек между русскими и турецкими войсками.

Орловский полк продолжал оставаться в резервном корпусе Г. Потемкина, исключая егерей, по-прежнему подчиненных батальону Мещер-

ского в войсках генерала Салтыкова. 21 марта 1773 года по приказанию Потемкина состоялся поиск во вражеском тылу русского отряда во главе с подполковником Ферзенем. Подчиненные ему незначительные силы гренадеров и запорожских казаков разделились на три группы. Одной из них в составе 100 человек командовал премьер-майор Орловского полка А. Н. Шипилов (Шепилов), другой – майор Волков, третьей, включавшей запорожцев полковника Дуплича, – сам Ферзен. Орловцы, выполняя самостоятельную задачу, участвовали в ночном бою за шанцы на берегу Дуная, вблизи деревни Еникюль, переправившись туда на запорожских лодках.

Русским противостояло более тысячи турок во главе с Мустафой-пашой, которые были застигнуты врасплох внезапным нападением и рассеяны по окрестностям. К утру все группы отряда Ферзена, отразив атаки подошедшей османской конницы, с минимальными потерями вернулись обратно, на русскую сторону Дуная, выведя с собой христианское население нескольких поселений. Алексей Шипилов (Шепилов) был отмечен корпусным командиром как один из отличившихся в бою у переправы [2, С. 585]. Вероятно, произведенное отличие, имевшее место фактически на виду и набиравшего влияние при дворе Г. Потемкина, послужило поводом для продвижения 42-х летнего Алексея Никитича Шипилова по службе. Свой ратный путь он начал много лет назад, впервые заслужив отличие в сражениях Семилетней войны с Пруссией 1756–1762 гг. Начиная с 1773 года согласно «Списку воинскому департаменту» А. Н. Шепилов состоял подполковником Архангелогородского пехотного полка [5, С. 282].

В июне имел место набег отряда полковника Уварова из корпуса Салтыкова на местечко Орсова. В подчинение Уварова входил и егерский батальон подполковника Мещерского, укомплектованный солдатами Орловского полка. Переправившись в три часа ночи через Дунай, отряд захватил вражеские батареи и речные суда, при приближении турецких подкреплений заклепав

трофейные орудия и подпалив город. Бой стоил русским 25 погибших при 91 раненом. У неприятеля насчитывалось около 200 убитыми.

При решающем наступлении на Силистрию в июне 1773 года корпус ставшего к тому времени генерал-поручиком Потемкина составил левое крыло русской группировки. Задачей Румянцева было очистить правый берег реки у местечка Гуробалы, что в 30 верстах от Силистрии. Основную роль в этом сыграли действия отряда генерал-майора Отто фон Вейсмана, уже находившегося на турецкой стороне реки. Накануне решающих событий командующий П.А. Румянецв лично провел разведку, переправился на лодке через Дунай, обнаружив непригодность переправы у Гирсова. Орловцы утром 7 июня в составе резервного корпуса на речных судах скрытно устремились через Дунай. Османы, стоявшие тремя отрядами вблизи Гуробал, не приняли боя с Вейсманом и спешно покинули позиции. 9-го числа началась беспрепятственная переправа армии П. Румянцева на правый берег Дуная. Таким образом, войска Потемкина выполнили весьма важную и ответственную задачу, осуществив форсирование крупнейшей водной преграды Европы в виду многочисленных неприятельских войск. Успеху операции способствовали решительные действия отряда генерал-майора О. Вейсмана, 7 июня фланговым маневром оттеснившего турок от береговых укреплений.

Пока основные силы переправлялись через Дунай, дивизии Ступишина и Потемкина 12 июня двинулись от Гуробал к Силистрии. Войска Потемкина шли во втором эшелоне по узкой долине, весьма уязвимой для вражеских атак. Перейдя по наведенным понтонам речку Галицу, русские оказались в виду неприятельского лагеря. Нападение турок было отражено авангардом Вейсмана и кавалеристами Потемкина, после чего армия 14 июня достигла окрестностей Силистрии. Крепость была сильно укреплена, в ее стенах и окрестностях насчитывали более 30 тысяч османских воинов.

Войска под начальством Потемкина составили левый фланг русской позиции, закрыв путь из селения Кючук-Кайнарджи в крепость. Первой целью наступления должны были стать господствующие высоты, окружающие цитадель. Именно здесь располагался Нагорный редут – ключевой передовой опорный пункт турок. Дивизии Потемкина отводилась трудная роль в предстоящем бою, войска готовились к лобовой атаке на мощное укрепление противника. Поддержать ее ударом во фланг и тыл неприятеля должен был отряд неумолимого Вейсмана, а также колонна под командой генерал-майора Игельстрома.

Утром 18 июня полки Потемкина разделились по четырем колоннам. Их возглавили: полковник Ярославского полка Лунин, полковник Орловского полка Языков, премьер-майор Фаминицына, подполковник Розенберг (резерв) [2, С. 644].

Пехота была оснащена шанцевым инструментом, фашинами и рогатками. По общему сигналу выпущенной ракетой на рассвете войска при поддержке артиллерии пошли на штурм, преодолевая крутые склоны и глубокие овраги. Атака не была неожиданной для турок. На самых подступах к редуту вражеским огнем был сражен командир ярославцев полковник Лунин. На смешавшихся русских ударили турецкие пехота и конница – войска 1-й и 2-й колонн откатились назад.

Однако, воспользовавшись отвлечением османского гарнизона Нагорного редута на контратаку, в его расположение с флангов ворвались кавалеристы полковника Клички из отряда Вейсмана, Кабардинский полк, а также часть третьей колонны премьер-майора Фаминицына. Остававшиеся здесь турки были перебиты, а 10 захваченных орудий были развернуты против неприятеля. Попав под огонь с тыла, турки одновременно навлекли на себя удар Рижского полка полковника Леонтьева. Командиры противника остановили бегущих, после чего османы несколько раз атаковали занятый

русскими редут, но понесли серьезные потери и бежали в крепость.

Пока главные события разворачивались возле Нагорного редута, в тылу армии Румянцева появился 7-тысячный отряд неприятельской конницы во главе с Черкес-пашой, налетевший на русский вагенбург. Главнокомандующему пришлось спешно организовывать контрудар всей русской кавалерией.

К исходу дня было получено известие о появлении вблизи Силистрии нового турецкого корпуса, по численности равного всей армии Румянцева. Ввиду очевидного превосходства противника и недостаточности сил для штурма крепости командующий принял решение об отходе. Потеряв за 19 июня до 300 человек, русские войска уничтожили вдвое больше турок и захватили 14 орудий. Потери Орловского полка, оказавшегося на самом опасном участке боя, достигли 48 воинов. По количеству выбывших из строя, он оказался третьим среди 23 полков и 4 отдельных батальонов, участвовавших в сражении, следуя за Харьковским гусарским (74 человека) и Ярославским пехотным (69 человек) полками [6, С.147].

19 июня разразился проливной дождь, полностью сковавший передвижение войск. Днем позже армия Румянцева прошла 6 верст к переправе через реку Галицу, отступая к Гуробалам. 22 июня возле селения Кючук-Кайнарджи ценой собственной жизни кавалер ордена Святого Георгия 2-го и 3-го классов генерал-майор О. Вейсман фон Виссенштейн добился победы над турками, пытавшимися пресечь движение русских.

Несмотря на полную победу, вызвавшую панику и отступление основных османских сил, созванный Румянцевым 24 июня военный совет постановил отступать за Дунай.

Неудача атаки Орловского и Ярославского полков на Нагорный редут носила частный характер. Воины этих частей честно выполнили свой долг, сражаясь на самом трудном участке. Свидетельством тому служат высокие потери

орловцев и ярославцев, оказавшихся на острие удара турецкой контратаки. В тот день имелись и иные примеры поведения русских частей, когда назначенная для обходного маневра колонна генерал-майора Игельстрома никак не проявила себя, ограничившись лишь демонстрацией в виду крепостных стен, потеряв при этом три артиллерийских орудия.

Практически одновременно егеря Орловского полка, состоявшие в сводном батальоне Мещерского, могли принимать участие в известном поиске на Туртукай, предпринятом под командованием генерал-майора Суворова 17 июня 1773 года.

Военные историки сходятся во мнении, что командующий 1-й армией весьма скептически относился к успеху похода за Дунай. Выиграв 18 июня первый бой за передовое укрепление, а затем, добившись благодаря доблести отряда генерал-майора Вейсмана полной победы под Кючук-Кайнарджи, Румянцев из-за малочисленности своих войск покинул дунайское правобережье. Исследователи в оценках весьма скромных итогов кампании 1773 года, помимо объективных условий, обращают внимание еще и на человеческий фактор. Так, в фундаментальном труде А. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами» неудача осады Силистрии летом 1773 года связывается с пассивной позицией корпуса генерал-поручика И. П. Салтыкова, который не смог предотвратить переброску турецких подкреплений для крепости с других участков театра военных действий [3, С. 62]. В свою очередь, современник событий генерал-поручик Ю. В. Долгоруков прямо связывал отражение русского наступления с действиями корпуса Г. А. Потемкина. Известный своей критической оценкой полководческих качеств всего русского генералитета, Долгоруков был особенно нелицеприятен по отношению к воинским талантам фаворита императрицы. Состояние дел в его соединении мемуарист описывает в следующих выражениях: «корпус его был до крайности расстроен», «...у Потем-

кина никогда ни в чем порядке не было, а граф Румянцев его весьма уважал по его связям у «Двора» [1, С. 481–517].

Командиром Орловского полка в сражении при Силистрии являлся полковник Николай Данилович Языков, родившийся в 1740 году. Принадлежит к известной дворянской фамилии, в 12 лет он был записан в солдаты. Совсем молодым человеком в чине сержанта Н. Д. Языков принял участие в Семилетней войне. В русско-турецкой войне он участвовал уже полковником, будучи в 1770–1772 гг. командирован на грузинский театр под Поти. Орловский полк Языков возглавил накануне похода за Дунай, командуя им до 1777 года, когда по получении звания генерал-майора ему достался высокий пост новороссийского генерал-губернатора.

Резервный корпус Потемкина в течение лета 1773 года должен был защищать нижнюю Валахию от устья р. Аржиса и Негоешт, пространство между р. Дембовица и Яломица и течение Дуная до постов главной армии. Наступившее временное затишье изредка прерывалось незначительными стычками и перестрелками с неприятелем на берегах и островах Дуная.

Очередным видным делом Орловского полка стало участие в новой операции против Силистрии, предпринятой по предписанию Румянцева в октябре 1773 года. Отряд Потемкина намеревался вновь форсировать Дунай у Гуробал и вести поиск на Туртукай. Одновременно намечалось установить вблизи Силистрии батарею осадных орудий для бомбардировки крепости. Местом ее дислокации стал остров Нечай (Кегай), где в ночь на 24 октября под общим командованием бригадира Павла Сергеевича Потемкина, троюродного брата Григория Потемкина, были расположены орудия и возведены траншеи. В них разместились два батальона пехоты прикрытия, из которых как минимум один принадлежал Орловскому полку. Отмеченный вывод следует из сведений о послужной карьере Н. Д. Языкова, согласно которым осенью 1773 года он находился с полком на острове

напротив Силистрии, обороняя осадную батарею от нападений османов [4, С. 41].

Уже утром 24 октября началась бомбардировка крепости, вызвавшая не только многочисленные пожары в Силистрии, но и вражеский десант на остров. Противник атаковал с двух направлений – на 150 речных лодках и 6 больших судах (кончебасах). Из половины из них высадили десант, который был немедленно уничтожен в яростной штыковой атаке русских воинов. Лишившись нескольких лодок и одного кончебаса, уцелевшие османы спешно ретировались в Силистрию. Русские потеряли 24 солдата погибшими, ранения получили 3 обер-офицера и 27 рядовых.

За дело при Кигае П.С. Потемкин был награжден орденом Святого Георгия 3-го класса. Для назначения командиром группировки на острове именно его, а не командира орловцев Н. Д. Языкова имелись объективные причины. Кроме того, что П. С. Потемкин служил под началом своего троюродного брата, бывшего его корпусным командиром, он всю войну находился на глазах П. А. Румянцева и показал себя отличным офицером. Ещё за сражение при Кагуле 1770 года, за три года до описываемых событий, Павел Потемкин получил свою первую высшую награду – орден Святого Георгия 4-го класса, когда до возвышения его троюродного брата Григория Потемкина было еще очень далеко. Н. Языков начал войну на кавказском театре, прибыв в 1-ю армию незадолго до боев за Силистрию. После войны он занимался государственным администрированием, тогда как П. С. Потемкин всю жизнь не выходил из сражений – командовал колоннами при штурмах Измаила и Варшавы, боролся с мятежом шейха Мансура на Кавказе.

Бомбардировка весьма успешно продолжалась несколько суток, несмотря на наличие у осаждающих только одной тяжелой осадной мортиры. Через продолжительное время Г. Потемкину удалось вытребовать еще два таких же мощных орудия. Силы турок в крепости

оказались скованы, что позволило другим русским отрядам провести операции против Варны и Шумлы. Тогда же корпус генерала Глебова переправился через реку у Гуробал и вновь создал опасность для Силистрии.

Серьезных результатов операции русских войск осенью 1773 года за Дунаем не принесли, ввиду чего в начале ноября Румянцев вновь вывел их на левый берег. Орловский полк продолжал прикрывать батарею на Нечае, которая безостановочно громила силистрийские укрепления. Только после перехода на русскую сторону реки всех отрядов армии Румянцева, гарнизон острова, будучи не замечен неприятелем, без потерь на лодках покинул свои укрепления. Зимние квартиры корпусу генерал-поручика Потемкина вновь достались в Валахии со штаб-квартирой в Фокшанах.

В кампанию последнего года войны Орловский полк был включен во 2-ю дивизию, которую некоторое время, до прибытия командира – генерал-поручика Репнина, возглавлял генерал-майор А. В. Суворов. Сбор войск состоялся в Слободзее. В начале года прошли мирные русско-турецкие переговоры, не приведшие к значительным результатам. В мае 2-я дивизия Репнина находилась у Яломицы, готовясь к действиям против Силистрии или Гирсова. Замысел Румянцева состоял в последовательном окружении и блокаде всех основных опорных пунктов турок за Дунаем – Шумлы, Варны и Силистрии. Для действий против последней предназначалась главная армия, где находились и пехотинцы Орловского полка. Свои весьма скромные силы Румянцев распределил на три корпуса генерал-поручиков Глебова, Долгорукова и Репнина, в каждом из которых, не считая кавалерии и казаков, было по два пехотных полка, а в первом дополнительно четыре пехотных батальона.

14 июня основные силы перешли Дунай и знакомых Гуробал, пройдя 4 версты до селения Кольнея. Здесь сутки Румянцев безуспешно ожидал выхода неприятеля из крепости, намереваясь дать ему генеральное сражение. Затем

вперед были высланы корпус Долгорукова и флотилия запорожцев на речных судах, оттеснившие турок от брода через реку Галица и наведшие через нее переправу. 19 июня основные силы Румянцева подошли к деревне Куюжун, оказавшись в 11 верстах от своего авангарда. На следующий день русские незаметно для противника обошли озеро Галица и корпусом Глебова заняли господствующие над ним высоты. К 26 июня все окрестности Силистрии были блокированы русскими войсками. 150-тысячная группировка турок оказалась отрезана от линий снабжения 50 тысячами русских воинов. Такая же участь постигла и другие главные турецкие крепости, ввиду чего неприятель в начале июля запросил мирных переговоров. 3 июля Румянцев с двумя пехотными полками и несколькими эскадронами кавалерии прибыл к селению Кючук-Кайнарджи для встречи с уполномоченными турецкой стороны. Заключенный спустя неделю мир закрепил победы русского оружия в первой «екатерининской» войне с Османской империей.

Русско-турецкая война 1768–1774 гг. сыграла решающую роль в судьбе Орловского пехотного полка. Вступив в нее необстрелянным и не имеющим боевого опыта, по окончании войны он представлял собой стойкий и сплоченный воинский коллектив, познавший триумф побед над неприятелем. Большое значение для этого имели меры по преобразованию ландмилицких полков из конных в пешие, а затем в пехотные, сопровождавшиеся интенсивным обучением войск в полевом лагере под Полтавой накануне войны. Оправданным шагом было пополнение частей Украинской дивизии тремя сотнями обученных мушкетеров и гренадеров из полков регулярной армии. Профессиональный подход русского командования к подготовке вооруженных сил позволил в полной мере раскрыться военным талантам потомков однодворцев, составлявших рядовой состав бывшей ландмилиции.

За шесть лет военных кампаний Орловский полк прошел тысячи верст по причерноморским

степям и придунайским долинам. Встретив войну на днепровском левобережье, орловцы закончили ее на берегах Дуная, трижды форсировав его в 1773–1774 гг. в период блокады Силистрии. На долю орловцев выпали многодневные марши, осадные и фортификационные работы, разведка и поиски против турецких позиций на дунайском театре, штурмовые атаки на Бендерскую крепость и Нагорный редут Силистрии, отражение вражеского десанта на острове Нечай. Победоносная Русско-турецкая война принесла боевое крещение Орловскому пехотному полку, закалив воинов и укрепив их ратный дух и стремление к новым победам.

Библиография:

1. Долгоруков Ю.В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. 1740–1830 / Сообщ. В. Безносов // Русская старина. – 1889. – Т. 63. – №9. – С. 481-517.
2. Румянцев П.А. Документы. Т. 2. – М: Военное издательство МО СССР. – 1953. – 864 с.
3. Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1768 по 1774 г. Т. 4. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова и В.А. Полетики. – 1874.– 418 с.
4. Российский биографический словарь. Том 25. – СПб.: Тип. Главного управления уделов. – 1913. – 495 с.
5. Список воинскому Департаменту, и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам. – СПб: При Государственной военной коллегии. – 1776 (1861). – 308с.
6. Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Т. 1. 1695–1800 гг. – СПб.: Лито-типография С.-Петербургской тюрьмы. – 1908. – 273 с.

References:

1. Dolgorukov Yu.V. (1889) Zapiski knyazya YUriya Vladimirovicha Dolgorukova. 1740 – 1830 [Notes of Prince Yuri Vladimirovich Dolgorukov] / Soobshch. V. Beznosov // Russkaya starina. – T. 63. – № 9. – S. 481-517. (In Russ.).

2. Rumyansev P.A. (1953) Dokumenty [Documentation]. T.2. – M: Voennoe izdatel'stvo MO SSSR. – 864s. (In Russ.).

3. Petrov A. (1874) Vojna Rossii s Turciej i pol'skimi konfederatami s 1768 po 1774 g. [The war of Russia with Turkey and the Polish confederates from 1768 to 1774]. T.4. – SPb.: Tip. K.V.Trubnikova i V.A.Poletiki. – 418s. (In Russ.).

4. Rossijskij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary]. Tom 25. – SPb.: Tip. Glavnogo upravleniya udelov. – 1913. – 495s. (In Russ.).

5. Spisok voinskomu Departamentu, i nahodyashchimsya v shtate pri vojske, v polkah, gvardii, v artillerii i pri drugih dolzhnostyah generalitetu, shefam i shtab-oficeram [List to the military department, and those in the state with the army, in the regiments, guards, in the artillery and in other positions to the generals, chiefs and staff officers]. – SPb.: Pri Gosudarstvennoj Voennoj kollegii. – 1776. (1861). – 308s. (In Russ.).

6. Hronologicheskij ukazatel' voennyh dejstvij russkoj armii i flota [Chronological index of military actions of the Russian army and navy]. T1. 1695-1800 g.g. – SPb.: Lito-Tipografiya S.-Peterburgskoj tyur'my. – 1908. – 273s. (In Russ.).

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: IsaevLesha@yandex.ru

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, старший научный сотрудник, кандидат политических наук, доцент, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru

ISAEV A.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail.ru: IsaevLesha@yandex.ru

MATVIENKO V.A., Senior Researcher, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail.ru: vamatv@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: РЕТРООЦЕНКИ ЭМПИРИИ ПРОШЛОГО

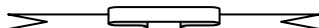
RELIGIOUS CHARITY IN THE RUSSIAN STATE: RETRO-ASSESSMENTS OF THE EMPIRICAL PAST

Аннотация. Целью предпринятого в рамках данной статьи научного мониторинга является представление наиболее обширной картины взаимодействия органов государственной власти и традиционных религиозных конфессий в осуществлении ими социальной помощи нуждающимся слоям населения. Ретроспектива существовавших в прошлом устоявшихся реалий социальной сферы позволила авторам этой работы проследить их влияние на существенные характеристики и формы благотворительной деятельности религиозных организаций в пространстве провинциальных регионов России второй половины XIX – начала XX века. Проведенная рекогносцировка намеченного круга вопросов позволила констатировать факты наличия эксклюзивной эмпирии у каждой традиционной российской религиозной конфессии, а также определенную обусловленность религиозной благотворительности характером общественных отношений, ролью государства в социальной сфере, связью с генезисом духовности.

Ключевые слова: религия, российское государство, религиозная благотворительность, религиозные организации, социальная помощь, социальная политика.

Abstract. The aim of the scientific monitoring undertaken within the framework of this article is to present the most comprehensive picture of the interaction between the state organs and traditional religious confessions in implementation of social assistance by them to the needy layers of the population. A retrospective of the established realities of the social sphere existed in the past allowed the authors of this work to trace their influence on the essential characteristics and forms of religious organizations' charity activities in the space of provincial regions of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries. The conducted reconnaissance of the planned range of issues made it possible to state the facts of an exclusive empyria existence for every traditional Russian religious confession, as well as a certain dependence of the religious charity on the character of public relations, on the role of the state in the social sphere, and the connection with spirituality genesis.

Keywords: religion, the Russian state, religious charity, religious organizations, social assistance, social policy.

Успешность в развитии любого современного государства напрямую зависит от воздействующей на него совокупности внутренних и внешних факторов, но и строится на ценностях, берущих свое начало в его историческом прошлом, коими выступают, прежде всего, идеи справедливости, взаимопомощи, милосердия, любви к ближнему. Постоянное обновление состава акторов политической жизни общества (государственных и негосударственных некоммерческих объединений, религиозных организаций, общественных и экспертных советов и т.п.) в исторической ретроспективе повлияло в целом на эволюцию системы взаимодействия государства и религии по реализации отдельных направлений социальной политики в пределах, обозначенных уже на современном этапе компетенций.

Трансформационные процессы, затронувшие практически все сферы жизни российского государства, актуализируют необходимость исследования в динамике ситуации, когда религия в лице ее организационных структур была возвращена в число социальных институтов и, наряду с органами государственной власти, стала определять стратегии социальной политики, а также основные направления для ее реализации как на федеральном, так и на региональном уровнях. В этом отношении определенный научный интерес представляют исследования благотворительности как наиболее яркого проявления общественной жизни практически всех этапов исторического развития любого современного государства. В рамках данной статьи основной акцент направлен на изучение религиозной благотворительности в ее соотношении с деятельностью государства в этой сфере социальной политики.

Хронологические рамки исследуемой научной темы ограничены периодом второй половины XIX – начала XX века, хотя в отдельных исключительных случаях имеет место выход за них.

Именно обращение к проблемам религиоз-

ной благотворительности и социальной помощи в контексте социальной истории российского государства позволяет не только наиболее объективно оценить деятельность государства и отдельных личностей в этом направлении, но и выявить глубинные причины, повлиявшие на степень и формы участия религии в качестве социального института уже в настоящее время, ее роль в формировании актуальной стратегии социальной политики современного российского государства.

Эмпирическая база исследования достаточно обширна и представлена научной литературой и различными категориями источников (законодательные и нормативные акты, мемуары, публикации центральных и региональных СМИ, материалы благотворительных и религиозных организаций и ряд других), исследование которых позволило не только составить наиболее полное, на наш взгляд, представление о религиозной благотворительности как таковой, но и дать развернутую характеристику отдельным направлениям совместной деятельности государства и религиозных организаций (Русской Православной церкви) в решении социальных проблем, а также выявить причины, побуждающие, государственный сектор в отдельных случаях делегировать ответственность в социальной сфере именно религии.

Взгляд на благотворительность в целом, и на религиозную благотворительность в частности как на сложившуюся социальную реальность в России имеет длительную историю и давние традиции. Сострадание и любовь к ближнему, милосердие, чуткое отношение к нуждающимся в помощи стали неотъемлемой частью характера русского народа, его национального менталитета. В процессе эволюции российского государства радикально менялась благотворительность, в том числе религиозная, а также государственная политика по отношению к этому общественному явлению. Постоянной трансформации подвергались це-

ли, задачи, мотивы, субъекты и направления благотворительной деятельности. Поэтому вполне оправдан наш интерес к исследованию всей совокупности факторов, влияющих на уровни развития государственных и социальных институтов, сословные представления о благотворительности, задачи и традиции благотворения на разных этапах развития страны.

Первые попытки научного анализа российской благотворительности как самостоятельного явления, направленного на социальную помощь неимущим, были предприняты в первой половине XIX века. Эта тема быстро стала популярной в научных кругах рубежа XIX – XX вв. К отечественным исследованиям благотворительности и различных форм её проявления в рассматриваемом периоде следует отнести труды А. Д. Стог, Н. П. Волкова, П. И. Георгиевского, Е. Д. Максимова, А. В. Скотч и многих других. Так, Б. Ш. Нувахов в своих работах исследует историю появления благотворительности и милосердия в медицине [7, С. 52–53]. Работы Я. Н. Щапова привлекают внимание на необходимость многоуровневого анализа истории благотворительности именно во взаимосвязи значимости ее идей для духовной культуры российского государства [11].

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия проблема детального изучения роли благотворительности в истории российского государства привлекает внимание представителей различных областей научного знания: историков, философов, психологов, социологов, политологов. В это время было защищено несколько десятков кандидатских и докторских диссертаций, целью исследования в которых стали вопросы формирования и развития традиций отечественной благотворительности и опыта.

Проведенный в рамках данной статьи институциональный, ситуационный и системный анализ позволяет представить всю сложность и многомерность затронутой проблемы, выделив несколько основных направлений для ее решения.

Первое, в большинстве своём, теоретическое направление представлено работами, посвященными различным теоретическим аспектам религиозной благотворительности на общегосударственном уровне в России, а также отдельным вопросам, связанным с исследованием отечественных благотворителей прошлого. В этом контексте следует выделить работы К. Б. Ерофеева (вопросы истории православной церковной благотворительности в России, ее богословского обоснования), Т. Ю. Носковой (ретроспектива социального служения церкви и церковной благотворительности), Т. Б. Кононовой (история развития благотворительности в новых социально-экономических условиях в конце XX века), С. Г. Зубановой (исследование вопросов отделения государства от церкви в советский период, а также оценка политики оттепели в период Великой Отечественной войны), А. В. Штепа (историографический обзор социального служения Русской Православной церкви во второй половине XIX – начале XX века в современных исторических исследованиях) и многих других. Несмотря на определенную дискуссионность, большинство исследователей констатируют многообразие теоретических определений и положений, касающихся религиозной благотворительности. Религиозная благотворительность в истории российского государства – это: «...деятельность как традиция христианского милосердия, форма христианской проповеди» [10], «...проявление сострадания к ближнему, нравственная обязанность имущего спешить на помощь нуждающимся» [12], ещё её можно назвать «...сознательной деятельностью граждан, не понуждаемых к этому государством, ...способствующей преодолению разобщенности разных слоев общества...» [9, С. 77–82].

Второе, преимущественно практическое направление исследований обозначенной в рамках данной статьи научной проблемы более дифференцированно и включает в себе разноплановые публикации, анализирующие

накопленный практический опыт государства и религиозных конфессий по реализации отдельных направлений социальной политики в истории российских регионов, изучающие формы сотрудничества, направления совместной работы, механизмы реализации отдельных совместных проектов, полномочия благотворительных обществ и организаций и т.п. К числу работ, в которых отражены конфессиональные аспекты благотворительности, относятся труды С. Г. Зубановой, И. И. Степанова, Н. Д. Патюлиной, Н. П. Рузановой (теоретические основы, исторические факты, конкретные формы и методы социального служения РПЦ в прошлом и на современном этапе), М. И. Надеевой (морально-этические нормы и традиции благотворительности в исламе), Т. К. Никольской (социальное служение русских протестантов) и многих других.

В своей совместной работе Ю. А. Гаврилова, Е. Н. Кофановой, М. П. Мчедлова, А. Г. Шевченко приходят к выводу, что «...во всех конфессиональных группах первенство отдается духовно-нравственному воспитанию и работе в сфере милосердия и благотворительности...» [2, С. 46–55].

Исследователь Л. Л. Махно, размышляя о ходе становления теоретических принципов и практических моделей социальной деятельности РПЦ, выделяет несколько важных существенных черт, среди которых наличие длительного и плавного перехода от простой описательности благотворительности отдельных церковных персоналий к сложной системности, состоящей в «тесной координации работы современных церковных институтов с основными направлениями российской социальной политики» [6, С. 69–79].

Анализом содержания и форм деятельности и опытом сотрудничества в социальной сфере различных государственных, общественных и религиозных структур, организаций и обществ на разных этапах развития России занимались О. А. Матюхина, И. А. Кеня, Н. В. Федорова,

Д. С. Ресянский, К. А. Левчук, Я. В. Сунцева, В. А. Тимченко и многие другие авторы. Так, в совместной работе Р. М. Валиевой и С. А. Яминовой анализируются отдельные исторические аспекты развития благотворительной деятельности татарского купечества, исповедующего ислам, во второй половине XIX – начале XX века, активно занимающегося в этот период широкой благотворительностью [1, С. 189–199].

И, наконец, еще одна группа работ, особенно интересная в контексте нашей статьи, посвящена осмыслению места и роли религиозной благотворительности в истории российской провинции и представлена такими авторами, как Т. А. Добычина (религиозная благотворительность XIX – XX вв. во Владимирской и Костромской губерниях), Е. Д. Королева (эволюция форм церковно-общественной жизни в Оренбургской губернии), С. О. Колоухин (взаимодействие духовной и светской властей в социальной сфере в предреволюционной Московской епархии), Д. А. Ивочкин (православная благотворительность в Смоленской губернии), О. В. Фирсова (благотворительная деятельность немецких евангелическо-лютеранских церквей в Санкт-Петербурге в XVIII – начале XX века), К. К. Афанесян (благотворительность на Ставрополье в 1802–1917 гг.), Н. Н. Кайдышева (благотворительная деятельность в Пермской губернии в годы Первой мировой войны), О. И. Анучин (благотворительность в культуре Среднего Поволжья) и других.

Характеризуя развитие системы благотворительности и социальной помощи в Северной Осетии в 90-е гг. XX – первом десятилетии XXI века, авторы А. А. Магометов и Р. Э. Кесаева, изучив в числе прочего и особенности аланской духовности, распространение христианских догм, приходят к мысли, что «...нравственные нормы в отношении обездоленных и бедствующих, присущи не только христианству, но и имевшему место в Алании исламу...» [5, С. 38].

Таким образом, предпринятый разбор имеющихся достижений по обозначенной теме позволяет считать установленными ряд важных фактов, оказывающих воздействие на содержательную сторону нашего исследования:

- во-первых, заметный вклад в дело социальной помощи нуждающемуся населению России внесли не только крупнейшие конфессии, но и носители множества иных более мелких религиозных верований народов ее населяющих, занимающихся социально значимой деятельностью в посильном для них формате;

- во-вторых, имеющая глубокие корни в истории отечественной государственности, религиозная благотворительность, приобретшая в силу происходивших социально-экономических и политических процессов большой размах, проявилась в различных видах и трактовках, направленных на реализацию гражданского долга, обязанность одних помогать другим;

- в-третьих, наблюдается определенная востребованность научных трудов, акцентирующих внимание на анализе существующих в прошлом нашей страны институциональных форм взаимодействия государства и религиозных конфессий, направленных на поддержание его социального благополучия;

- в-четвертых, имеются некоторые моменты, нуждающиеся в дальнейшей детальной рекогносцировке, в частности подготовка методологического функционала, требующегося для изучения социальных отношений с учетом места и роли в них религиозной благотворительности как одного из важнейших рычагов решения социальных проблем и имеющей значительный воспитательно-образовательный потенциал и практический смысл для современников.

Традиции отечественной религиозной благотворительности – это не новое или инородное явление для нашей российской государственности. Напротив, они возникли с тех пор, когда эта государственность, собственно говоря, возникла, в последующем институциональ-

но оформившись, приобрета централизованные формы.

Социальная политика, претворявшаяся в жизнь ведущими общественными институтами – государством и религиозными организациями, взаимодействие между которыми постоянно эволюционировало в соответствии с разными периодами истории, формировалась, приобретая соответствующее конкретной эпохе содержание, но основой этих взаимоотношений, безусловно, являлась благотворительная деятельность. Анализ множества внешних и внутренних факторов развития Российского государства на протяжении его тысячелетней истории развития позволяет выделить четыре основных периода, в рамках которых целесообразно исследовать различные формы благотворительной деятельности, направленной на помощь нуждающимся слоям населения как со стороны государства, так и, собственно, со стороны «...проявление сострадания к ближнему, нравственная обязанность имущего спешить на помощь нуждающимся» [12]. традиционных религиозных конфессий.

Причем, если первый, самый длительный по времени исторический период (XI – XVI вв.) характеризуется борьбой за верховенство в общественно-политической жизни страны светской и духовной властей, то второй (XVIII – XIX вв.) – это время укрепления центральной государственной власти и подчинение ей духовной сферы. К этим двум периодам относят: первые попытки религиозной благотворительности и складывание основ социальной политики российского государства (благотворительность не была никем организована и так не называлась), формирование системы государственной благотворительности и передача религиозным организациям некоторых социальных функций.

Пожалуй, самый сложный, третий период (1917–1991 гг.) является переломным этапом, отделяющим церковь от государства, ограничивающим вмешательство религиозного фак-

тора в социальную сферу.

Последний, четвертый период (2000-е гг. – наши дни) связан с возрождением духовности, усилением влияния религиозных ценностей и морального авторитета в современном российском обществе, налаживанием диалога между государством и религией. Именно в этот период традиционные религиозные конфессии получили возможность заниматься благотворительной и миссионерской деятельностью, расширили сферы взаимодействия с гражданским обществом и государством. Постепенно российское общество пришло к осознанию того факта, что только взаимоуважение, терпимость и доверие между представителями разных религиозных верований и мировоззренческих позиций, забота о других людях, способны обеспечить успешную реализацию гуманистического принципа социальной политики в интересах не только всего общества, но и каждого отдельного человека.

Собственный уникальный опыт занятия благотворительностью как совместно с государством и общественными структурами, так и независимо от них с течением времени сформировался у российского буддизма, православия, протестантизма, ислама и других верований.

Конфессиональная инициализация к буддизму среди населения многих стран мира вполне объяснима и опосредована множеством внешне привлекательных моментов: в первую очередь одно из центральных мест в этой мировой религии занимают идеи человеколюбия, милосердия, благотворительности; во-вторых, он призывает к сострадательному отношению к бедным, больным и страждущим; в-третьих, для буддизма свойственно деликатное отношение ко всем живым существам, к их страданиям в цепи перерождений, где они оказались вследствие их же поступков и действий при жизни. Кроме того, социальное служение в буддизме не понимается как служение Богу, а само служение рассматривается как учение о

даре/даянии и служении образцового буддийского правителя. Пожалуй, одной из главных отличительных черт данной религиозной доктрины является требование от своих приверженцев к участию в активной практической благотворительной деятельности. Деятельность должна строиться на основании знаний и накопленного опыта, который буддисты стараются применять в благотворительной деятельности, и что, в свою очередь, позволяет им быстро и эффективно воздействовать на окружающую социокультурную среду, взаимодействуя с ней и оказывая помощь каждому из нуждающихся.

В центре христианского взгляда на благотворительную деятельность и социальное служение находится обретение или хотя бы приближение к идеалу социального строя, при котором человек ориентирован на выполнение воли Бога и христианский образ жизни.

В основу благотворительной деятельности православия преимущественно положен принцип добролюбия, трактуемый верующими как проявление христианской любви, наиболее оптимальным выражением которого являются благие дела и поддержка всех нуждающихся в материальном или духовном плане. Возникнув как религия, православие сразу же с самого начала стало интегрированным духовным центром, оказавшим огромное воздействие не только на процесс складывания и последующего развития российской государственности, но также повлияло на поддержание и сохранение нравственного здоровья его народа.

Социальная помощь в католицизме зиждется на строгом соблюдении четырех важных принципов «дел милосердия», которые определяются как вызванные и направляемые любовью деяния, выражающиеся в помощи ближнему в его борьбе с телесными и духовными лишениями, а сами эти принципы включают в себя защиту достоинства человеческой личности, общего блага, солидарность, субсидиарность. В качестве универсального рецепта

для преодоления многих насущных проблем всем нуждающимся предлагается четко следовать и воплощать в жизнь социальное и этическое учение католицизма, признавая приоритет личности над вещью, а духа над материей.

Протестантское учение о социальной помощи смещает акценты своего интереса с формальных поверхностных форм выражения благотворительной деятельности на ее внутреннее содержание, которое смысл милосердия и заботы о ближнем находит в собственном очищении и опоре на заложенные в нем Богом таланты, используемые индивидом на благо людей.

Взгляды мусульман на социальное служение во многом схожи с христианскими. Но вместе с тем, уравнивательный принцип раннего ислама, напрямую скалькированный с заката (один из пяти столпов), формируют у правоверного мусульманина собственный взгляд на благотворительность и милосердие как главный смысл его жизни, априори направленные на возвращение нравственно совершенной личности: доброй, милосердной, справедливой, умеющей помогать и сострадать.

В исторической ретроспективе практически все религии социально направлены, сосредоточены не только на глобальных проблемах, но и на актуальных вопросах земной, повседневной жизни человека. Непосредственно социальный потенциал благотворительной деятельности религиозных организаций, прежде всего, всегда был нацелен на оказание помощи проблемным группам населения, на улучшение их духовного и физического здоровья.

Наличие немногочисленных научных работ, посвященных осмыслению истории интеграции содержательных форм благотворительной деятельности традиционных для России религий в социальную политику отдельного ее региона в их сравнительном сопоставлении, актуализирует наше обращение к этой проблеме в достаточно ограниченных рамках этой работы.

Религиозная благотворительность в провинциальных регионах России в динамике ее

государственности имеет общие для них тенденции, сформированные под воздействием конкретных политических, экономических, социальных и культурных условий развития того или иного региона.

Исследование благотворительности в общем и религиозной благотворительности, в частности, особенно в региональной плоскости, на наш взгляд, имеет важное значение, так как способствует, во-первых, определению размера и форм благотворительной деятельности в масштабах страны в исторической ретроспективе; во-вторых, способствует выявлению уникальных экономических и социальных черт отдельного региона, влияющих на создание демографического, религиозного, национального портрета российского государства. Тем более, что региональный аспект в научных исследованиях благотворительности представлен в недостаточной степени полно, что, в свою очередь, не позволяет сформировать концепцию развития религиозной благотворительности в региональном пространстве российского государства.

Непосредственно к началу XX века как в столице, так и в отдельных регионах страны наряду с распространением в них вполне традиционных видов благотворительных организаций, например, обществ, ориентированных на общую благотворительность и оказание помощи определенным слоям населения (женщинам, инвалидам, детям, бедным или бездомным и т.п.), появляются благотворительные организации, созданные по сословному, национальному или религиозному признаку. Таким образом, именно на данном этапе социально-экономического и политического развития страны начинает формироваться уникальная система взаимодействия государства и религиозных организаций, направленная на реализацию конкретных акций и мероприятий в рамках социальной помощи всем нуждающимся в этом.

Первым важным моментом складываю-

щейся конфигурации сотрудничества нового типа является благотворительная деятельность монастырей, монастырских подворий и духовных миссий провинциальных регионов российского государства на всем протяжении его существования. Примечательно, что уже в первой четверти XVIII века законы государства делегировали монастырям благотворительную функцию, которая с этого времени становилась их официальной обязанностью, несмотря на имеющиеся очевидные трудности по её практическому осуществлению монахами.

Со второй половины XVIII века за счет монастырей российское государство акцентировало внимание на решении проблемы отсутствия в стране общественных заведений, занимающихся благотворительностью, организуя при них больницы, госпитали, богадельни и прочие подобные учреждения. Первыми действенными шагами по претворению в реальную жизнь попыток создания институциональной структуры религиозной благотворительности на данном этапе стало, к примеру, создание больниц на пять человек в первоклассных мужских монастырях или богаделен на 25 (III класс), 30 (II класс), 50 (I класс) человек при архиерейских домах для граждан, не принадлежащих ни к одному сословию «увечных и пропитания не имеющих». Финансирование данных преобразований осуществлялось на средства коллегии экономии, частных лиц и благотворительных обществ. Но, несмотря на предпринятые усилия, особых успехов на поприще благотворительности, за редким исключением, монастыри в этот период времени не достигли. Об этом свидетельствует волна критики в их сторону в российских средствах массовой информации 60–70 гг. XIX века. Ситуация в лучшую сторону коренным образом меняется в конце этого же века, когда на волне социально-экономического подъема всей страны произошло духовное возрождение монастырей, которые прилагают значительные усилия для оказания всесторонней помощи обез-

доленным и нуждающимся слоям населения. Так, если к 1887 году монастыри окормляли 66 богаделен и 84 больницы, то уже через шесть лет на 742 мужских и женских монастыря приходится 84 богадельни и 134 больницы на 1593 человека. Наибольшее количество данных медицинских учреждений приходилось на женские монастыри, которые их и финансировали. При этом, работавшие в них врачи параллельно трудились в государственных или земских больницах.

Религиозная благотворительность российских монастырей имела самые разные формы и видоизменялась в ответ на обострение злободневных проблем, стоящих на повестке дня. К примеру, в 1872 году в Москве начала функционировать Покровская община сестер милосердия для борьбы с эпидемиями тифа и холеры. Сестры этой общины и ряда других монастырей (Костромской Богоявленский женский монастырь) были командированы в зараженные регионы, постоянно дежурили в больницах, домах и холерных бараках.

С середины XIX века в России развивается совершенно новая форма религиозной благотворительности – сестринское милосердие, которое представляло собой синтез идей патристического служения православия в сложных условиях предвоенного и военного времени. При этом, подобные общины не требовали пострига в монахини. Однако, часть структурных элементов их внутреннего устройства (совместная молитва, еда, проживание, жесткая дисциплина, забота о ближних) были почерпнуты из монастырского уклада, а сами сестры милосердия давали присягу служения ближнему, напоминающую монашеские обеты. С течением времени, по всей стране возникло приблизительно два десятка общин сестер милосердия (Троицкая, Крестовоздвиженская, Покровская, Тифлисская, Екатерининская, Иоанно-Ильинская, Владычне-Покровская и другие). Во время войн, в которых участвовала Россия во второй половине XIX – начале XX века,

сестры общин милосердия ухаживали за ранеными, помогали при операциях, утешали умирающих, осуществляли «духовно-нравственное лечение» в военно-лечебных заведениях на фронтах. Причем конкретные примеры деятельности этих общин свидетельствуют об их тесной связи с православной идеологией и всесторонней поддержке не только со стороны представительниц высших слоев общества, но и церковных иерархов.

Ещё одним принципиально важным аспектом предпринятого исследования является детальный анализ наиболее примечательных моментов генезиса благотворительной деятельности религиозных организаций на территории Владимирской, Костромской, Орловской, Смоленской, Пермской губерний и многих других в обозначенный период времени. Если внимательно присмотреться к сохранившемуся на протяжении XIX – начала XX века влиянию традиционных конфессий на благотворительность на уровне провинциальных регионов, то можно отметить следующее: оно чаще касалось не какой-то конкретной церкви (главным образом Русской Православной церкви), а в целом религии вообще.

Обратимся теперь к рассмотрению конкретных ситуаций участия религиозных организаций в осуществлении социальной помощи в пространстве отдельных регионов (губерний).

Во Владимирской, Костромской, Ярославской губерниях в указанный период времени в основном развивались две формы благотворительной деятельности: меценатская и частная благотворительность, на которые значительное влияние оказал религиозный фактор. Местные купцы, предприниматели в своем желании оказывать помощь нуждающимся категориям граждан в качестве нравственного ориентира избирали не только этические принципы и систему ценностей православия, активно спонсируя строительство общественно полезных зданий (приютов, больниц, ночлежек,

богаделен, храмов), но и по-прежнему испытывали на себе сильное воздействие старообрядческой системы ценностей. Общей чертой, объединявшей как проправославно настроенных, так и придерживающихся старообрядчества меценатов, стало то, что «выделяя значительные денежные средства на развитие социальной сферы», они не афишировали свою благотворительную деятельность, не считали возможным ее использование в качестве дополнительного ресурса для «получения прибыли или способа саморекламы» [8, С. 112–118].

В Оренбургской губернии попытка преобразования сферы религиозной благотворительности «сверху» наиболее полно проявила имеющиеся проблемы в организации системы социальной помощи в отдельно взятом регионе. Примером искусственно созданной государством формы религиозной благотворительности явилась деятельность благотворительных обществ, получивших наименование церковно-приходских попечительств, представляющих собой один из образцов участия Русской Православной церкви в реализации отдельных проявлений социальной помощи нуждающимся посредством проектов развития «внутренней активности общества» в рамках «государственной церковности». «Положение о попечительствах» выступило в качестве основы для принятой в последствии резолюции Оренбургского епископа Макария, главным предназначением которой стал сбор информации от благочинных о структуре существующих в них попечительств, о направлениях их духовной помощи нуждающимся, о имеющихся у них средствах, на которые они могут рассчитывать, а также о препятствиях к созданию попечительств. Вполне понятен тот факт, что «одной из главных причин непопулярности попечительств среди населения губернии корреспондент «Оренбургских епархиальных ведомостей» видел в неблагоприятных условиях, в которые было поставлено приходское духо-

венство реформаторской деятельностью 60-х гг. XIX века» [4, С. 31–40].

Одной из форм религиозной благотворительности в Смоленской губернии в порубежный период стало духовное окормление Русской Православной церковью обездоленных, сирот и инвалидов. С этой целью при храмах создавались богадельни, финансирование которых осуществлялось за счёт средств прихожан, добровольных пожертвований, отчислений, выделяемых церковными старостами. Количество приходских богаделен в Смоленской епархии к середине XIX века было сравнительно невелико, и располагались они в основном в уездных городах, в самом Смоленске и г. Поречье. Общее количество церковных богаделен к 1904 году достигло 48 в городах и селах губернии [3, С. 2899–2908]. Особенность географического положения Смоленской губернии на карте российского государства того времени предопределила возникновение здесь римско-католического общества пособия бедным, главной целью существования которого стало радение о материальном и нравственном самочувствии лиц, исповедующих католичество без разделения по возрастному и половому принципу. Основные усилия данное общество направляло на оказание медицинской и денежной помощи, размещение нуждающихся в богадельне, приюте, снабжении их одеждой и пищей, возврате неимущих католиков на историческую родину.

На территории Орловской губернии благотворительная деятельность окончательно оформляется к XIX веку, когда возникают организации, в компетенции которых находятся: комплексные вопросы на отдельной территории; церковная благотворительная деятельность; оказание помощи национальным меньшинствам, беженцам, иностранцам; забота о лицах с ограниченными возможностями; осуществление детской и учебной благотворительности; реализация военной благотворительности. К этому времени в губернии насчи-

тывалось 29 обществ. Развитие сети церковно-приходских школ объективировалось в попечительской деятельности Церкви.

Таким образом, сложившееся в истории российского государства положение дел в сфере социальной помощи конкретными традиционными религиями на практике имеет следующие характерные особенности: во-первых, религиозная благотворительность и отечественная традиция милосердия и филантропии обусловлены характером общественных отношений, ролью государства в социальной деятельности, связана с генезисом духовности человека; во-вторых, институционализация государственных и общественных институтов повлияла на генерирование мотивов к религиозной благотворительной деятельности, которые в заявленном контексте проявляются изначально в помощи людям своего круга, а уже впоследствии, в процессе совершенствования нравственного облика благотворителя – просто в помощь любому нуждающемуся (ближнему) без каких-либо сословных ограничений; в-третьих, роль благотворительных обществ и частных меценатов и филантропов в рассматриваемый период была в достаточной степени велика, привлекая особо пристальное внимание к имеющимся проблемным ситуациям, выходящим за рамки государственной социальной политики, ставшей основой для дальнейшей духовной переориентации российского общества.

Библиография:

1. Валиева Р.М., Яминова С.А. Мечети Давлекановского района Башкирии как свидетельство благотворительности мусульманских купцов // Российский электронный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 189 – 199.
2. Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о ее социальных функциях // Социс. – 2005. – № 6. – С. 46-55.

3. Давыдова А.А. История развития социальной поддержки и благотворительности в Смоленской области // Общество. Наука. Инновации (НПК-2017): сборник статей Всероссийской ежегодной научно-практической конференции. Вятский государственный университет. – 2017. – С. 2899-2908.

4. Королева Е.Д. Церковно-приходские попечительства в объективе мнений современников и исследователей (по материалам Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. История. – 2007. – № 3. – С. 31-40.

5. Магометов А.А., Кесаева Р.Э. Благотворительность и благотворительные фонды в Северной Осетии (конец XX – начало XXI в.). – Владикавказ, 2014. – 129 с.

6. Махно Л.Л. Социальное служение Русской православной церкви: история и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4. – С. 69-79.

7. Нувахов Б.Ш., Лаврова И.Г. Этапы развития милосердия и благотворительности в России в XVIII – XX вв. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. – 1995. – № 4. – С. 52-53.

8. Плеханова А.С. Влияние религиозного фактора на благотворительность и меценатство во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях (вторая половина XIX – начало XX в.) // Обсерватория культуры. – 2018. – Т. 15. – № 1. – С. 112-118.

9. Погосян Л.В. Первые попытки научного осмысления благотворительности в России в аспекте государственно-конфессиональных отношений // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 10 (110). – С. 77-82.

10. Шалагина С.Н. Принципы религиозной благотворительности // Актуальные проблемы современной науки: сборник статей Международной научно-практической конференции. –

Западный научно-исследовательский центр «АнтроВита», 2017. – 306 с.

11. Щапов Я.Н. Монашество на Руси в XI – XIII вв. // Монашество и монастыри в России. XI – XX века: Исторические очерки / отв. ред. Н.В. Сеницына. – М.: Наука, 2002. – 346 с.

12. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V., Matveeva E. Influence of migration processes in europe on law and legal culture of information society // В сборнике: E3S Web of Conferences. 8. Сер. «Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020» 2020. – С. 17023.

References:

1. Valieva R.M., Yaminova S.A. (2017) Mecheti Davlekanovskogo rajona Bashkirii kak svidetel'stvo blagotvoritel'nosti musul'manskih kupcov [Mosques of the Davlekanovsky district of Bashkiria as evidence of the charity of Muslim merchants] // Rossijskij elektronnyj nauchnyj zhurnal [Russian electronic Scientific journal]. – 2017. – №.1. – S.189-199. (In Russ.).

2. Gavrilov Yu.A., Kofanova E.N., Mchedlov M.P., Shevchenko A.G. (2005) Konfessional'nye osobennosti religioznoj very i predstavlenij o ee social'nyh funkciyah [Confessional features of religious faith and ideas about its social functions] //Socis [Socis]. – № 6. – S. 46-55. (In Russ.).

3. Davydova, A. A. (2017) Istoriya razvitiya social'noj podderzhki i blagotvoritel'nosti v Smolenskoj oblasti [History of the development of social support and charity in the Smolensk region] // Obshchestvo. Nauka. Innovacii (NPK-2017) [Society. The science. Innovations (NPK-2017): collection of articles of the All-Russian Annual Scientific and Practical Conference Vyatka State University. – S. 2899-2908. (In Russ.).

4. Koroleva, E. D. (2007) Cerkovno-prihodskie popechitel'stva v ob"ektive mnenij sovremennikov i issledovatelej (po materialam Orenburgskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.) [Church-parish guardianship in the lens of opin-

ions of contemporaries and researchers (based on the materials of the Orenburg province of the second half of the XIX-beginning of the XX century) //Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. [Bulletin of the Chelyabinsk State University. History]. – №3. – S.31-40. (In Russ.).

5. Magometov A.A., Kesaeva R.E. (2014) Blagotvoritel'nost' i blagotvoritel'nye fondy v Severnoj Osetii (konec XX - nachalo XXI vv.) [Charity and charitable foundations in North Ossetia (late XX - early XXI centuries)]. – Vladikavkaz. – 129s. (In Russ.).

6. Makhno L.L. (2020) Social'noe sluzhenie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: istoriya i sovremenost' [Social service of the Russian Orthodox Church: history and modernity] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Proceedings of the Tula State University. Humanities]/ - №4. – S.69-79. (In Russ.).

7. Nuvakhov B.Sh., Lavrova I.G. (1995) Etapy razvitiya miloserdiya i blagotvoritel'nosti v Rossii v XVIII-XX vv. [Stages of development of charity and charity in Russia in the XVIII-XX centuries] // Problemy social'noj gigieny i istorii mediciny [Problems of social hygiene and the history of medicine]. – № 4. – S.52-53. (In Russ.).

8. Plekhanova, A.S. (2018) Vliyanie religioznogo faktora na blagotvoritel'nost' i mecenatstvo vo Vladimirskoj, Kostromskoj i Yaroslavskoj guberniyah (vtoraya polovina XIX - nachalo XX v.) [The influence of the religious factor on charity and patronage in the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces (the second half of the XIX - the beginning of the XX century)] // Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture]. – Vol. 15. – №.1. – S.112-118. (In Russ.).

9. Pogosyan, L. V. (2012) Pervye popytki nauchnogo osmysleniya blagotvoritel'nosti v Rossii v aspekte gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij [The first attempts of scientific understanding of charity in Russia in the aspect of state-confessional relations] //Uchenye zapiski Ros-

sijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Scientific Notes of the Russian State Social University]. – №10(110). – S.77-82. (In Russ.).

10. Shalagina, S. N. (2017) Principy religioznoj blagotvoritel'nosti [Principles of religious charity] //Aktual'nye problemy sovremennoj nauk [Actual problems of modern science]: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Western Research Center «AntroVita». – 306s. (In Russ.).

11. Shchapov, Ya. N. (2002) Monashestvo na Rusi v XI-XIII vv [Monastic life in Russia in the XI-XIII centuries] //Monashestvo i monastyri v Rossii. XI-XX veka [Monastic life and monasteries in Russia. XI-XX centuries]: Historical essays. – M.: Nauka. – 346s. (In Russ.).

12. Pevtsova E., Pevtsova N., Lavitskaya M., Redkous V., Matveeva E. Influence of migration processes in europe on law and legal culture of information society // В сборнике: E3S Web of Conferences. 8. Сер. «Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020» 2020. – C.17023. (in Engl.).

КОРОТКОВ Василий Олегович, аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета (Россия, Московская область, Мытищи), e-mail: v_korotkoff1@mail.ru

KOROTKOV V.O., Postgraduate of department of Medieval and Modern History of Russia of Moscow Region State University (Russian Federation, Moscow oblast), e-mail: v_korotkoff1@mail.ru

ЖАЛОВАНИЕ КОМАНДИРОВ ПОЛКОВ «ИНОЗЕМНОГО СТРОЯ» В РОССИИ В 1650–1680 ГГ.

«FOREIGN ORDER» REGIMENTS COMMANDERS' SALARY IN RUSSIA OF 1650S-1680S.

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть вопросы денежного и поместного содержания командиров полков «иноземного строя» в России в период 1650–1680гг. На основании значительного количества архивных источников проанализированы размеры денежного и поместного жалования полковников, приведена динамика изменения его размера, исследованы факторы, влияющие на его размер, выявлены особенности и условия выплаты. Отдельное внимание уделено видам, характеру и размерам других выплат и «придач», полагавшихся старшим офицерам, как разовых, так и регулярных. Затронута также политика экономии финансов, проводимая государством.

Ключевые слова: XVII век, полки «иноземного строя», жалование, офицерский корпус.

Abstract. The article considers the issue of monetary and manor maintenance of the commanders of the «foreign regiments» in Russia 1650s-1680s. Author analyses the size of monetary and manor salary of colonels, dynamics of changes its size, the factors affecting its size, the features and conditions of payments. Special attention is paid to the types, nature and size of other payments and "appendages" that were due to senior officers, both one-time and regular. The state's financial policy was also analysed. The paper based on a lot of archival sources.

Keywords: XVII century, new order regiments, Salary, Officer's corps.

Введение

Середина XVII века стала временем крупных перемен в русских вооруженных силах. В преддверии русско-польской войны 1654–1667гг., видя недостаточную боеспособность традиционных войск, русское правительство приступило к созданию частей, обученных на западноевропейский манер.

Одним из ключевых отличий частей «иноземного строя» от старорусской военной организации являлось то, что они полностью содержались за счет казны. Поэтому массовое

формирование солдатских, драгунских и рейтарских полков потребовало мобилизации крупных денежных средств в первую очередь на выплату жалования офицерам. Особенно это сказалось перед Смоленской войной: в самый разгар Тридцатилетней войны спрос на солдат и офицеров в Европе был весьма высок. Чтобы набрать требуемое количество войск, офицерам было положено огромное жалование. Солдатские полковники получали по 250 рублей в месяц, а рейтарский полковник Шарль Делиберт – по 400 [1, С. 36], что превышало даже некоторые боярские

оклады. Это вызвало недовольство русских служилых людей. Так, стряпчий И.А. Бутурлин сообщал о недовольстве русских людей большими расходами и тем, что «начальных людей много не к делу» [2, С. 184].

Смоленская война разорила казну, и вскоре после Поляновского мира большинство иноземцев было уволено с русской службы, а жалование оставшихся было значительно урезано. В преддверии русско-польской войны жалование иноземцев было вновь снижено. По сообщению Поммеринга, полковники А. Краферт, А. Гамильтон и М. Кормихель «прежде» получали жалование в 50, 30 и 15 рублей соответственно, но к 1647 году первые два были испомещены и жили на доходы с поместий [3, С. 409].

В историографии распространены размеры жалования, указанные в сочинении А. Мейерберга и «Сметах воинских сил», опубликованных С.Б. Веселовским [5, С. 158; 6, С. 20–21]. Привлечение архивных материалов позволяет уточнить динамику изменения размеров жалования, а также прояснить некоторые влияющие на него факторы (см. Табл. 1 и 2).

Тем не менее, жалование оставалось достаточно высоким, что привлекало иноземцев, оставшихся без нанимателей после завершения Тридцатилетней войны и Северной войны 1655–1660гг. «Соображения о твердых (по крайней мере) средствах жизни... укрепили мою решимость ехать в Москву», – записывал Патрик Гордон [4, С. 100].

Первоначально жалование всех офицеров различалось даже внутри одного чина по разным «статьям» [7, Л. 575–580 об.; 8, Л. 46]. Однако в 1654 году, во время массового формирования новых полков, офицеры нескольких солдатских полков подали коллективную челобитную с просьбой «пожаловать их против их братии» из других солдатских полков [9, Л. 789].

Непосредственной реакции правительства на эту челобитную обнаружить не удалось, и в середине 1650 года жалование продолжало различаться по разным статьям, но в 1660 году размеры жалования в основном были приведены к единообразию.

В «Сметах воинских сил» почти все офицеры получали одинаковый «корм». Разное жалование сохранялось для некоторых чинов (капитанов, поручиков и прапорщиков) солдатских и драгунских полков по национальному признаку – иноземцы получали несколько больший «корм».

На личном уровне разнилось между собой лишь жалование полковников и немногочисленных генералов [6, С. 20–21].

В 1650-х гг. полковничьи чины занимали почти исключительно иноземцы, жалование которых составляло в среднем от 30 до 40 рублей. Несколько полковников-новокрещенов, «пользовавшихся расположением императора», получали до 50 рублей [10, Л. 14, 30, 47, 80, 475, 491].

Таблица 1 – Среднее месячное жалование полковников в 1655–1677, руб.¹

Род войск	1655	1657	1660	1661	1662 ²	1663	1671	1677
Рейтарского строя			40 (30/45)	40	40	40	38 (36/45)	43 (39/46)
Драгунского строя				30		30	38	39
Солдатского строя	35	35	40	35	30	35	37	42

¹ Подсчитано на основе: [5], [6], [10], [11], [13], [15], [17], [36]. В скобках указано среднее месячное жалование отдельно для русских и иноземцев (в случаях, когда имеется достаточная для обобщения фактическая база).

² По Мейербергу.

Например, к 1677 году Венедикт Змеев (см. Табл. 2) выслужил генеральский чин и должен был получать более высокое жалованье. Однако с учетом вычетов за крестьянские и бобыльские дворы 29 мая 1677 года ему было выдано 295 рублей на 6 месяцев [16, Л.36об.]. С течением времени жалованье постепенно росло, при этом число полковников, получавших «корм», значительно отличавшийся от среднего значения, снижалось. Так, в 1663 году значительно выделялось жалованье трех полковников из 67 – при среднем «корме» от 30 до 45 рублей на месяц стольник Венедикт Змеев и Юрья Инглес получали по 50 рублей (столько же получал генерал-майор Данило Краферт), а Григорий Ушаков – 25 [6, С. 20–21]. Высокое жалованье Венедикта Змеева объясняется тем, что он был первым русским офицером, произведенным в рейтарские полковники еще в 1654–1655 гг. и командовал полком удвоенной численности.

Зависело ли жалованье от выслуги лет? В «Сметах воинских сил» указано жалованье

67 полковников, как русских, так и иноземцев. Из них более крупное жалованье получали в основном прослужившие в этом чине не менее 7 лет. Исключений всего четыре – Я. Билс, Д. Фандернисин и Я. Страсборх, получавшие повышенный «корм», возглавляли полки не более трех лет, а польский шляхтич Р. Корсак, один из старейших на тот момент полковников, получал обычное жалованье [6, С. 20–21]. Более крупное жалованье Я. Страсборха, возможно, объясняется тем, что лифляндец был специалистом по артиллерии.

Похожую картину рисует еще один документ – список офицеров Иноземского приказа за 1677 год, ценный тем, что, помимо жалованья, в нем указано время и основание производства в чин [11, Л. 123–131]. Практически все полковники рейтарского строя, получавшие 50 рублей, пребывали в этом чине не менее 16 лет, а получавшие 40–45 рублей успели прослужить в чине менее 5 лет.

Таблица 2 – Месячное жалованье некоторых полковников в 1655–1677, руб.¹

Полковник	Род войск	Статус	1655	1657	1660	1663	1671	1677
Вилим Брюс	Солдаты	Иноземец		25	35	40		50
Адам Гохварт	Солдаты	Иноземец	30	30	35	40		
Венедикт Змеев	Рейтары	Русский			45	50	38	50 (?)
Юрья Инглес	Драгуны	Иноземец	30	40	45	50	50	50
Рофайло Корсак	Драгуны	Новокрещен			35	40	40	50
Яков Ронорт	Солдаты	Иноземец	35	35		40		
Денис Фанвисин	Рейтары	Иноземец старого выезда			45	45	50	
Герман Фанстаден	Солдаты	Иноземец	40	40		40	40	50

¹ Составлено на основе: [6], [10], [11], [13], [15], [18], [36].

Аналогично обстояло с полковниками солдатского строя – от 45 до 50 рублей получали выслужившие не менее 12 лет, а от 35 до 40 – прослужившие не более 6–7 лет. Из 38 упомянутых в списке человек лишь три офицера представляли исключение.

Так, Павел Мензиус, произведенный в полковники сразу из майоров всего за несколько месяцев до смотра, но уже обладавший максимальным для полковника жалованием в 50 рублей, вероятно, отличился не только на военном, но и на дипломатическом поприще.

Крестьян Любенау, служивший в России с 1661 года, напротив, получал меньше других «старослужащих» полковников, вероятно, ввиду отсутствия боевых отличий и долгов казне. В 1665 году Любенау выехал за границу, где его ограбили шведы и поляки. По просьбе полковника из казны ему было выплачено «взаимы» 80 рублей [12, Л.51]. Отсутствие упоминания Любенау в документах между 1668 и 1677 гг. и низкое жалование позволяют предположить, что полковник в это время вновь покидал Россию.

Характерен рост размера жалования Виллима Брюса, отца знаменитого сподвижника Петра I. При производстве в чин полковника в 1657–1658 гг. Брюсу было назначено жалование в 25 рублей, в 1660-м увеличенное до 35 рублей. В «Сметных списках» 1663 года его жалование – уже 40 рублей, а в 1670 году поднимается до 50 рублей (см. Табл. 2).

Крещение в православие могло поднять жалование иноземного полковника до 50 рублей, как было в случае с А. Гибсоном и А. Бутлером. Впрочем, таковое не всегда случалось с новокрещеными. К примеру, жалование Т. Гундертмарка, также перешедшего в православие, осталось тем же, что и у остальных полковников [10, Л.80; 13, Л.353]. В дальнейшем такая практика, видимо, сошла на нет – в списках офицеров-иноземцев

за 1677 год указанный размер «корма» никак не коррелирует с их вероисповеданием.

Жалование полковников значительно превосходило жалование их подчиненных – даже подполковников. Так, в 1655 году жалование солдатских полковников составляло от 30 до 50 рублей, тогда как подполковников – 14 [10, Л. 48, 391, 428, 444]. В 1663-м жалование рейтарских и солдатских полковников составляло в среднем от 40 до 45 и от 30 до 40 рублей, подполковники же получали 18 и 15 рублей соответственно [6, С. 20–21]. Не получали прибавки к жалованию даже подполковники, возглавлявшие полки.

Необычной для иноземцев была система выдачи жалования – если в западноевропейских странах полковник получал деньги на весь полк и рассчитывался с подчиненными по собственному усмотрению, то в России всем чинам – от полковника до сержанта – «корм» выдавали дьяки, что пресекало множественные злоупотребления [14, С. 76]. «Жалование у них выдается каждому с такой точностью в свое время, что если кто из получающих его не явится за ним в первый день по прошествии года или месяца к военному казначею, то на другой день оно посылается к нему сполна и на дом», – свидетельствует Мейерберг [5, С. 177]. Несмотря на очевидное преувеличение, такая точность могла быть достигнута в гарнизоне Москвы, где Мейерберг и мог общаться с офицерами.

Известны случаи, когда жалование выплачивалось на несколько месяцев. Так, в 1660 году жалование выдавалось на два месяца, а в 1677-м полкам, входившим в воеводский полк Ромодановского и Змеева, – сразу на шесть [15, Л. 91об. – 92об.; 16, Л. 1].

Несмотря на отмечаемую в нарративных источниках точность выдачи жалования, офицеры регулярно сталкивались с ситуацией, когда после повышения в чине им продолжали выплачивать «корм» по старому окладу или просто задерживали жалование.

Сохранилось множество челобитных, где офицеры просили выдавать жалованье «против моей братии» [9, Л. 11, 98, 629, 789].

Иногда к месячному жалованью добавлялись временные «придачки». Так, в ноябре 1660 года некоторым полковникам было выплачено дополнительно по 2–5 рублей «для хлебной дороговизны» [17, Л. 169, 175, 212, 214, 217–218].

Кроме денежного жалованья, офицерам полагались выплаты на конский корм из расчета 20 алтын на лошадь. Рейтарским полковникам обычно полагались выплаты на 5 лошадей, драгунским и солдатским – на 4 [17, Л. 32, 49, 51].

В некоторых случаях полагающееся жалованье могло выдаваться не самому офицеру, а его жене. В феврале 1657 года полковник Юрий Закс просил половину причитающегося ему жалованья (30 рублей) до сентября выдавать его жене Алене, жившей в Немецкой слободе. Полковник надолго задержался в гарнизоне г. Ковно, и осенью Алена била челом о продолжении выдачи ей части жалованья мужа. Челобитная была удовлетворена [18, Л. 175–176].

Иноземные офицеры, неспособные к дальнейшему несению службы и остававшиеся в России, получали, по словам Котошихина, «впопы того жалованья, как им... дано» [19, С. 155–156]. Генерал Ф. А. Фанбуковен в 1670-х гг. получал «тысячу талеров» в год, что составляло около 40 рублей в месяц. Полковник Т. Краферт в 1677 году получал 26 рублей 6 алтын в год [9, Л. 131]. Русские же полковники имели возможность существовать за счёт доходов с поместий.

Кроме того, государство брало на себя содержание офицерских и солдатских вдов и сирот. По словам Котошихина, жалованья им полагалось «впопы» от жалованья мужа, однако на практике суммы были значительно меньше. В 1657–1658 гг. вдовы полковников А. Гибсона, М. Эткина, Л. Скрымзера,

В. Фанвисина, М. Кормихеля и В. Алента получали от 3 до 8 рублей в месяц [18, Л. 451, 453, 483]. Всего в Иноземском приказе на тот момент числилось около 50 офицерских и солдатских вдов, получавших жалованье. В октябре 1660 года выплаты получили вдовы полковников Ю. Закса, А. Гамолтона, Ю. Кита, А. Фанстробеля и нескольких других [17, Л. 452–454].

Традиционным способом содержания служилых людей в России было наделение их поместьями. В XVI – первой половине XVII века так же содержались служилые «немцы» – источники выделяют «поместных» и «кормовых» иноземцев. Некоторые из них обладали весьма крупными поместьями. Так, полковник А. Лесли, в частности, владел поместьем в 600 четей, а Д. Краферт и майор А. Фамендин – в 1050 четей, что уже было сравнимо с боярскими поместьями. Майор Р. Кунингам владел поместьем в 800 четей, а ротмистры Д. Фанвисин и Ефим Франзбеков – 650 и 500 четей [20, С. 149; 21, Л. 5–6].

Однако увеличение числа и влияния иноземцев-«басурман» не могло не вызвать неудовольствия церкви. С началом правления Алексея Михайловича русские власти, желая оградить православное население от иноземного влияния, начали ограничивать права помещиков-иноземцев. Согласно Соборному уложению 1649 года иноземное поместье не могло принадлежать русским, а русское – иноземцам [22, № 1]. Обмен поместий между русскими и иноземцами также был запрещен. Это служило цели сохранения поместного фонда, предназначенного для иноземцев.

Дальнейшее наступление на права иноземцев были вызваны громкими судебными процессами. В 1652 году крестьяне из поместий полковника А. Лесли обвинили его жену в глумлении над православной верой (насколько справедливо, установить не представляется возможным). В ходе следствия обвинения были предъявлены и самому пол-

ковнику, и его знакомому офицеру В. Тамсену. В итоге поместье Лесли было конфисковано [20, С. 150–152].

Одновременно похожие обвинения были предъявлены новокрещену из мусульман Щейдякову. Оба дела получили широкую огласку, в итоге в 1653 году под влиянием патриарха Никона и царского духовника Варсофония иноземцам, не принявшим Православие, запрещалось владеть поместьями, те, кто обладал ими обязан был продать русским людям. Вместо этого иноземцев поверстали денежным «кормом». Это привело к недовольству иноземцев. Часть из них, желая сохранить поместья, перешла в православие. Лесли в том же году первым из иноземцев принял решение креститься в православие и в дальнейшем получил крупные подарки и новые поместья на отвоеванных западнорусских землях [20, С. 154].

Из недвижимости иноземцы могли владеть дворами в немецких слободах или просто в городах. В 1665 году в переписных книгах Новонемецкой слободы Москвы, насчитывавшей 206 дворов, упоминаются 29 дворов, принадлежавших полковникам, состоявшим на действительной службе, 3 – находившимся в плену, а также 7 дворов, принадлежавших вдовам полковников. Некоторые офицеры, впрочем, предпочитали не заводить своего двора, а квартировать у сослуживцев. К примеру, Христофор Мюнхаузен (Мынгауз) «стоял» у полковника Андрея Франзбекова, также одним двором жили Яган Краферт и его родственник Томас Краферт. У Фредерика Эршова квартировали капитаны его полка [23, С. 232–238].

Что же касается русских офицеров, то, как правило, они обладали довольно крупными поместьями. В частности, Венедикт Змеев и до начала рейтарской службы обладал большим поместьем в 750 четей, а в 1661 году получил прибавку в 250 четей, дойдя до максимального размера поместья

[24, С. 60–61]. Подполковник гусарского полка Микифор Караулов владел поместьем в 600 четей, подполковники солдатских полков Иван Кайсаров и Афанасий Бердяев – в 500 и 650 четей [25, Л. 231, 310–311 об., 321 об. – 322].

В 1660-х гг., когда становится возможным говорить о русских полковниках как о заметном явлении, поместный оклад русских полковников составлял от 670 до 1000 четей, в среднем около 880 четей. В 1670-х гг. поместья полковников, активно участвовавших в войнах, с учетом всех пожалований за службы составляли от 850 до 1000 четей (см. Табл. 3). Примерно такими же поместьями обладали заслуженные стрелецкие головы.

Большое поместье не всегда означало большое состояние. Полковник В. Челюсткин, владевший поместьем в 650 четей, в 1668 году имел всего три крестьянских и большевских двора. Но за большинством полковников было от 30 до 50 дворов [16, Л.1об., 19 об., 74, 105 об.; 26, Л. 3, 26].

Как правило, причинами «придач» становилась верная служба. От 50 до 200 четей полагалось за «литовскую», «конотопскую», «киевскую», «чигиринскую», «крымскую» и иные службы. Так, полковники, участвовавшие в битве на р. Басе, получили по 200 четей [27, С. 137]; полковник Д. Бердяев за службу 1677 году под Чигирином получил 100 четей и 7 рублей, за чигиринскую кампанию 1678 года – 10 четей и 14,5 рубля за «перехожие», за киевскую службу 1679 года – 7,5 рубля, включая «перехожие» [28, Л.268 об.]. По итогам различных «служб» Белгородского полка в 1662–1670 гг. последовал царский указ от 1676 года, дававший рейтарским и драгунским полковникам «придачи» по 100 четей и 7 рублей денег [22, №658]. Солдатские полковники в документе не упомянуты: видимо, все они были иноземцами.

«Придачи» шли также за раны и за «полное терпение». За тяжелые раны полагались «придачи» по 100 четей и 5 рублей, за легкие – по 50 четей и 3 рубля. С 1659 года «полоняником... рейтарского и драгунского, и солдатского строя полковником, полуполковником и начальным русским людям [...] за полное терпение и за выход [...] помесные придачи 50 четей, денег 3 рубли». Помимо этого, раненым полагались единоразовые выплаты «на лечбу». За тяжёлые раны полагалось 4 рубля, за легкие – 3. Существовали также выплаты за пребывание в плену [29, С.563–564].

Наконец, крупные поместные «придачи» полковники получали в честь каких-либо торжественных событий, каковых в рассматриваемый период отмечается три.

1 сентября 1667 года по случаю «объявления» царевича Алексея Алексеевича царь Алексей Михайлович пожаловал солдатским, рейтарским и драгунским полковникам согласно московским чинам [22, №649]. Будучи в основном в чинах стольников, полковники получили по 100 четей (либо денежный эквивалент) и по 12 рублей. Иноземцы же получили выплату в размере месячного жалованья [4, С.214]. Такое же пожалование состоялось и в 1674 году с «объявлением» царевича Федора, незадолго до его вступления на престол. Кроме того, в 1686 году полковники получили денежные «придачи» «для вечного миру с полским королем» – по 30 рублей [30, Л. 534 об., 540 об., 552 об.].

Царские указы регулярно подчеркивают, что русские начальные люди полков «иноземного строя» жалуются как члены традиционной служилой корпорации.

Помимо регулярного «корма», офицерам полагался ряд разовых выплат.

При поступлении на русскую службу офицеры получали подарки деньгами и ценными вещами. Выплаты шли из Оружейной палаты. Так, в 1652 году майор Яков Лесли полу-

чил «за выезд» весьма крупное пожалование – 8 аршин камки и соболей на общую сумму 65 рублей [20, С. 150]. В 1650 году подполковник Яган Гундертмарк (в крещении – Христофор) за выезд получил «40 соболей в 30 рублей, камка, сукно... денег 40 рублей» [31, Л. 285]. Полковник Клавдиус Деспевилль за выезд получил «кубок золочен... камка карамзину... 40 соболей в 70 рублей... денег 50 рублей». Столь высокое пожалование связано с тем, что полковник «у литовских людей был имя и задержан за приставом» [32, Л.29–30]. Патрик Гордон, принятый в 1661 году в чине майора, получил 25 рублей, соболей на ту же сумму и 12 локтей ткани [4, С. 105].

Помимо пожалований по принятии на службу, довольно крупные суммы выплачивались полковникам-иноземцам «на подъем», «на дворовое строение». Так, в 1647–1653 гг. А. Лесли и В. Фандроцкий (Друшке) получили «на подъем» по 300 рублей, А. Бутлер, А. Гипсон и К. Деспевилль – по 200, остальные полковники – по 100 [9, Л. 203]. В приведенном документе отсутствует указание на то, что эти суммы были выданы «взаимы», хотя из другого документа известно, что в 1550–1551 гг. Исаак и Филипп Альбертус Фанбуковены получили по 100 рублей «взаимы на дворовое строение», после чего было велено у них «вычитать корму по треть в месяц» [9, Л. 240]. Впрочем, Фанбуковены служили в России с 1647 года и, очевидно, к 1650–1651 гг. уже успели получить причитающиеся им подъемные.

Весьма крупные подарки также следовали за переход в православие. Так, в 1653–1654 гг. нововыезжий подполковник Федор Вормзер получил серебряный кубок в 3 гривенки, по 10 аршин камки и атласа, 40 соболей в 90 рублей и поместье в 900 четей. Подполковник Арист (Орест) Фамендин за крещение получил соболей на 200 рублей. Майор Иван Ниротморцев (ви-

димо, также недавно выехавший в Россию иноземец) получил 100 рублей, 40 соболей в 50 рублей и поместье в 650 четей. Все трое также были произведены в полковники [8, Л. 198–200].

Случались и другие разовые выплаты как отдельным офицерам, так и всем служилым людям. Так, в 1661 году по случаю рождения царевича Федора офицеры Первого выборного солдатского полка А. Шепелева получили внеочередное жалование. В 1662 году за участие в подавлении Медного бунта полковник Д. Краферт получил «весьма значительный дар» [4, С.120].

За различные нарушения могли последовать вычеты из «корма». К примеру, в 1661 году у полковников Н. Фанзалена и В. Брюса, устроивших самочинный штурм г. Копоси, жалование на время следствия было урезано вполовину [27, С.450]. Впрочем, уже в 1663 году жалование В. Брюса было на обычном уровне [6, С.21].

Вероятно, офицеры-иноземцы также могли поручиться жалованием перед государством за выезжавшего за границу сослуживца. К примеру, за уже упомянутого Крестьяна Любенау, в апреле 1665 года отправившегося в Пруссию на четыре месяца «для сыску пожитков отца своего», поручились 4 полковника и 2 подполковника с условием в случае невозвращения Любенау «кормовых денег не иметь два года» [12, Л. 1–2].

Иногда через выплаты жалования офицеры решали собственные дела. Так, в 1653 году подполковник Яков Лесли, задолжавший своему родственнику «старшему полковнику» Александру Лесли, обратился в Иноземский приказ с просьбой делать вычеты из его жалования в пользу кредитора. Челобитная была удовлетворена [9, Л.67–73].

Впрочем, с выплатой жалования не все было благополучно. Финансовый кризис 1662 года сильно ударил по положению всех

начальных людей. На безденежье жаловался П. Гордон, ожидавший принятия на службу. Из-за задержки выплат жалования группа офицеров-иноземцев отправилась жаловаться в Москву, угрожая в противном случае уехать из России. В итоге конфликт был все же урегулирован, в том числе за счет привлечения натуральных ресурсов – часть офицеров взяли на содержание бояре, значительные средства иноземцам завещал умерший боярин Морозов [33, С. 69–70].

В феврале 1663 года Гордон мрачно констатировал «малую вероятность перемен» [4, С.128]. Тем не менее, в то же время, правительство занялось расчётом финансовых трат, количества войск и потребного им жалования, что привело к созданию известных смет 1662–1663 гг. В середине 1663 года хождение медных денег было отменено, и все начальные лица получили жалование серебром.

Подобный случай повторился в 1667 году – из-за невыплаты жалования группа офицеров Гадячского гарнизона во главе с полковниками Я. Туром, А. Олофгранцем и А. Гохвартом отправилась добиваться правды. Но в этот раз в связи с завершением войны правительство приняло решение уволить офицеров без выплаты жалования [34, С. 208]. Тем не менее, как минимум части из них, в том числе всем трем полковникам, удалось остаться в России и сохранить чины.

После заключения Андрусовского перемирия правительство приступило к сокращению расходов. В 1668 году жалование полковников, бывших «за полками», было урезано вдвое, поскольку, как заметил указ, «ни в которых государствах полных кормов без службы не дают». Спустя год жалование сократилось до трети от полноценного [33, С. 71].

В качестве компенсации полковники получали жалование хлебом и солью, но на практике вместо хлеба выдавался денежный

эквивалент. Выдача соли также вскоре прекратилась. В итоге годовое жалование полковников, бывших за полками, состояло из полного оклада за 4 месяца и денег за хлеб, близких к месячному окладу. Так, полковник П. Г. Мензеус, которому полагался корм в 50 рублей на месяц, в 1677 году получил «за год жалованья... треть да за хлеб» 246,5 рубля [16, Л. 89 об.].

Еще во время русско-польской войны жалование начальных людей, обладавших поместьями, также было урезано. Полковников эта мера коснулась лишь в 1670-м, из расчета по 35 копеек за крестьянский или бобыльский двор [33, С. 74].

Так, «базовое» жалование полковника А.А. Чубарова в 1677 году составляло 45 рублей, а И.С. Дубасова («Меншой»), бывшего полковником в генеральском полку В. Змеева, – 30. Фактически Чубаров, обладавший 45 дворами, получил 29,25 рубля на месяц, а Дубасов, владевший 50 дворами, – 12,5 рубля [16, Л.1 об., 74].

Позднее, в 1678–1679 гг., уступив массовым челобитным, правительство отменило

вычеты у пустопоместных и малопоместных дворян.

По всей вероятности, высокое и относительно регулярное жалование, а также перспективы обеспеченной старости по окончании службы стали одним из основных факторов, привлекавших в Россию множество иноземных офицеров и обеспечивших их верность.

Так, в 1661 году вернувшийся из плена полковник Я. Ронорт сообщал, что пленные «немцы» «служить полскому королю не хотят» [35, Л.2]. Действительно, многие из офицеров были вскоре обменены и пожалованы за верность. Показателен пример Филиппа Альбертуса Фанбуковена, который пробыл в польском плену 7 лет и сохранил верность России, а по возвращении из плена получил генеральский чин. Это резко контрастирует с тем, как легко офицеры меняли нанимателей в других странах – Патрик Гордон успел перейти со шведской на польскую, а затем и на русскую службу.

Таблица 3 – Поместный оклад некоторых полковников, четей¹

Полковник	1661 (руб.)	1671 (руб.)
Василий Дружинин с. Волжинский	660	950
Венедикт Андреев с. Змеев	1000	1000
Давыд Иванов с. Зыбин	970	970
Федор Тихонов с. Зыков	1000	1000
Иван Левонтьев с. Полуехтов	670	850
Семен Семенов с. Скорняков-Писарев	950	1000
Григорий Федоров с. Тарбеев	1050	1050
Григорий Онофриев с. Ушаков	950	950
Василий Алексеев с. Челюстин	650	650
Аггей Алексеев с. Шепелев	885	1000
В среднем	878	942

¹ Составлено на основе: [24], [28], [37].

Вместе с тем резко возросшие по сравнению с XVI веком военные расходы стали одной из причин закрепощения крестьян, роста налогового гнета и, как следствие, многочисленных восстаний, принявших религиозный характер. Нехватка средств подтолкнула русское правительство к сокращению военных расходов за счет использования традиционных способов содержания служилых людей.

Подводя итоги, стоит отметить, что денежное и поместное содержание командиров полков «иноземного строя» в России в период с 1650 по 1680 гг. изменялось, исходя из различных факторов и условий. Возросшие по сравнению с XVI веком военные расходы стали одной из причин закрепощения крестьян, роста налогового гнета и как следствие – многочисленные восстания, принявшие религиозный характер. Нехватка средств подтолкнула русское правительство к сокращению военных расходов за счёт использования традиционных способов содержания служилых людей.

Библиография:

1. Мышлаевский А.З. Офицерский вопрос в XVII в. СПб, 1899.
2. «Что в государстве делаетца дурно...»: «Государево дело» стряпчего И.А. Бутурлина. 1634 г. / Публ. подгот. Т.А. Лаптева // Исторический архив. – 1993. – № 4. – С. 178-186.
3. Донесения королеве Христине и письма к королевскому секретарю шведского резидента в Москве Карла Поммеринга // Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. – М., 1897.
4. Гордон П. Дневник 1659–1667 / Пер. с англ., статья и прим. Д.Г. Федосова. – М., 2003.
5. Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, посланного авгу-

стейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии // Сост. А. Либерман. – М., 1997. – С. 43-184.

6. Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских, Кн. 3. 1911. С. 4-53.
7. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 52.
8. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862.
9. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 867.
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 34.
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85.
12. РГАДА. Ф. 150. 1665. № 3.
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 57.
14. Курбатов О.А. Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. – М., 2017.
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 58.
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 81.
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59.
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 870.
19. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб, 1884.
20. Опарина Т.А. Полковник Александр Лесли и православие // Иноземцы в России в XV – XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. / Под общей ред. А.К. Левыкина. – М., 2006. – С. 141-166.
21. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 53.
22. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1. – СПб, 1830.
23. Переписные книги города Москвы 1665–76. – М., 1886.
24. Рогожин Н.М. Боярская книга 1658. – М., 2004
25. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6В. Д. 17
26. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6Д. Д. 75.
27. Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук. В 3 т. / Под ред.

- Н.А. Попова. Т. 3. – СПб: Тип. Императорской академии наук, 1901.
28. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 9.
29. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 10. – СПб, 1872.
30. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10.
31. РГАДА. Ф. 150. 1685. № 3.
32. РГАДА. Ф. 150. 1661. № 1.
33. Рогожин А.А. Денежное жалованье начальных людей полков «нового строя» в конце 1660-х – начале 1680-х годов (к вопросу о политике русского правительства в области военной экономики) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции 15–17 мая 2013 года. – СПб, 2013. – Ч. IV. – С. 66–79.
34. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 5. – СПб, 1853.
35. РГАДА. Ф. 150. 1661. № 32.
36. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 65.
37. РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 6.
- Yakubov K. Rossiya i Shvetsiya v pervoy polovine XVII veka. – M., 1897. (In Russ.).
4. Gordon P. Dnevnik 1659–1667 [Diary. 1659–1667] / Per. s angl., stat'ya i prim. D.G. Fedosova. – M., 2003. (In Russ.).
5. Meyyerberg A. (1997) Puteshestviye v Moskoviyu barona Avgustina Meyyerberga, chlena Impera-torskogo pridvornogo soveta, i Goratsiya Vil'gel'ma Kal'vuchchi, kavallera i chlena Pravitel'stvennogo soveta Nizhney Avstrii, poslov avgusteyshogo rimskogo imperatora Leopolda k tsaryu i velikomu knyazyu Alekseyu Mikhaylovichu v 1661 godu, opisannoye samim baronom Meyyerbergom [The journey to Muscovy of Baron Augustin Meyerberg, a member of the Imperial Court Council, and Horace Wilhelm Calvucci, a cavalier and a member of the Government Council of Lower Austria, ambassadors of the August Roman Emperor Leopold to the tsar and Grand Duke Alexei Mikhailovich in 1661, described by Baron Meyerberg himself] // Utverzhdeniye dinastii // Sost. A. Liberman. – M. – S. 43-184. (In Russ.).
6. Veselovskiy S.B. (1911) Smety voyennykh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg. // Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh, Kn. 3. – S.4-53. (In Russ.).
7. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 52. (In Russ.).
8. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 862. (In Russ.).
9. РГАДА. Ф. 210. Оп.9. Д. 867. (In Russ.).
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 34. (In Russ.).
11. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 85. (In Russ.).
12. РГАДА. Ф. 150. 1665. № 3. (In Russ.).
13. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 57. (In Russ.).
14. Kurbatov O.A. (2017) Voyennyye reformy v Rossii vtoroy poloviny XVII v. [Military reforms in Russia of the second half of the XVII century]. Kon-nitsa. – M. (In Russ.).
15. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 58. (In Russ.).
16. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 81. (In Russ.).
17. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 59. (In Russ.).
18. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 870. (In Russ.).

References:

1. Myshlayevskiy A.Z. (1899) Ofitser'skiy vopros v XVII v. [Officer's question in XVII century]. – SPb. (In Russ.).
2. «Chto v gosudarstve delayettsa durno...»: «Gosudarevo delo» stryapchego I.A. Buturlina. 1634 g. [«What is bad in state...»: Striapchi I. A. Buturlin's «State act». 1634.] / Publ. podgot. T.A. Lapteva // Istoricheskiy arkhiv. – 1993. – № 4. – S. 178-186. (In Russ.).
3. Doneseniya koroleve Khristine i pis'ma k korolevskomu sekretaryu shvedskogo rezidenta v Moskve Karla Pommmeringa [Reports to Queen Christina and letters to the Royal Secretary from Swedish resident in Moscow, Karl Pommering] //

19. Kotoshikhin G.K. (1884) О России в царствование Алексея Михайловича [About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich]. – SPb, 1884. (In Russ.).
20. Oparina T.A. (2006) Полковник Александр Лесли и православие [Colonel Alexander Leslie and Orthodoxy] // *Inozemtsy v Rossii v XV – XVII vekakh. Sbornik materialov konferentsiy 2002–2004gg. / Pod obshchey red. A.K. Levykina.* – M. – S. 141-166. (In Russ.).
21. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 53. (In Russ.).
22. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye [Full collection of Russian Empire's laws. The First Meeting]. 1649–1825gg. T.1. – SPb, 1830. (In Russ.).
23. Perepisnyye knigi goroda Moskvy 1665–1676 [Census books of the city of Moscow 1665-1676]. – M., 1886. (In Russ.).
24. Rogozhin N.M. (2004) Boyarskaya kniga 1658 [Boyar book 1658]. – M. (In Russ.).
25. RGADA. F. 210. Op. 6V. D. 17. (In Russ.).
26. RGADA. F. 210. Op. 6D. D. 75. (In Russ.).
27. Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannyye Imperatorskoy akademiyey nauk [Acts of the Moscow State, issued by the Imperial Academy of Sciences]. V 3 t. / Pod red. N.A. Popova. T. 3. – SPb: Tip. Imperatorskoy akademii nauk, 1901. (In Russ.).
28. RGADA. F. 210. Op. 1. D. 9. (In Russ.).
29. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavayemaya Arkheograficheskoy komissiyey [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission]. T. 10. – SPb, 1872. (In Russ.).
30. RGADA. F. 210. Op. 1. D. 10. (In Russ.).
31. RGADA. F. 150. 1685. № 3. (In Russ.).
32. RGADA. F. 150. 1661. № 1. (In Russ.).
33. Rogozhin A.A. Denezhnoye zhalovan'ye nachal'nykh lyudey polkov «novogo stroya» v kontse 1660-kh – nachale 1680-kh godov (k voprosu o poli-tike russkogo pravitel'stva v oblasti voyennoy ekonomii) [Monetary salary of «new order» regiments officers in the late 1660s-early 1680s (on the question of the policy of the Russian government in the field of military economics)] // *Voyna i oruzhiye: Novyye issledovaniya i materialy. Trudy Chetvertoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 15–17 maya 2013 goda.* – SPb, 2013. – CH. IV. – S. 66–79. (In Russ.).
34. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye arkheograficheskoy komissiyey [Additions to the historical acts, collected, and issued by the archaeological Commission]. T. 5. – SPb, 1853. (In Russ.).
35. RGADA. F. 150. 1661. № 32. (In Russ.).
36. RGADA. F. 210. Op. 6. D. 65. (In Russ.).
37. RGADA. F. 210. Op. 1. D. 6. (In Russ.).

УДК341.312"1914/1918"

DOI: 10.22394/2225-8272-2021-10-2-113-128

АБАКУМОВ Станислав Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Председатель совета Орловского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (Россия, Орёл), e-mail: abakumovstn@gmail.com

АВАКУМОВ S.N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Chairman of the Council of the Orel Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments (Russian Federation, Orel), e-mail: abakumovstn@gmail.com

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОСЛЕДУЮЩИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ МАРИИНСКОГО (КРАСНОГО) МОСТА ГОРОДА ОРЛА В 70-Х ГГ. XIX – XX ВЕКА

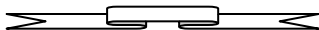
HISTORY OF THE CONSTRUCTION AND SUBSEQUENT RECONSTRUCTION OF THE MARIINSKY (RED) BRIDGE IN THE CITY OF OREL IN THE 70S OF XIX – XX CENTURIES

Аннотация. Цель исследования – анализ исторических данных об особенностях строительства Мариинского (Красного) моста в городе Орле в 70-х гг. XIX века. В работе также на основе сравнительного метода приводится анализ последующих реконструкций данного сооружения, в том числе после Великой Отечественной войны. Актуальность статьи вызвана проходящими работами по реконструкции моста, осуществляемыми в настоящее время. Приведенные исторические данные позволяют архитекторам и проектантам учесть архитектурные особенности сооружения, которые являются историческими, для того чтобы максимально полно их сохранить.

Ключевые слова: мост, арочные дамбы, проект, строительство, реконструкция.

Abstract. The purpose of the study is to analyze the historical data on the peculiarities of the Mariinsky (Red) Bridge construction in the city of Orel in the 70s of the XIX century. In the paper the analysis of the subsequent reconstructions of this structure is given on the basis of a comparative method, including the period after the Great Patriotic War. The relevance of the article is caused by modern works on the reconstruction of the bridge, currently being carried out. The given historical data allow architects and designers to take into account the architectural features of the facility, which are historical, in order to preserve them as fully as possible.

Keywords: bridge, arched dams, project, construction, reconstruction.

Введение

Проблема возведения постоянных металлических мостов в городе Орле является актуальной и требующей большого внимания от органов власти. Увеличение транспортных потоков, а также разрушение от времени существующих мостов (Тургеневского, Красного и др.) приводит к необходимости их реконструкции. В 2021 году была начата рекон-

струкция Красного моста в городе Орле над р. Окой. Данный мост построен в XIX веке и является объектом культурного наследия, в связи с чем проект реконструкции должен учитывать необходимость сохранения исторического облика сооружения, а надзорным органам в сфере сохранения историко-культурного наследия следует осуществлять постоянный контроль за ходом строительных

работ. Изучение истории строительства и последующих ремонтов Мариинского (Красного) моста в г. Орле позволит в полной мере учесть значимость данного сооружения, а также предпринять необходимые меры по сохранению его исторических конструкций.

Первый временный деревянный мост через реку Оку был, начиная с XVI века у Пятницких ворот. При этом «...изстари мащивали уездные сошные люди», отчего он и получил свое первоначальное название «сошный»...» [17]. Рассматривая стратегическое его расположение, можно отметить важность и ценность его при осуществлении любых коммерческих действий, но и более ключевая составляющая его местонахождения – это постоянная переправа в верховьях реки. Именно этим нескончаемым путем шли торговые обозы или специального военного назначения грузы. В качестве попутных лиц выступали богомольцы и вольные путники.

Другие пути вокруг слияния Оки и Орлика достаточно часто страдали от неблагоприятных погодных условий и поэтому надежными не воспринимались. Подтверждение этому факту была жалоба орловского воеводы Семёна Волконского, который после очередного разлива рек и затруднений, вызванных подтоплением моста, сетовал на различные внешние угрозы. Он боялся, что в случае набега татар среди жителей соседних уездов, которые сбегутся в город для его защиты, утонувших будет большое количество и выехать из города воинам через Оку будет невозможно [17].

Последствием этих природных явлений было трудоемкое и хлопотное восстановление различных мостных строений. Местные жители пытались ремонт моста перенаправить от себя, используя различные, иногда даже нестандартные формулировки. К примеру, челобитная 1645 года, в которой местная элита переложила осуществление ремонта на уездных стрельцов и казаков. Ос-

новываясь на длительной переписке, мы видим, что они отказывались от возложенных обязанностей, отмечая, что «...изстари с уездными людьми сошнова никакова дела не дельвали и под городом на Оке реке сошнова мосту не мащивали...» [17]. Исход спорной ситуации был не в их пользу, и им все же приказали заниматься этой работой, но и представителям привилегированной части города все же пришлось выполнять схожую работу, но по «большим дорогам» в уезде, где они их делали «наперед сево».

Суровые условия и достаточно частые перепады погоды приводили в негодность деревянные мосты. Они сносились половодьями и поэтому со временем сменялись один за другим. Во время половодий, когда мост сносило, местной администрации предписывали организацию временных паромных переправ.

Важной вехой в устройстве города стало принятие регулярного плана застройки. Именно это поспособствовало тому, что начиная с XVIII века город стал быстро увеличиваться со всех берегов, протекающих через него рек.

Необходимость строительства постоянного моста над р. Окой в центре города Орла, как видно из документов, обуславливалась регулярными весенними половодьями, которые сносили временные мосты и тем самым блокировали движение людей и товаров.

В 1862 году появились первые два проекта по устройству в Орле постоянно действующих переправ и мостов, отмеченные главным управлением министерства путей сообщения. Эти проекты принципиально расходились в ключевых постройках – сделать, как и прежде, деревянный мост или же все же пойти по примеру европейских стран и впервые опробовать строительство железного и навесного моста. Однако оба этих проекта не были реализованы в связи с открытием в скором времени земских учреждений.

В 1864 году, после открытия земских учреждений, министерство внутренних дел сделало начальнику Орловской губернии предложение о передаче вопроса по устройству в городе Орле на р. Оке и р. Орлике постоянных мостов на почтовом тракте на усмотрение Орловского губернского земства [2].

К вопросу строительства мостов в городе Орле вернулись лишь в 1875 году, когда Орловская городская дума приняла решение о строительстве двух постоянных мостов в городе, один из которых предполагалось построить над Орликом (Александровский), а второй над Окой (Мариинский).

Первоначально к Окскому мосту предъявлялись следующие требования: 1) опоры пролетных частей моста необходимо было сделать каменными; 2) пролетные части изготовить из железа; 3) подъездные части сделать земляными [2]. План моста был представлен орловским инженером Верховцевым. Именно этот план и рассматривался министерством путей сообщения как основной при утверждении строительных работ.

Орловская городская дума при рассмотрении данного проекта отметила, что устройство подъездных земляных дамб сплошными принесет вред тем жителям города, которые находятся около мостов, так как уменьшит стоимость этих домов. В этой связи гласные выступили за замену сплошных дамб пролетными. После внесения необходимых изменений Верховцевым проект был представлен в министерство путей сообщения, которое, однако, после изучения отклонило его в связи с тем, что для быков и устоев двух мостов не были проведены соответствующие расчеты [2].

В том же 1875 году инженер Верховцев исправил недочеты, после чего министерство утвердило проект 18 февраля 1876 года за № 598. После этого губернатором (К. Н. Боборыкиным (1875–1888 гг.)), согласно указанию техническо-строительного комитета

была учреждена комиссия, в которую приглашены инженеры Фон-Дезен, Мерзляков и Савельев. 26 марта 1876 года, в ходе заседания Орловской городской думы, была избрана комиссия по устройству постоянных мостов в Орле под председательством И. А. Авилова, которая действовала вплоть до окончания всех работ. Предыдущая комиссия закончила свою деятельность заключением предварительного договора от 4 июля 1876 года с председателем правления общества Брянского рельсопрокатного завода князем В. Н. Тенишевым, взявшим на себя постройку мостов в г. Орле на реках Оке и Орлике [2].

Комиссия под председательством И. А. Авилова также остановила свой выбор на Брянском рельсопрокатном заводе, потому что хозяева завода предложили за строительство мостов самую дешевую цену. Возможно, это было неслучайно, поскольку семья Тенишевых была известна своей благотворительной деятельностью. 26 марта 1876 года был заключен нотариальный договор между И. А. Авилковым, которого Орловская городская дума уполномочила на совершение действий от ее имени, и уполномоченным представителем подрядчика В. Ф. Крахтом. Нотариусом по договору выступил Жедринский.

После подписания нотариального договора с Брянским рельсопрокатным заводом комиссия по устройству постоянных мостов в Орле (далее – Комиссия) пригласила инженера А. И. Лебединского для занятия должности производителя работ по строительству мостов. Ранее участвовавший в проектировании инженер Верховцев, отказался занять эту должность, поскольку не удовлетворился предложенной суммой за свою работу в размере 5 тыс. руб. Он запросил сумму в 11,5 тыс. руб., что превышало общий объем финансирования в 10 тыс. руб., обозначенный Орловской городской думой за проведение административных работ по строительству Орлицкого и Окского мостов.

В ходе рассмотрения и доработки проекта по строительству Мариинского моста одним из первых встал вопрос о необходимости замены сплошных дамб пролетными. Согласно заявлению прибрежных землевладельцев и торговцев города Орла, устройство сплошных дамб могло принести для них вред, поскольку загородило бы проезд по улице и тем самым уменьшило бы стоимость их домов, а во-вторых, могло угрожать жизни и здоровью при пожаре.

18 мая 1876 года Комиссия определила: просить производителя работ А. И. Лебединского изготовить проект арочной системы вместе со сметой на её стоимость, что и было сделано. Однако, когда данный проект был представлен князю Тенишеву В. Н., тот заявил, что замену сплошных дамб арочными он может произвести только с условием доплаты к сумме, указанной в контракте, 46 000 руб. [2].

3 июня 1876 года А. И. Лебединский выступил с докладом в Орловской городской думе о необходимости замены сплошных дамб дамбами арочной системы, после чего дума утвердила решение об изменении в проекте моста, отправив отредактированные планы губернатору. 10 августа 1877 года технический строительный комитет министерства внутренних дел утвердил планы строительства.

Ранее 11 августа 1876 года Орловская городская дума постановила: «...1. увеличить прописанную в договоре с князем Тенишевым сумму на 46 тыс. рублей; 2. дать возможность Управе занимать эти деньги на условиях, которые утверждены Думой для займа всей суммы, необходимой для строительства мостов в заседании 16 марта 1876 года... для предоставления подрядчику всей требуемой суммы для строительства мостов через реки Оку и Орлик, разрешить Управе по необходимости занимать деньги в Орловском городском банке с выдачей обя-

зательного в размерах указанных для этого Министром Финансов; 3. подписать через нотариуса с князем Тенишевым отдельный договор, и уполномочить его подписать председателя комиссии И. А. Авилова; 4. при подписании договора разрешить руководствоваться проектом инженера Лебединского, одобренным Думой на заседании 3 июня 1876 года; 5. принять за основание единичного расчета расценочную ведомость князя Тенишева от 18 июня как в отношении цены на каменную кладку, так и на железо, если количество его будет изменено против первоначального проекта...» [2].

По поводу хода строительства моста через реку Оку Комиссия отметила крайнюю медленность работ, о чем сообщила уполномоченному подрядчику Харитонову.

В ответ Комиссия получила от подрядчика письмо с предложением: 1) оплатить Брянскому заводу полную стоимость осуществленных на данный момент работ и подготовленных материалов для строительства мостов;

2) направить доверенное лицо в Санкт-Петербург для подписания формального договора о строительстве мостов, без которого последующее производство работ по новым чертежам, как не соответствующее контракту 26 марта 1876 года, приостановить [2].

В ходе переписки Комиссии с Брянским рельсопрокатным заводом было решено выплатить Харитонову стоимость уже произведенных работ и заключить новый нотариальный контракт с подрядчиком.

В связи с особенностями орловского грунта в проект Окского моста были внесены изменения. В частности, «из исполнительных чертежей устоев и быка видно, что против первоначального проекта инженера Верховцева пришлось вынуть земли на 4/2 сажени более». Это повлекло за собой увеличение объемов необходимых работ и большие затраты на строительные материалы. Исходя

из этого Комиссия и Управа обратились к Орловской городской думе с предложением увеличить кредит на устройство двух мостов через Орлик и через Оку.

По мнению Комиссии и Управы, стоимость постройки двух постоянных мостов в городе Орле должна была обойтись от 350 000–375 000 рублей. При этом Комиссия и Управа отмечали, что, несмотря на значительное увеличение стоимости строительства мостов, та огромная польза, которая «будет для города от устройства капитальных мостов на «вечные времена», не идет ни в какое сравнение с расходами на их постройку.

В результате 15 марта 1878 года на очередном заседании Орловская городская дума отделила вопрос постройки Окского моста от вопроса строительства Орлицкого моста. На том же заседании думы было решено: «...1. Окончить Окский мост в 1878 году и подрядчика удовлетворить по единичной расценке его, от 18 июня 1878 года; 2. Заключить контракт с подрядчиком на устройство Окского моста, руководствуясь постановлением Думы от 11 августа 1876 года; 3. Удовлетворить князя Тенишева за все отступления, хотя бы в этом случае и пришлось уплатить излишек против суммы 276 000 рублей, предполагавшейся за оба моста...» [2]. Как видно из постановления, первоначальная стоимость обоих мостов по проекту А. И. Лебединского составляла 276 тыс. рублей. Однако после изменения проекта и консультаций с подрядчиком сумма увеличилась до 350–375 тыс. рублей, что могло лечь в дальнейшем тяжелым бременем на городскую казну.

Основываясь на озвученном постановлении Орловской городской думы, 30 марта 1878 года Комиссия и Управа обратились к руководству Брянского рельсопрокатного завода с предложением принять окончательное решение, «желает ли общество немедленно продолжать работы по устройству Окского

моста по единичной расценке, согласно ведомости, представленной князем Тенишевым 18 июня 1876 г. или же, он от работ этих отказывается» [2].

В результате 17 мая 1878 года «...был заключен нотариальный контракт на постройку постоянных мостов на реках Оке и Орлике между уполномоченной Думой И. А. Авиловым и уполномоченным обществом Брянского завода В. Ф. Крахт». Согласно этому договору: «...1. Договор от 26 марта 1876 года, а также и все другие по этому делу считать утвержденными; 2. За произведенные по сие время работы должен быть учинен расчет по единичной расценке, приложенной к заявлению князя Тенишева в Орловскую Думу, от 18 июля 1876 года; 3. По получении залогов, выдача авансом денег и 1000 рублей за изыскания общества Брянского завода обязано по первому требованию комиссии или производителя работ немедленно приступить к дальнейшим работам Окского моста. Что же касается Орличного моста, то общество Брянского завода принимает на себя только установку ферм и проезжей части, отказываясь совершенно от окончания каменных частей его; 4. За все работы получить обществу Брянского завода плату от города с каждой единицы работ по прилагаемой, подписанной обеими сторонами расценочной ведомости...» [2].

После заключения необходимых контрактов на производство каменных и земляных работ по обоим мостам дело постройки постоянных мостов «пошло безостановочно вперед».

По окончании капитальных работ возник вопрос о заказе и установке дополнительных приспособлений на мостах. В этой связи «...Комиссией было постановлено произвести заказ на чугунно-литейном заводе Сан-Галли в [Санкт-Петербурге] фонарей для виадуков Окского и Орличного мостов с приспособлениями для проведения газа и фонарей для

сальных Окского и Орличного мостов кронштейнами, а также заказ железных решеток, чугунных колонн, портиков и чугунных тумб для обоих мостов...» [2].

17 февраля 1879 года, после окончания всех работ на Окском мосту, Комиссия Орловской городской думы совместно со специальной технической Комиссией провела испытание железных частей Окского моста. «Пробная нагрузка была произведена рельсами в количестве 17 459 пудов на пролете моста. По разгрузке моста прогиб оказался от 1/2110 и 1/3220. Комиссия, признав полученные при испытании результаты удовлетворительными и работы исполненными правильно, разрешила открыть мост для постоянного движения экипажей и пешеходов» [2].

Когда были завершены все мелкие работы на мостах, за исключением установки портиков, Комиссия доложила в Орловскую городскую думу об окончании постройки постоянных мостов в Орле [2].

Относительно Окского моста Комиссия обратилась в Орловскую городскую Думу с прошением «исходатайствовать через начальника Губернии Всемилостивейшего разрешения у Государя Императора о соизволении Государыни Императрицы наименовать Окский мост «Мариинским», чтобы тем самым соединить дорогое имя Государыни Императрицы всегда готовой содействовать всякому истинно полезному делу». Согласно данному прошению «...имя дорогое, глубоко запечатленное в сердце всякого русского человека будет неразрывно соединено с самым грандиозным, самым полезным долгом ... городского общества, долгом постройки постоянных мостов, неисчерпаемая польза которых для города в настоящее время уже по опыту очевидна. Вместе с тем комиссия выражает Думе желание по исходатайствованию означенного разрешения выгравировать на чугунной доске золотыми буквами название моста «Мариинский» и утвердить эту доску при входе на мост, чтобы этим дорогим именем

положить высшую санкцию несомненно полезному для города делу устройства постоянных мостов и видимым образом запечатлеть глубокие чувства уважения, любви и преданности граждан города Орла к Возлюбленной Государыни Императриц...е» [2].

Официальное открытие моста состоялось 22 декабря 1880 года.

Сумма расходов на строительство обоих мостов – через Оку и Орлик – составила 419 778 рублей 55 коп. Комиссия предложила несколько способов погашения кредитов, взятых для строительства, каждый из которых содержал подробные расчеты и был направлен на снижение нагрузки на жителей города Орла.

Первый способ предполагал выпуск городских 5-процентных облигаций на общую сумму 600 000 рублей.

Второй способ погашения долгов города подразумевал «ходатайствовать у Правительства о разрешении городу занять у казны 600 000 рублей на следующих условиях: 4 % город должен уплачивать казне за ссуду и 2 % ежегодно на погашение займа...».

Также Комиссия обозначила несколько новых источников доходов для города, среди которых: 1) «...взимание полупроцентного сбора с недвижимых имуществ, составляющий 14 500 рублей ежегодно»; 2) «...взимание специализированными железнодорожными киосками по 30 копеек с отдельного груженого вагона, прибывающего или проходящего мимо Орла, что могло составить ежегодно сумму приблизительно в 12 000 рублей»; 3) взимание в пользу города по 50 копеек с каждой штуки пригоняемого в Орел рогатого скота»; 4) «введение посаженного налога с площадей по 3 копейки с 1 сажени...»; 5) «отчисление из прибытий городского общественного банка ежегодно 15 000 рублей...» [2].

Комиссия предоставила в Орловскую городскую думу подробную смету расходов на устройство обоих мостов в виде таблиц. Согласно ведомости постройки моста через р. Оку

ИСТОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВА

Мариинский мост состоял из двух пролетов с проездом под мостом, каждый пролет составлял 25 саженой на каменных опорах, с въездами на арочных виадуках и глухих дамбах.

Все расходы по строительству Мариинского моста можно представить в следующем виде:

Длина собственно моста через р. Оку п.с. – 53–20.

Длина каменных частей виадуков и дамб п.с. – 98–88.

Длина земляных дамб п.с. – 22–83.

Общая длина 174–91.

На эту сумму было уплачено по счетам и квитанциям:

1.Брянскому заводу за устройство устоев, быка, виадуков, пролетной части моста, съездов с укреплением берегов – 271 233 рубля 03 коп.

2.Заводу Сан-Галли за устройство фонарей на мосту, портиков, решеток, перил и фонарей на виадуках – 21 621 рубль 21 коп.

3.Рядчику Иванцову за устройство мостовой по улицам с обеих сторон, виадуков под арками, перемощение местами старой мостовой и планировки улиц – 2615 рублей 78 коп.

4.Рядчику Овечкину за устройство подмоостей для сборки портиков, поставку поденно рабочих для этой цели, устройство временной кузницы для этой же надобности и устройство двух сторожевых будок – 1253 рубля 63 коп.

5.Мебельщику Боркусу за устройство дубовых поручней – 239 рублей 62 коп.

6.Рядчику Хохлову за каменные работы при устройстве постаментов для портиков – 187 рублей 00 коп.

7.Рядчику Гордунову за окраску решеток и фонарей – 200 рублей 00 коп.

Итого: 297 350 рублей 27 коп. [2].

Таблица 1 – Расходная ведомость строительства Мариинского моста в г. Орле

Статья расходов	На какие цели	Сумма
I	Устройство быка	26 162 руб. 25 коп.
II	Устройство двух устоев	34 276 руб. 55 коп.
III	Устройство пролетной части формы и катки моста с настилом, перилами и фонарями	90 689 руб. 82 коп.
IV	Устройство металлических портиков с постаментами	11 315 руб. 13 коп.
V	Устройство арочных виадуков и дамб с тротуарами, бульжной мостовой, чугунными тумбами, железными решетками, чугунными колоннами, фонарями на чугунных колоннах и дренажем за стенками чугунных дамб	127 969 руб. 50 коп.
VI	Приведение в правильный вид берегов р. Оки около моста, их замощение, устройство мощеных сходов и мощение улиц вдоль виадуков и под арками	6937 руб. 02 коп.
ИТОГО		297 350 руб. 27 коп.

По окончании всех работ и после представления в Орловскую городскую думу подробного отчета о строительстве постоянных мостов в городе Орле Комиссия окончила свою деятельность.

В книге орловского архитектора С. И. Фёдорова имеется информация о месте нахождения оригинальных чертежей и планов постоянных мостов Орла XIX века. Автор описывает, что, просматривая в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга документы, он нашел в материалах технико-строительного комитета фонда МВД ценнейшие чертежи проектов первых металлических мостов в городе Орле. Данные материалы содержали: чертежи мостов через Оку и Орлик, множество листов расчетов, пояснительных записок и т.п., некоторые чертежи были значительных размеров и достигали 4–5 метров. Оба проекта относились к 1877 году и были подписаны инженером А. Лебединским (ЦГИА. Ф.1293, Оп. 167, Д. 50, 1877 г.) [26]. На титульном листе проекта было указано: «Проект постоянного железного моста голландской системы через реку Оку в городе Орле» [23]. Нами были проверены эти данные, и оказалось, что в настоящее время в Российском государственном историческом архиве – РГИА (бывший ЦГИА) – в Санкт-Петербурге, в вышеуказанном фонде и деле, и сейчас хранится проект Мариинского моста инженера А. Лебединского.

Есть сведения, что с одной и с другой стороны Мариинского моста были возведены арочные каменные опоры, а в центре реки установлен каменный бык, на который и опирался двухпролетный мост с галереей из литых конструкций. Над двумя въездами на мост было написано его название. Ажурное литье Мариинского моста являлось визитной карточкой города. Старинные фотографии моста голландского типа частично передают красоту этого сооружения, удачно вписыва-

ющегося в историческую панораму центральной части города.

Интересен тот факт, что для строительства новых мостов городские чиновники взяли в Орловском городском банке огромный по тем временам кредит в 528 000 рублей. Сделано это было при деятельном участии директора банка Николая Авилова, который в то время возглавлял партию купцов, занимающих существенное количество мест в городской думе.

В 1883 году среди вкладчиков поползли слухи о том, что в банке дела плохи. Через некоторое время появилась и официальная информация: директор банка Николай Авилов был уличен в подлоге, растратах и прочих злоупотреблениях, за что в 1885 году был сослан в Томск на восемь лет. Это было лишь самое начало всех неприятностей. Вспомнили и о кредите, выданном почти десять лет назад на постройку мостов. Городская управа все эти годы платила проценты – 31 с лишним тысячу рублей в год. Однако оплатить счет на 860 000 рублей (полная сумма кредита с процентами) городская казна была не в силах. Банкротство банка ввергло Орёл в тяжелый кризис. Разорились торговцы среднего класса и домовладельцы, недвижимость упала в цене в два раза, выросли налоги [10].

Вкладчики банка обратились к жителям с требованием отдать им в счет долга все их имущество. При этом они ссылались на 25-ю статью Положения о городских банках 1862 года, в которой сообщалось, что внесенные в банк вклады обеспечиваются поручительством городского общества, которое ответственно за сохранность вкладов банка. В газетах завязалась ожесточенная переписка, в ходе которой городской гласный Василий Ильинский доказывал, что под городским обществом понимается городское поселение, состоящее из думы и управы, и население ни в коем случае не несет ответственности за

решения чиновников, натворивших разные глупости [10].

Судебные тяжбы между городом и конкурсным управлением длились много лет. Вполне вероятно, что городу пришлось бы отвечать «всем имуществом» и отдавать вкладчикам 3 000 000 рублей, не вмешайся в эту ситуацию новый глава города Дмитрий Волков, назначенный на эту должность указом Императора в 1887 году. Благодаря его стараниям долг городской казны банку был признан в сумме 528 000 рублей, а вопрос о том, чтобы жители Орла выплачивали долги банку своим имуществом, и вовсе был закрыт.

Сумму, присужденную городу, постепенно начали выплачивать. Однако благодаря этому событию в городское положение 1892 года был внесен антикоррупционный пункт, запрещающий гласным участвовать в подрядах и поставках, касающихся городского имущества [10].

Первая реконструкция Мариинского моста произошла уже в 1898 году в связи с открытием движения по нему орловского трамвая. По Мариинскому мосту был проложен двухколейный путь, а по верхним конструкциям размещена контактная сеть.

После Октябрьской революции, в июле 1919 года, Орловский горисполком постановил: «...поручить отделу городского хозяйства снять с мостов старые вывески и переименовать: Александровский – в Ленинский, Мариинский – в Красный». В неизменном виде мосты просуществовали до Великой Отечественной войны.

В июле 1941 года Орловской областной проектной конторой «Облпроект» был подготовлен проект реконструкции дамб Красного моста. Автором проекта стали архитекторы К. Г. Силобрам и А. С. Гольдин, а также начальник и главный инженер «Облпроекта» Еринский. В проекте предусматривалось устройство более удобных переходов с тротуаров дамбы на тротуары улиц посредством

ликвидации существующих откосов, разности высот, с засыпкой низких мест проездов до уровня спланированных отметок с целью обеспечения более свободного движения автогужевого и трамвайного транспорта [5].

Работы по реконструкции дамб были разделены на 2 этапа: реконструкция дамбы Красного моста правого берега р. Оки и реконструкция дамбы на левом берегу р. Оки.

В ходе реконструкции подъезда на дамбу на правом берегу р. Оки трамвайное полотно должно было остаться без изменений, также как и конструкция моста.

По остальным реконструкционным работам дамбы на правом берегу Оки были запланированы следующие мероприятия: «...мощение брусчаткой производится от существующего замощения асфальтобетоном до начала дамбы полосами той же ширины, что и асфальтобетон, оставляя трамвайное полотно шириной в 55 см. Брусчатка настилается по песчаному корыту в 0,16 м. Поперечный уклон запроектирован в 0,03°. Подсыпaeмый грунт ... трамбуется слоями в 0,15–0,20 см. с поливкой водой во избежание большой осадки при эксплуатации. Правая сторона (при выезде на мост) имеет проезд, рядом с дамбой к берегу р. Ока, мощение которого производится булыжником аналогично мощению брусчаткой с продольным уклоном 0,08 и поперечным односкатным уклоном 0,03 к тротуару...» [5].

На время ремонтных работ проезд к реке Оке планировалось полностью перекрыть.

Тротуар от дамбы по проезжей части, согласно проекту, планировали устроить в виде асфальтовой полосы по известково-щебеночному основанию. Бордюры устанавливались из брусчатки «...путем подбора в соответствующее положение». Левая сторона, ввиду большой разницы высокого тротуара дамбы и улицы и низкого уровня пола зданий 1-го этажа, планировалась с небольшой высотой засыпки и на небольшом протяжении, что

осуществлялось путем устройства подпорной стенки под тротуаром перехода.

Для перехода от поднятого тротуара на существующий предполагалось устроить каменную лестницу размером ступеней 15х35 см., а металлические перила с оградительными тумбами установить на подпорной стенке и на лестнице, аналогично существующим на дамбе [5].

Далее согласно пояснительной записке к проекту реконструкции дамб Красного моста дано подробное описание работ: «...подпорная стенка имеет максимальную высоту в 1,30 м и минимальную в 1,0 м. Устраивается из бута на цементном растворе 1:4.

Поперечный уклон левой стороны в своей проезжей части равен 0,03° и по мере уширения площади имеет еще уклон в 0,05° к тротуару, что сохраняет допускаемую высоту проезда во двор 3,26 м.

Существующий вход в библиотеку поднимается за счет высоты фрамуги и устраивается внутри здания горизонтальной площадкой в 0,06 м и спуском из двух деревянных ступеней. Тротуары устраиваются асфальтовые с поперечным уклоном от здания 0,015. Основание под тротуары известково-щебеночные толщиной в 0,12 м. Высота бордюрного ограждения тротуаров равна 0,15 м.

Сток ливневых вод в правой части проезда осуществляется по лотку уклоном 0,074 и отводится от ул. Дзержинского. Левая часть имеет уже существующую ливневую канализацию из чугунных труб = 350 м/м до дамбы, а дальше отводится по деревянной трубе к Оке.

В проекте добавляется устройство с присоединением в существующей новой ливневой канализации из железобетона или деревянных труб = 350 м/м глубиной заложения до 2 метров частично вместо деревянных существующих.

В местах, где трубы ливневой канализации проходят выше глубины промерзания, они

утепляются шлаком с толщиной слоев вокруг трубы до 0,3 м. и сверху трубы до слоя смазки глиной, толщиной в 0,20 м смазка устраивается непосредственно под песчаным корытом мостовой.

Уклон труб равен 0,01 и 0,05, на ливневой канализации устраиваются два дождеприемника $d=1,0$ м из кирпича на цементном растворе 1:4 с цементной штукатуркой глубиной заложения до 2 м.

Существующий смотровой колодец на конце существующей ливневой канализации из чугунных труб наращивается на высоту 0,55 м.

Новый смотровой колодец устраивается в месте перелома ливневой канализации. Колодец устраивается кирпичный на цементном растворе 1:4 и с цементной 2-сторонней штукатуркой диаметром в 1,0 м глубиной заложения до 2 м...» [5].

В ходе реконструкции дамб мачтовые столбы электросети планировалось перенести с проезжей части к тротуару. Также проектировщики посчитали, что вместо существующих на проезжей части круглых металлических столбов для поддержания трамвайных проводов поддерживающие провода требуются прикрепить к стенам зданий.

Целью реконструкции дамбы на левом берегу р. Оки являлось «упорядочение подходов к Красному мосту, т.е. обеспечение удобных переходов для пешеходов с тротуаров улицы на тротуар дамбы, обеспечение удобных поворотов автогужтранспорта с ул. Маяковского на Черкасскую и Кооперативный переулочек и наоборот» [9].

Проектировщиком была проведена вертикальная и горизонтальная съемка, на основе которой предполагалось обеспечить необходимые стоки для ливневых вод без применения подземной ливневой канализации, т.е. удаление воды исключительно путем наружных кюветов, а также передвижение начала дамбы ближе к реке – угол Кооперативного

пер. (Богоявленский пер.).

Согласно пояснительной записке проекта «...основная ось ул. Маяковского, проходящая между трамвайными путями от точки, где в настоящее время кончается асфальтобетонный покров, опускается с уклоном $v = 0,01$, в стороны реки до пересечения с осью Черкасской ул. и Кооперативного пер. делается горизонтальной. За горизонтальной частью оси ось поднимается с уклоном $= 0,01$ на протяжении 6,20 м и с этого места, где запроектировано новое начало дамбы, ось с уклоном $= 0,05$ поднимается вверх до пересечения ее с существующей осью дамбы. Поперечные главной оси уклоны заданы $v = 0,025$. Для обеспечения вышеуказанных уклонов необходимо срезать верхнюю часть дамбы и засыпать боковые части Кооперативной улицы, находящиеся в настоящее время по бокам дамбы и насыпи перед ее началом. От углов Черкасской улицы и Кооперативного пер. по направлению к реке делаются скаты насыпи с $0,05$ до пересечения их с существующим рельефом. По Кооперативному пер. устраивается уклон в сторону сквера им. Маяковского, и от того места, где кончается подсыпка, вдоль существующего тротуара делается кювет с необходимым уклоном для отвода воды в реку через продолжение Кооперативного пер., выходящего к реке. Продолжение кювета вдоль правой ул. Маяковского пересекает начало Черкасской ул., и дальше кювет располагается у тротуара, который проходит вдоль кинотеатра «Молот». В связи с повышением уровня улицы у перекрестка сток воды с этой улицы окажется закрытым. Поэтому Черкасская ул. требует также реконструкции и устройства стока воды в сторону пер. Безбожников путем подсыпки в начале улицы и выемки у пересечения Черкасской ул. пер. Безбожников. Отсюда вода будет отводиться по пер. Безбожников к Оке» [9].

Как пояснили проектировщики, «реконструкция Черкасской ул. необязательна, если

выяснится возможность отвода ливневых вод через квартал прямо в реку. Ввиду того что на углу Кооперативного пер. расположен большой мясной магазин, крайне нежелательной является подсыпка около него. Поэтому вдоль той стороны магазина, которая выходит на дамбу, существующий тротуар остается на прежнем уровне, а по его краю устраивается подпорная стенка, сход на уровень тротуара у магазина делается посредством каменной лестницы на углу дома» [9].

Согласно горизонтальной проектировке «...дамба больше не будет стоять поперек Кооперативного пер. и Черкасской ул., и поэтому будет обеспечен свободный проезд с улицы на улицу, и при повороте широкий тротуар у торговых рядов доводится до Кооперативного пер., откуда будет удобно переходить на тротуар дамбы, переходя полосу брусчатой мостовой. Остальные тротуары остаются в плане такие же, что и были раньше. Изменяются только их вертикальные отметки...» [9].

«...Основная проезжая часть по Кооперативной ул. кроется брусчаткой толщиной в 17 см. Песчаная подушка на ней 15 см. Остальные проезжие части постыются булыжником на песчаной подготовке. По оси 3-3 на границе между брусчатой и булыжной мостовыми укладывается полоса брусчатки на бетонной подготовке, под которой подсыпка делается щебеночной с проливкой сложным раствором. Это делается с целью предупредить сползание брусчатой мостовой вниз по рельефу. Тротуары делаются асфальтовые, литые, на щебеночной подготовке. Подсыпка под тротуары делается щебеночной. Тротуарные бордюры делаются гранитными...» [9].

Таким образом, реконструкция дамб Красного моста должна была привести к организации удобных переходов и переездов с дамб моста на тротуары улиц. Однако оккупация Орла немецкими захватчиками не позволила осуществиться этим планам.

3 октября 1941 года Орёл был захвачен

немецкими войсками. В период немецкой оккупации Красный мост продолжали называть Мариинским, о чём свидетельствуют подписи на фотографиях того периода.

В начале августа 1943 года отступавшие из Орла немецкие войска взорвали все мосты и переправы в городе, в том числе Красный мост, металлические конструкции которого были сильно повреждены взрывом и упали в воду. Однако опоры моста устояли.

После освобождения города Орла 5 августа 1943 года рядом с взорванным Красным (Мариинским) мостом были построены временные переправы, а после войны началось восстановление постоянного высоководного моста.

В 1949 году начались работы по реконструкции (восстановлению) разрушенного немцами Красного моста. Курировал строительные работы исполнительный комитет городского совета трудящихся депутатов. 29 июля 1949 года Орловскому горисполкому был представлен технический проект строительства (реконструкции) высоководного моста через р. Оку. Проект строительства моста был подготовлен Московской конторой «Союздорпроект» ГУШОСДОР МВД СССР [8].

В ходе заседания Горисполкома проект был одобрен решением № 510 от 29 июля 1949 года. Вместе с тем были высказаны определенные замечания и рекомендации. В частности, создателей проекта просили учесть необходимость пропуска через мост городских коммуникаций, в том числе «водопроводных труб диаметром 10 дюймов в количестве 2 штук; электрокабелей освещения диаметром 3 дюйма в количестве 2 штук». Также Горисполком отметил, что боковые лестничные сходы с моста проектировать не следует, а «перила на мосту необходимо принять новые, художественного литья или цоковки без использования существующих». При этом заказчик работ отметил, что «при проектировании художественного оформления моста, перил,

обелисков, колонн для электроосвещения и прожекторов и прочего желательна отразить современную эпоху». При реконструкции Красного моста были использованы местные материалы. На период восстановительных работ в Орле был организован деревянный мост по оси улицы Пересыханка и Безбожного переулка для общественного объезда через р. Оку [8].

В декабре 1949 года исполнительный комитет города Орла под председательством И. Крапчина отметил, что управление благоустройства и «Дормосттрест» города Орла, курирующие работы по восстановлению Красного моста, «...крайне медленно выполняют предложение эксперта ДорНИИ ГУШОСДОР МВД СССР о ремонте высоководного моста через р. Оку». В этой связи вышеуказанным ведомствам было поручено «...немедленно развернуть полным ходом ремонтные работы по высоководному мосту через реку Оку, предусмотренные в заключении эксперта ДорНИИ ГУШОСДОР МВД СССР...», и окончить все работы в десятимесячный срок. Все ремонтные мероприятия по восстановлению моста были профинансированы из общих расходов на благоустройство города [7].

Проект по восстановлению моста и архитектурный облик Красного моста разрабатывал архитектор СДП ГУШОСДОР МВД СССР А. И. Зайцев. В ходе рассмотрения данного проекта, который представил главный архитектор Орла Борис Антипов, горисполком также сделал несколько замечаний и предложений: «а) мотив моста в решетках над металлической частью моста повторить *через два звена*; б) *въездные архитектурные композиции обогатить тематическим* содержанием моста, используя дату основания города и тему социалистического строительства посредством введения мемориальных досок и барельефов» [6].

В том же 1949 году Орловским Горисполкомом была рассмотрена «...схема спрямле-

ния оси моста через р. Оку в связи с постройкой нового моста...». Речь идет также о восстановлении разрушенного немецкими войсками Красного моста. Представленная главным архитектором Б. Антиповым схема «...спрямления оси мостового перехода» была утверждена с учетом расширения левой части моста со стороны Московской улицы на 4 метра» [6].

В 1950 году на уцелевшие опоры моста была установлена двухпролетная стальная балка, а ширина дорожного полотна увеличена до двух полос в обе стороны. При реконструкции были сохранены арочные виадуки на правом и левом берегу реки Оки и центральная опора, устоявшая после взрыва. При этом старые конструкции моста на набережных были закрыты ложными арками и заново оштукатурены, что дало возможность обеспечить хорошую сохранность декоративных элементов Мариинского моста, тем самым законсервировав их. 1 июля 1950 года восстановленный Красный мост был открыт для движения, и с этих пор его конструктивная часть не претерпела значительных изменений.

В 1981 году опоры мачт освещения и контактной сети электротранспорта были вынесены от середины тротуара до существующего ограждения моста.

Последний капитальный ремонт моста с закрытием движения проводился в 1999 году. Учитывая хорошую сохранность наземных элементов Красного (Мариинского) моста, в 2001 году он был принят на государственную охрану местной категории на основании постановления Орловского областного Совета народных депутатов от 27 февраля 2001 года № 32/598-ЦС. Принятие под охрану состоялось после проведенных зондажей, подтвердивших хорошую сохранность исторических частей моста.

Таким образом, Мариинский (Красный) мост дошел до настоящего времени в изме-

ненном виде. В то же время сохранена его конструкция, арочные дамбы, каменный бык, лестницы XIX века. Сегодня звучат предложения о внесении изменений в проект реконструкции моста в части расширения его проезжей части до двух полос с каждой стороны движения. Расширение проезжей части моста неизбежно приведет к изменению облика и объемно-пространственных характеристик сооружения, что прямо запрещено действующим законодательством по сохранению историко-культурного наследия. Мы полагаем, что необходимо сохранить и отреставрировать существующие исторические элементы моста, а также рассмотреть вопрос о возвращении ему исторического наименования – Мариинский.

Библиография:

1. ГАОО. Ф. 2577. Оп. 1. Д. 29. Материалы о восстановлении г. Орла и развитии городского хозяйства.
2. ГАОО. Ф. 593. Оп. 1. Д. 661. Доклад думы, управ и комиссии по устройству постоянных мостов на реках Оке и Орлике в Орле от 6 апреля 1881 года.
3. ГАОО. Ф. Р-3664. Оп. 1. Д. 1. Планы по труду, финансовые сметы расходов, штатные расписания архитектурной, проектно-планировочной мастерской при областном отделе архитектуры за 1945–1950 гг.
4. ГАОО. Ф. Р-2577. Оп. 5. Д. 61. Отчеты государственного архитектурно-строительного контроля за 1981–1985 гг.
5. ГАОО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 11. Проект реконструкции подъезда дамбы Красного моста в г. Орле.
6. ГАОО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 589. Заседания исполкома горсовета депутатов трудящихся (ноябрь-декабрь 1949 г.) (О ремонте высоководного моста через реку Оку; о рассмотрении архитектурного оформления моста через р. Оку; о рассмотрении схемы спрямления оси

моста через р. Оку в связи с постройкой нового моста).

7. ГАОО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 573. Решения исполкома горсовета депутатов трудящихся (ноябрь-декабрь 1949 г.) (О ремонте высоководного моста через реку Оку; об ограничении движения по высоководным мостам через реки Ока и Орлик в городе Орле).

8. ГАОО. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 571. Решения исполкома горсовета депутатов трудящихся (июль 1949 г.) (Об утверждении технического проекта строительства высоководного моста через реку Оку в городе Орле).

9. ГАОО. Ф. Р-2594. Оп. 1. Д. 12. Проект реконструкции дамб Красного моста в г. Орле на левом берегу Оки.

10. Абросимова С. Орловские мосты: классический российский детектив. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2014/10/13/985>. (Дата обращения: 24.05.2020).

11. Антипов Б.В. Из прошлого. Орёл 1943–1955 гг. Воспоминания архитектора. – Орёл: «Вешние воды», 2002. – 80 с.

12. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до Царя Алексея Михайловича. – М.: Университетская типография, 1846. – 86 с.

13. Века над Окой: книга-альбом. – Орёл, 1996. – 296 с.

14. Емельянов В.Г. Улицы города Орла: История названий: Справочник. – Тула, 1986. – 127 с.

15. Королев А.А., Ливцов В.А. Религиозная безопасность России: история и проблемы. – Москва, 1997.

16. Кострица А.Ф. Край наш Орловский. – Тула, 1974. – 104 с.

17. Летопись города Орла (1566–1977 гг.). – Тула, 1980. – 278 с.

18. Неделин В.М. Орёл изначальный. – Орёл: «Вешние воды», 2001. – 280 с.

19. Очерки истории Орловского края: с

древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. – Орёл, 1968. – 232 с.

20. Пупарев А. Орловская старина: Исторические сведения об Орловской губернии. – Т. 1. – Орёл, 1872.

21. Пясецкий Г.М. Исторические очерки г. Орла. – Орёл, 1874. – 229 с.

22. Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. – Орёл, 1993. (Перепечатка книги «Исторические очерки г. Орла» 1874 года). – 251 с.

23. Трохина О.М., Корчева Л.Л. Орловские губернаторы. – Орёл: «Вешние воды», 1998.

24. Федоров С.И. Архитектурные образы Орловщины. – Тула: Приокское книжное издательство, 1982 – 152 с.

25. Федоров С.И. Очерки архитектуры Орла. – Тула: Приокское книжное издательство, 1992 – 152 с.

26. Федоров С.И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода – комплексные памятники истории и культур. – Ленинград: Стройиздат, 1975.

27. Федоров С.И. Эпохи, памятники, люди. Автобиография архитектора. – Орёл, 2001.

28. Фролов П.И., Чернова И.Н. Летопись Орла. – Тула: Приокское книжное издательство, 1980.

29. Хрестоматия по истории Орловского края: Пособие для учителя. – Вып. 1: С древнейших времен до февраля 1917 года. – Тула, 1966. – 204 с.

References:

1. GAOO. F.2577. Op.1. D.29. Materialy o vosstanovlenii g. Orla i razvitiia gorodskogo khozyaystva [Materials about the restoration of the city of Orel and the development of the urban economy]. (In Russ.).

2. GAOO. F. 593. Op.1. D.661. Doklad dумы, uprav i komissii po ustroystvu postoyannykh mostov na rekakh Oke i Orlike v Orle ot 6 aprelya 1881 goda [Report of the Duma, Administration

and Commission on the construction of permanent bridges on the Oka and Orlik rivers in Orel dated April 6, 1881]. (In Russ.).

3. GAOO. F. R-3664. Op.1. D.1. Plany po trudu, finansovyye smety raskhodov, shtatnyye raspisaniya arkhitekturnoy, proyektno-planirovochnoy masterskoy pri oblastnom otdel'noy arkhitektury za 1945–1950gg. [Labor plans, financial cost estimates, staffing tables of the architectural, design and planning workshop at the regional department of architecture for 1945–1950]. (In Russ.).

4. GAOO. F. R-2577. Op.5. D.61. Otchety gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo kontrolya za 1981–1985gg. [Reports of the state architectural and construction control for 1981–1985]. (In Russ.).

5. GAOO. F. R-2594. Op.1. D.11. Proyekt rekonstruktsii pod'yezda damby Krasnogo mosta v g.Orle [Reconstruction project of the entrance to the dam of the Red Bridge in Orel]. (In Russ.).

6. GAOO. F. R-15. Op.1. D. 589. Zasedaniya Ispolkoma Gorsoveta deputatov trudyashchikhsya (noyabr'-dekabr' 1949g.) (O remonte vysokovodnogo mosta cherez reku Oku; o rassmotrenii arkhitekturnogo oformleniya mosta cherez r.Oka; o rassmotrenii skhemy spryamleniya osi mosta cherez r. Oku v svyazi s postroykoy novogo mosta [Meetings of the Executive Committee of the City Council of Workers' Deputies (November-December 1949) (On the repair of a high-water bridge across the Oka River; on the consideration of the architectural design of the bridge over the Oka River; on the consideration of the scheme of straightening the axis of the bridge across the Oka River in connection with the construction new bridge)]. (In Russ.).

7. GAOO. F. R-15. Op.1. D.573. Resheniya Ispolkoma Gorsoveta deputatov trudyashchikhsya (noyabr'-dekabr' 1949g.) (O remonte vysokovodnogo mosta cherez reku Oku; ob ogranichenii dvizheniya po vysokovodnym mostam cherez reki Oka i Orlik v gorode Orle [Decisions of the Executive Committee of the City Council of

Working People's Deputies (November-December 1949) (On the repair of a high-water bridge across the Oka River; on the restriction of traffic on high-water bridges across the Oka and Orlik rivers in the city of Orel)]. (In Russ.).

8. GAOO. F. R-15. Op.1. D.571. Resheniya Ispolkoma Gorsoveta deputatov trudyashchikhsya (iyul' 1949 g.) (ob utverzhenii tekhnicheskogo proyekta stroitel'stva vysokovodnogo mosta cherez reku Oka v gorode Orle [Decisions of the Executive Committee of the City Council of Working People's Deputies (July 1949) (on the approval of the technical project for the construction of a high-water bridge across the Oka River in the city of Orel)]]. (In Russ.).

9. GAOO. F. R-2594. Op.1. D.12. Proyekt rekonstruktsii damb Krasnogo mosta v g. Orle na levom beregu Oki [Reconstruction project of the dams of the Red Bridge in the town of Oryol on the left bank of the Oka]. (In Russ.).

10. Abrosimova S. Orlovskiy mosty: klassicheskiy rossiyskiy detektiv [Orlovskie bridges: a classic Russian detective story]. [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.proza.ru/2014/10/13/985>. (Data obrashcheniya: 24.05.2020). (In Russ.).

11. Antipov B.V. Iz proshlogo. Orol 1943–1955 gg. Vospominaniya arkhitekora [From the past. Eagle 1943–1955 Memories of an architect]. – Orol: «Veshniye vody», 2002. – 80s. (In Russ.).

12. Belyayev I. O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na pol'skoy Ukraine Moskovskogo gosudarstva do parya Alekseya Mikhaylovicha [About the patrol, stanitsa and field service in the Polish Ukraine of the Muscovite state up to the soar Alexei Mikhailovich]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1846. – 86s. (In Russ.).

13. Veka nad Okoy: kniga-al'bom [Centuries over the Oka: book-album]. – Orol, 1996. – 296s. (In Russ.).

14. Yemel'yanov V.G. Ulitsy goroda Orla: Istoriya nazvaniy: Spravochnik [Streets of the city of Orel: History of names: Directory]. – Tula, 1986. –

127s. (In Russ.).

15. Korolev A.A., Livtsov V.A. Religioznaya bezopasnost' Rossii: istoriya i problem [Religious Security of Russia: History and Problems]. – Moskva, 1997. (In Russ.).

16. Kostritsa A.F. Kray nash Orlovskiy [Our land Orlovsky]. – Tula, 1974. – 104s. (In Russ.).

17. Letopis' goroda Orla (1566-1977 gg.) [Chronicle of the city of Orel (1566-1977)]. – Tula, 1980. – 278s. (In Russ.).

18. Nedelin V.M. Orol iznachal'nyy [The original eagle]. – Orol: Veshniye vody, 2001. – 280s. (In Russ.).

19. Ocherki istorii Orlovskogo kraja: s drevneyshikh vremen do pobedy Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [Essays on the history of the Oryol region: from ancient times to the victory of the Great October Socialist Revolution]. – Orol, 1968. – 232s. (In Russ.).

20. Puparev A. Orlovskaya starina: Istoricheskiye svedeniya ob Orlovskoy gubernii [Oryol antiquity: Historical information about the Oryol province]. – T.1. – Orol, 1872.

21. Pyasetskiy G. M. Istoricheskiye ocherki g. Orla [Historical sketches of the city of Orel]. – Orol, 1874. – 229s. (In Russ.).

22. Pyasetskiy G.M. Zabytaya istoriya Orla [Forgotten history of the Eagle]. – Orol, 1993. (Perepechatka knigi «Istoricheskiye ocherki g. Orla» 1874 goda). – 251s. (In Russ.).

23. Trokhina O.M., Korcheva L.L. Orlovskiy gubernatory [. Oryol governors]. – Orol: «Veshniye vody», 1998. (In Russ.).

24. Fedorov S.I. Arkhitekturnyye obrazy Orlovshchiny [Architectural images of the Oryol region]. – Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1982 – 152s. (In Russ.).

25. Fedorov S.I. Ocherki arkhitektury Orla [Essays on the architecture of the Eagle]. – Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1992 – 152s. (In Russ.).

26. Fedorov S.I. Tsentry gorodov Orla, Kurska i Belgoroda – kompleksnyye pamyatniki istorii i kul'tur [The centers of the cities of Orel,

Kursk and Belgorod are complex monuments of history and culture]. – Leningrad: Stroyizdat, 1975. (In Russ.).

27. Fedorov S.I. Epokhi, pamyatniki, lyudi. Avtomonografiya arkhitekatora [Eras, monuments, people. The auto-monograph of an architect]. – Orol, 2001. (In Russ.).

28. Frolov P.I., Chernova I.N. Letopis' Orla [Chronicle of the Eagle]. – Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1980. (In Russ.).

29. Khrestomatiya po istorii Orlovskogo kraja: Posobiye dlya uchitelya. – Vyp.1: S drevneyshikh vremen do fevralya 1917goda [Reader on the history of the Oryol region: A guide for teachers. - Issue 1: From ancient times to February 1917]. – Tula, 1966. – 204s. (In Russ.).

МЕРКУЛОВ Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и государственно-правовых дисциплин Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: kafedraorel@mail.ru

MERKULOV A.V., Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPA (Russian Federation, Orel), e-mail: kafedraorel@mail.ru

РАЗВИТИЕ СЕЛА БАШКАТОВО В XIX ВЕКЕ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА ТИНЬКОВЫХ И БАРОНА ОСТЕН-САКЕНА

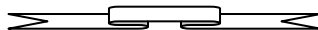
DEVELOPMENT OF BASHKATOVO VILLAGE IN THE XIX CENTURY ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE TINKOV AND BARON AUSTEN-SAKEN REPRESENTATIVES

Аннотация. Цель статьи заключается в изучении развития села Башкатова и храма Толгской иконы Божией Матери. Особый интерес, по мнению автора, представляет информация, посвященная истории храма Толгской иконы Божией Матери от его основания до сегодняшних дней, в рамках которой рассматриваются отдельные факты из жизни устроителей храма – помещика Тинькова и барона Остен-Сакена. Описание основаны на архивных данных, исследованиях орловских искусствоведов, местных преданиях.

Ключевые слова: Орловская губерния, Башкатово, барон Остен-Сакен, Тиньковы, храмы, краеведение, иконы.

Abstract. The purpose of the article is to study the development of Bashkatovo village and the Temple of the Tolgskaya Icon of the Mother of God. The particular interest, according to the author, is the information about the history of the Temple of the Tolgskaya Icon of the Mother of God from its foundation to the present day, within which certain facts from the life of the organizers of the Temple – the landowner Tinkov and Baron Austen-Saken are considered. The description is based on the archival data, the studies of Orel art historians, local legends.

Keywords: the Orel province, Bashkatovo, baron Austen-Saken, the Tinkovs, temples, the local history, icons.

Введение

История села Башкатово насчитывает около 400 лет, оно впервые упоминается в писцовой книге 1594–1595 гг. подьячего Леонтия Софонова и писца Дементия Яковлева. В то время оно входило в состав Каменского стана Орловского уезда. В селе числилось 4 двора: «За Ортемом за Васильевым сыном Башкатовым в деревне Башкатове, под Огничным лесом, на Сосенском отвершку, на его жеребью: двор помещиков, да на его же земле во дворе брат его Кузем-

ка Васильев, сын Башкатов, да крестьян два двора...». «Погост на государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси земле, а на погосте церковь Офонасей Александрейской, древяна клетцки, а в церкви образы, и свечи и книги, и всякое церковное строение приходных людей; а на церковной земле дворов: во дворе поп, во дворе пономарь, да келья, а в ней живут нищие, да питаются от церкви Божьи...» [4, С. 41]. Таким образом, можно предположить, что свое название деревня получила по фамилии

служилых людей Башкатовых, владевших здесь земельными угодьями и крестьянскими дворами. А церковный погост объединится с деревней и составит село.

В 30-е гг. XVII века в селе местными вотчинниками и крестьянами Афанасьевского и Покровского приходов для обороны от татарских набегов была поставлена небольшая крепостица – Каменский острожек, укрепленная частоколом с бойницами и надолбами. По «татарским вестям» в острог собиралось, кроме вотчинников со своими семьями, около полусотни крестьян, вооруженных пищалями. После того, как орловская крепость была упразднена по окончании Смутного времени, население Орловского уезда лишилось укрытия, где оно могло отсиживаться во время «татарской войны». Пользуясь ослаблением русских земель, татары предприняли ряд опустошительных набегов на Московское государство. В 1623 году они напали на Мценский, Болховский, Орловский, Карачевский уезды. Такие набеги были совершены неоднократно. В 1634 году тысячное татарское войско действовало под Мценском и в Орловском уезде.

В связи с непрекращающейся «татарской войной» в разных районах Орловского уезда стали возникать небольшие крепостицы, возводившиеся силами местных вотчинников и крестьян для своей защиты. Но власти это запрещали делать. Тогда мценские воеводы Степан Стрешнев и Федор Сухотин, отвечавшие за охрану от татар трех уездов – Мценского, Новосильского и Орловского, получили от бояр отписку. Бояре приговорили поискать в Орловском уезде место, где лучше построить острог, «а поставить бы, где крепче и лучше и среди людей», для того чтобы уездным людям было куда спастись и не бежать с пожитками в неблизкий Мценск. В июне 1635 года в Москву пришло сообщение от Сухотина и Стрешнева, что

они, согласно царскому указу, обмерили орловские острожки и присмотрели в Орловском уезде место крепкое у воды для новой крепости. Болховитин Иван Власов привез смету и роспись орловским острожкам, которых оказалось три: Каменский, Тойчевский, Корчековский.

Служилые осмотрели Каменский острожек у деревни Башкатовой. Острожек располагался на лесной поляне на «плоском месте». В пяти сажнях от него находился овраг с ручьем – «колодезь». Крепостицу окружала крепостная стена длиной 56 сажень с прорубленными в ней бойницами. Вокруг острожка были поставлены надолбы. Это укрепление имело форму овала или круга. Ставили его силами двух приходов – Афанасьевского и Покровского – «...розные помещики, которые около тово лесу живут...». По словам сына боярского Матвея Башкатова, кроме служилых людей, в осадное время в острожке укрывалось около сорока пяти «и больше» крестьян с пищалями [2].

К сожалению, никаких следов острожка в настоящее время в селе Башкатово не сохранилось. Предполагают, что он находился на месте усадьбы помещика Тинькова, недалеко от местной школы. Там есть овраг, из которого вытекает небольшой ручей, и неподалеку стоит колодец.

В «Экономических примечаниях к ПГМ Дежбинского уезда 1778–1796 гг.» имеется описание селения на тот период: «Село Башкатово Лукьяна Евдокимова сына Жилина, Андрея Федорова сына Левина, Надежды Ивановны дочери Бранцовой. Татьяны Александровой дочери Быковой, Федосьи Семеновы дочери Хлоповой, Прасковьи Петровой дочери Безобразовой, Федота Трифонова сына Башкатова. Анны Ивановны дочери Жилиной и однодворцев; речки Сосенки на левой, отвершков Крупецкого и Безымянного одного на правой, а двух по обе стороны ис коих два пруда,

церковь Афонасия и Кирила Александрийских Архиепископов, дом господской деревянной с плодовитым садом... число дворов 24, мужеска 129, женска 112 душ» [4, С. 42].

В областном государственном архиве есть сведения центрального статистического комитета МВД Орловской губернии 1866 года о селе Башкатово. Село располагалось по правую сторону Тульско-Орловского шоссе, находилось в окружении тех деревень, которые существуют сегодня.

Село Башкатово располагалось в 26,5 версты от города Мценска, считалось казенным и владельческим. В нем тогда было 28 дворов, проживали 150 мужчин и 170 женщин. Башкатово было волостным центром. В нем находились волостное правление и православная церковь.

Каждое село имело свои достопримечательности, о которых говорится в статистических отчетах. Например, соседнее село Клеймёново располагалось при прудах, их было несколько. Башкатово тоже располагалось при прудах, которые и сейчас являются украшением села.

Башкатово до 1917 года имело по фамилии владельцев второе название – Тиньково, как и многие населенные пункты того времени (Спасское-Лутовиново, Ядрино-Зыбино, Синяевка-Бородинка). Основателями деревни Тиньково были крепостные крестьяне Еричевы и Вороновы. Барин Николай Александрович Тиньков купил эти две семьи в Тарапухине Болховского уезда. С тех пор крестьянское поселение, расположенное на земле Тинькова, стало так и называться. После смерти старого владельца его сын гвардии поручик Александр Николаевич Тиньков построил дом, ставший впоследствии школой.

В списке населенных мест Орловского уезда в Воинской волости значатся два селения: д. Башкатово I (Тиньково) Башкатов-

ского с/с, в которой находились медицинский пункт и ветеринарный пункт; с. Башкатово II, в нем находился Башкатовский с/с, школа 1-й ступени, кооперативное торговое заведение III разряда, государственное торговое заведение IV разряда.

В 1963 году 28 ноября д. Башкатово I и Башкатово II Андриановского с/с были объединены в одно с. Башкатово. А в 1987 году Андриановский с/с был переименован в Башкатовский с/с. В настоящее время Башкатово – административный центр Башкатовского сельского поселения Мценского района Орловской области.

История села Башкатово неотделима от дворянского рода Тиньковых. Гвардии поручик Александр Николаевич Тиньков получил это имение за службу в специальном привилегированном полку от Екатерины II. Тиньковы – потомки служилых людей, живших на Орловщине с XVI века. Их поместья были расположены в Орловском, Мценском, Болховском, Елецком, Карачевском уездах Орловской, а также Белёвском и Ефремовском уездах Тульской губернии.

Род Тиньковых (Тиньковы) – дворянский род, происходящий от выехавшего к великому князю Василию Темному «мужа знатного» Архипа Буникевского, сын которого Федор назвался Буниным и был родоначальником Буниных. Один из внуков Фёдора, Тихон Григорьевич Бунин, по прозвищу Тинько, был родоначальником Тиньковых. Кузьма Силыч Тиньков был убит под Конотопом (1659 год). Никифор Леонтьевич Тиньков был стольником и воеводой в Карачеве при царе Фёдоре Алексеевиче. Род Тиньковых внесен в VI часть (Гербовник, III, 66) родословных книг Московской и Орловской губерний.

Тиньковы, являясь владельцами земли, создали здесь одно из крупнейших образцовых сельскохозяйственных имений во Мценском уезде. В XIX веке владельцами села

были Александр Николаевич, затем его брат Афанасий Николаевич. Согласно Окладной ведомости Мценского уезда на 1858 год в с. Башкатово за наследником умершего поручика Николая Александровича Тинькова артиллерии поручиком Афанасием Николаевичем Тиньковым числились дворовые люди и крестьяне [4, С. 42]. Последним из этого дворянского рода был Сергей Афанасьевич Тиньков (1863–1937). На их усадьбе располагался большой деревянный усадебный дом, конюшня, каретный сарай, прачечная, баня, два каменных двора: скотный и конный.

В самом Башкатово в 1880 году насчитывалось 32 двора и 232 жителя. По сравнению с 1866 годом село разрослось. В нем в том году, согласно переписи населения, проживало 46 мужчин, из них 22 работника, 49 женщин, из них 22 работницы. Числилось 16 дворов. Только две семьи из того количества не были наделены землей. Из наделённых земель крестьян 5 семей имели по 3 лошади, 3 семьи по одной лошади, 4 семьи не имели ни лошади, ни коровы. Из всех жителей села только 8 были грамотными, 43 души были окладными. Они платили подушную подать, оброк, земские и волостной сборы. Сумма всех платежей составляла 423,2 рубля. Подтверждением того, что Тиньковы были образцовыми хозяевами на земле, является список владельцев помещичьих имений в 100 душ и выше [5].

В «Ревизских сказках однодворцев, однодворческих, государственных крестьян, свободных хлебопашцев, солдат, кантонистов, штатных служителей Петропавловского монастыря Мценского уезда за 1858 год» приводятся сведения о проживающих в селе Башкатово. Однодворцы: Башкатовы – 1 двор, Букаловы – 1 двор, Волобуевы – 1, Жердевы – 1, Жилины – 10 [3].

Сергей Афанасьевич Тиньков родился в 1863 году в селе Башкатово. Его биография

во многом типична для дворянина его поколения: родился в отцовской усадьбе в пореформенное время, окончил кадетский корпус и военное училище, служил офицером в армии, а выйдя в отставку, стал провинциальным чиновником в своем уезде. Наверное, он так и доживал бы свой век в родном поместье, если бы не стихии начала XX века. Отцом С. А. Тинькова был Афанасий Николаевич Тиньков, отставной поручик артиллерии, землевладелец, которому принадлежало село Башкатово (1886г.). В разное время А. Н. Тиньков был гласным Мценского земства, председателем мирового судебного округа и даже уездным предводителем дворянства (1887 год).

Его сын Сергей Афанасьевич Тиньков, как и отец, пошел на военную службу: в 1881 году окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, затем – 3-е Александровское военное училище, был выпущен по армейской пехоте с прикомандированием к лейб-гвардии Литовскому полку. Вышел в запас в 1893 году. После этого он поселился в Башкатово (ему в 1910 году принадлежала часть села, но по делам службы постоянно приезжал во Мценск). 27 сентября 1894 года С. А. Тиньков стал земским начальником Мценского уезда.

В документах за 1897 год указан его чин (поручик), «квартира» (село Башкатово) и адрес для направления корреспонденции – город Мценск или станция Отрада Московско-Курской железной дороги. Второй участок, которым заведовал С. А. Тиньков, включал в себя Башкатовскую, Воинскую и Троицкую волости. Первые две сохранили названия и до сих пор входят в состав Мценского района как сельские поселения. Троицкая же волость стала сельским поселением Орловского района. А земским начальником 1-го участка был небезызвестный А. П. Римский-Корсаков, живший в деревне Роженск.

Как известно, земства появились в Российской империи после отмены крепостного права в ходе либеральных преобразований, проводимых Александром II. В ведение земств входило устройство школ, оборудование больниц, строительство дорог, социальная помощь и другие. Однако сословный характер земств проявлялся в том, что возглавляли их и служили в них прежде всего дворяне-землевладельцы, а также купцы, т.е. «опора режима», люди, следившие и за правопорядком. У земского начальника были даже судебные полномочия вплоть до приговоров к аресту и штрафу за легкие уголовные преступления. Население для этих целей платило особый налог – земский сбор. Судя по журналам земских собраний, С. А. Тиньков часто высказывался за экономию денег при проведении различных работ в уезде. Так, 29 сентября 1911 года при обсуждении ремонта дороги из д. Ядрино в д. Чахино С. А. Тиньков предложил привлечь местное население «к натуральной работе» во избежание перерасхода средств. В тот же день был прочитан доклад о паромных переправах в деревнях Карандаково и Жуково, и собрание решило выделить средства на новые лодки, хотя С. А. Тиньков возражал, что можно было еще отремонтировать старые. Не считали ли коллеги Сергея Афанасьевича скуповатым? Но ведь речь шла не о своих, а о земских деньгах, которые поступали в уездную казну за счет сборов и повинностей, ложившихся бременем на местное население, прежде всего, на крестьян. Здесь показательно одно предложение С. А. Тинькова из журнала за 1903 год: «на будущие недоимки, которые в силу принятых мер не могут принять характер хронический, пени не начислять...».

После 1907 года Тиньков в справочниках указан уже как штабс-капитан. Гражданский чин С. А. Тинькова в 1916 году – коллежский советник – уже соответствовал армейскому

полковнику. В начале 1917 года, сразу после падения самодержавия, стало понятно, что помещикам в новом государстве вряд ли удастся сохранить свой статус, авторитет и имущество. По всей стране крестьяне начинают захват земель своих бывших господ, иногда соблюдая видимость законности через решения волостных комитетов, иногда обходясь без лишних формальностей.

13 октября 1917 года орловский губернский комиссар получил от С. А. Тинькова жалобу, в которой бывший аристократ описывал особенности новой жизни. Башкатовские крестьяне начали рубить его лес, который затем продавали, а также запускать в усадьбу лошадей, поедавших пшеницу, рожь и топтавших капусту. Собственных лошадей Тинькова забирали без спроса постоянно, а когда хозяин сказал, что не позволяет их забирать, некий солдат Ефимов крикнул: «Молчать!», – и толкнул бывшего барина. Тиньков в письме наивно просил губернского комиссара призвать виновных к «законной ответственности», но знал ли он, что то же самое творится по всему уезду? Большинство земских начальников в этот период фактически перестало осуществлять свою власть. Населением были арестованы земские начальники Бахтин (Болховский уезд) и Азаров-Храпов (Брянский). То же намерение высказывалось в отношении С. А. Тинькова, но неизвестно, было ли оно осуществлено. Все это происходило еще до октябрьского переворота и указов большевиков.

В отличие от многих бывших дворян, С. А. Тиньков решил остаться в Советской России. С 1922 года он жил во Мценске и нигде не работал. Бывшему земскому начальнику путь в советские учреждения был заказан, а работать физически пожилой человек уже не мог. Его жена Мария Павловна Тинькова (урожденная Шеина) какое-то время получала заказы на вышивание из артели Клары Цветкиной, но артель была

распущена в рамках борьбы с кустарным производством; кстати, тогда достаточно на долгое время был забыт традиционный кружевной промысел. Зрение М. П. Тиньковой ухудшилось, работать она также уже не могла. Старики Тиньковы жили на подаяния «добрых людей», иногда продавали какой-то хлам. Последний городской адрес бывших землевладельцев: Курская область, г. Мценск, ул. Амбарная, д. 40.

Наступил переломный 1937 год. Бывший помещик, царский чиновник, дворянин, как классовый враг пролетариата, был настоящим подарком для следователя НКВД. Тут даже не надо было ничего придумывать: анкета говорила сама за себя. 13 июня 1937 года С. А. Тиньков был арестован и заключен в Орловскую тюрьму.

В сентябре М. П. Тинькова решила написать Е. П. Пешковой – первой жене М. Горького, одной из основательниц «Помощи политическим заключённым». Тинькова просила Пешкову ходатайствовать перед властями об освобождении С. А. Тинькова – старого (ему было 74 года), больного человека. Вот текст этого письма:

«...22 сентября 1937 года Добрейшая Екатерина Павловна (не смею обращаться к Вам со словом «Товарищ», так как в виду слишком различного положения нас двух в современном обществе Вы, может быть, и не желали бы называться моим товарищем), в первые дни после кончины Марии Ильиничны Ульяновой я, прочитывая в газете некролог и отзывы об ней, напала на такие слова: «многим гражданам, к ней обращавшимся, она утерла слезы своим участием и влиянием». Эти слова запали мне в память и в душу, и теперь недавно, еду из Орла после передачи моему мужу, находящемуся в тюрьме уже три месяца в заключении, я разговорилась в вагоне с одной молодой девушкой о своем горе и как раз посоветовала о том, что Мария Ильинична

скончалась и что не к кому мне обратиться с просьбой об облегчении нашей с мужем участи, на что она мне с жаром посоветовала обратиться к Вам, говоря, что Вы весьма помогли ее отцу четыре года тому назад; она мне назвала Вас по имени и сказала адрес. Конечно, молоденькая девушка могла ошибиться и что-нибудь перепутать (почему и посылаю письмо не заказным), но все же я решилась воспользоваться ее советом и обращаюсь к Вам со слезной просьбой, прийти к нам на помощь, если возможно. Обстоятельства же наши таковы: моему мужу 75-й год, а мне 71-й, мы бездетны, близких родственников не имеем. Мой муж лет 15 уже не служит, – как бывшему земскому начальнику ему здесь в провинции никакой должности не давали; физическим трудом не мог заниматься как по старости, так и по болезненности; я же восемь уже лет получаю работу по вышиванию из артели им Клары Цеткин, но также из-за лишения членом артели не считаюсь, да и теперь в виду моей усиливающейся слепоты почти работать не могу; таким образом, мы совершенно нищие, живем почти исключительно на подаяния добрых людей или, если удастся, еще что-нибудь продать из нашего хлама. Таким образом, значения среди граждан мы никакого иметь не можем. 13-го июня с. г. арестовали моего мужа и увезли в Орловскую тюрьму; я осталась одинока, стара, слаба, почти слепа. Первое время я надеялась, что мужа скоро освободят, так как он не служил, ни во что не вмешивался, ни с кем не в переписке, ни у кого не бывает, спекуляцией не занимается, в церкви не бывает по несколько месяцев, не пьет, вообще молчалив; родину свою мы оба любим, как бывшие дворяне, предки которых жизнь свою отдавали за Родину (скажу, как пример – один мой предок был воеводой при царе Алексее Михайловиче и защищал 11 мес. Смоленск от поляков; другой взял Азов, неприступный при Петре I, и был гене-

ралиссимусом, мой брат доблестно погиб под Цусимой командиром «Светланы» и т.п.). Неужели мы, их потомки, могли быть врагами своего народа? Мы уважаем свое теперешнее правительство, поскольку оно трудится на благо народа и нас вообще граждан, и искренно радуемся всем успехам его на разных поприщах управления государством. Конечно, настоящее время есть обостренный политический момент, и крайняя настороженность партии необходима, но все же какой может быть вред от нас, двух стариков, отдалившихся решительно ото всего и живущих изо дня в день в ожидании смерти! Я Вас утомляю своим длинным изложением, в чем очень и очень извиняюсь, но все же обращаюсь к Вашему доброму сердцу с усердной просьбой оказать, если возможно, Ваше влияние на то, чтобы освободить из заключения моего старика. Что тяжело даже молодым людям, то насколько же тяжелее в таких летах. Мое к Вам обращение, наверное, покажется дерзким и назойливым, но я положительно не знаю, что мне сделать, чтобы облегчить положение моего старика, – он и без того уже сильно одряхлел и забывает все, и путает, и весь в ревматизмах, страдает склерозом сердца, а я при том же слепну заметно, а с наступлением холодов и совсем делаюсь больна, не могу выходить на воздух. Мне остается только сказать, кто мы, умоляющие Вас о помощи: мой муж – Сергей Афанасьевич Тиньков, а я его жена, Мария Павловна Тинькова, урожденная Шеина. Наш адрес: Мценск Курской об., Амбарная, 40».

13 июня 1937 года Сергей Афанасьевич Тиньков был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Об этом факте свидетельствуют база данных «Жертвы политического террора в СССР»; Книга памяти Орловской области.

Старожилы села рассказывают, что бабыня (супруга Сергея Афанасьевича Тинько-

ва) была очень отзывчивой. Если болели крестьянские дети, то она всегда беспокоилась об их здоровье, давала им варенье от простуды. Из барского колодца разрешала брать воду для чая, так как вода в нем была очень хорошей.

Дом бывшей усадьбы Тиньковых в Башкатово (первая половина XIX века) был признан в 1990-е региональным памятником архитектуры. После 1917 года в здании размещалась вначале ветлечебница, затем с 1928 года – школа. От старого дома сохранился только цокольный этаж – новое здание школы построено прямо на этом фундаменте [6].

В селе Башкатово, помимо дворянского имения, как и в любом сельском поселении этого периода, существовал храм. Искусствовед Владимир Неделин в своей книге «Архитектурные древности Орловщины» пишет о том, что впервые церковь в с. Башкатово упоминается в писцовой книге 1594–1595 гг. подьячего Леонтия Софонова и писца Дементия Яковлева. На погосте стояла «церковь Офонасей Александрейской, древня клетцки, а в церкви образы, и свечи, и книги, и всякое церковное строение приходных людей». Рядом с храмом находились дворы попа, пономаря и келья, где жили нищие – «питаютца от церкви Божьи». В последующем церковь Святого Афанасия и Кирилла Александрийских в с. Башкатово упоминается в «ведомости церквам Орловского уезда 1743 и 1755 гг.». В 1755 году при храме насчитывалось 54 приходских двора. Существующая каменная церковь во имя Толгской Пресвятой Богородицы построена в 1844 году иждивением помещиков гвардии полковника барона Николая Петровича Остен-Сакена и гвардии поручика Николая Александровича Тинькова. По мере развития села, увеличения численности населения, сложившихся возможностей и обветшания старой клетцкой церкви в

1844 году тщанием и иждивением прихожан помещиков гвардии полковника барона Н. П. Остен-Сакена и гвардии поручика Н. А. Тинькова была построена красивая каменная церковь. Будучи служилыми и глубоко верующими людьми, они решили посвятить этот храм чуду обретения иконы Божией Матери на реке Толга в Ярославле.

Под Ярославлем, на берегу Волги, стоит Толгский монастырь. Обитель эта славится древней чудотворной иконой богоматери. Икона явилась в 1314 году на берегу – там, где река Толга впадает в Волгу. На месте явления иконы была заложена небольшая церковь. Построили ее за один день, и положено было 8 августа праздновать явление иконы. Больные, бывшие при постройке, исцелялись. Тогда же было решено и устройство монастыря на этом месте. Монастырь и икона по месту явления на реке Толге названы Толгскими. Согласно преданиям, Толгской иконе приписывают следующие чудеса: чудесное сохранение иконы при пожаре, уничтожившем церковь; исцеление от болезни ног царя Ивана Грозного (в благодарность по указанию царя в Толгском монастыре возвели каменный собор); спасение Ярославля от засухи в 1776 году.

В издании «Богородица. Полная энциклопедия жизни и чудес» дается информация о том, что копии с Толгской иконы Богоматери имеются в следующих местах: в Нежинском девичьем монастыре, в Воскресенской Подкубенской церкви в Вологодской области, в женской обители в Илуксте Курляндской губернии (ныне – территория Латвии) и во Мценском Петропавловском монастыре в Орловской области (монастырь был закрыт в 1923 году и практически разрушен). Эта информация находит подтверждение и в книге М. А. Комовой «Иконное наследие Орловского края XVIII – XIX веков», где среди четырех древних чудотворных икон автор называет Богоматерь Толгскую. Согласно «Народному

каталогу православной культуры» в России построено 27 церквей во имя Толгской иконы Божией Матери: в Ярославской области – 9 церквей, в Воронежской – 2, в Костромской – 2, в Московской – 4, во Владимирской – 1, в Липецкой – 1, в Чувашии – 1, в Татарстане – 1, в Тверской области – 1, в Москве – 3, в Санкт-Петербурге – 1 и в Орловской области – 1 церковь в селе Башкатово.

Местные помещики, объединив свои денежные средства, финансировали строительство церкви. Об этом свидетельствуют архивные документы, предоставленные нам настоятелем церкви отцом Андреем Шпилевым. В выдержках «Ведомости о церкви Толгской Пресвятой Богородицы села Башкатова Мценского уезда за 1872 год» говорится: «Построена 1844 года тщанием прихожан и иждивением гвардии поручика Николая Александровича Тинькова и гвардии полковника Николая Петровича барона Остен Сакена. Здание каменное без колокольни.

Престола в ней три. Первый настоящий холодный во имя Толгской Пресвятой Богородицы. Второй приделанный по правую сторону во имя святителя и чудотворца Николая. Третий приделанный во имя святителей и Патриархов Александрийских Афанасия и Кирилла по правую сторону.

Утварью достаточна.

Причта при ней один священник и причетник. Земли при сей церкви усадебной и кустарниками, и старым кладбищем десятин 8 да отдаленной тридцать пять десятин. Владеют сею землею сами лично церковнослужители.

Дома у самих церковнослужителей, собственно, на церковной земле.

Зданий, принадлежащих сей церкви никаких нет, кроме деревянной караулки.

Расстояние сей церкви от Консистории в 25 верстах, а от местного Благочиния в 6 верстах.

Опись церковному имуществу при сей церкви есть и учинена в 1864 году за скрепаю Благочиннаго Собалева.

Копии с метрических книг с 1805 года в сей церкви хранятся в целости, кроме книг 1843 года и 1861 года.

Исповедальные росписи с 1805 года хранятся в целости.».

«Опись церковному имуществу Орловской епархии Мценского уезда, села Башкатова церкви Толгской Пресвятой Богородицы 1892 года» свидетельствует о достаточно богатом внутреннем убранстве церкви: «...церковь Толгской Пресвятой Богородицы каменная с пределами; правый во имя Св. Чудотворца Николая, а другой, левый во имя Св. Афанасия и Кирилла патриархов Александрийских покрыта железом, окрашенным в зеленую краску.

Крест на церкви деревянный, обит железом, такая же под ним глава, то и другие вызолочены.

Внутри церковь оштукатурена. Иконостасы столярной работы с резьбой в золото.

Царских вратов всех трех иконостасов разной работы, вызолочены; в них вставлены иконы: посередине Благовещения, а по углам резьбы четыре Евангелия.

Иконы в главном Иконостасе. На правой стороне царских врат икона Спасителя, на левой икона Толгской Богоматери. Риза на иконе Толгской Богоматери серебряная вызолочена и пронизана жемчугом. Риза стоит сто пятьдесят рублей, жемчуг на ней стоит восемьдесят рублей. На четыре рубля пришито камней, да алмазный перстень ценою в сто рублей.

На северной двери Архангел Михаил, за ней икона с изображением Святого Митрофания и Мученика Харалампия.

На южной двери Архангел Гавриил, за ней икона с изображением Мучен. Екатерины и Евдокии.

Во втором поясе с правой стороны Рож-

дство христово и Вознесение Христово, с левой стороны Крещение Господне и Рождество Богородицы; на самом верху крест с распятием, а по сторонам Божия Матерь и Иоанн Богослов.

На горнем месте Плащаница, шитая золотом по малиновому бархату, на углах четыре евангелиста, по краям кругом обита золотой бахромой, стоит триста пятьдесят рублей.

За Плащаницей образ Воскресения Христова, написан на полотне; стоит сто двадцать рублей, написан по усердию прихожан.

Четыре хоругви: две стоят в настоящей церкви, металлические, стоящие сто рублей, а остальные размещены в каждом пределе по одной.

На правом клиросе стоят иконы: одна Димитрия Митрополита Ростовского, а другая пророка Илии, первая в вызолоченной раме, а вторая в канте, окрашенном белой краской.

На левом клиросе стоят – одна Пантелеймона в ризе металлической, под ней икона Скорбящей Божией матери, рядом с ней занимает место большая икона Знамения Божией матери в металлической вызолоченной чрез огонь ризе – стоит сто тридцать рублей, устроена покойным Афанасием Николаевичем Тиньковым. А арке на левой стороне помещены иконы: Усекновение Главы Иоанна Предтечи, другая Пр. Тихона Епископа Калужского и третья Сергия Радонежского и всея Руси Чудотворца.

Четыре медных высеребряных подсвечника перед местными иконами в главном храме Толгской церкви весом каждый в 10 фунтов, куплены все четыре за сто сорок рублей.

Четыре медных выносных высеребряных подсвечника, весом каждый в пять фунтов, все они куплены за пятьдесят рублей.

Один подсвечник медный высеребряный пред аналоем весом в 8 фунтов, цена ему в

покупке двадцать пять рублей.».

«Ведомость о Церкви 1897 года» дополняет имеющиеся сведения о церковном имуществе в измененном виде следующими фактами: «...что ей принадлежали 36 десятин земли, в том числе под лугом 2,5 десятины и дровяным лесом 1 дес. 1800 сажен. Остальная земля распашная. На усадебную землю при церкви документов никаких нет. Полевая же земля поступила от прихожанки княгини Екатерины Николаевны черкасской по промыслу. Крепостной акт на сию землю, совершенный у Орловского нотариуса Жебринского в 1878 году 21 сентября и план хранится в церкви в конторском ящике. Владеют ею сами священноцерковнослужители. При церкви имеются два дома, один из них для школы грамоты.».

При посещении с. Башкатово из разговора с местными жителями стало известно о том, что материал для строительства добывали крестьяне вблизи строившегося храма. И сейчас сохранились множественные ямы, в которых копали глину для изготовления кирпичей, там же находились печи для их обжига. Для крепости раствора использовались куриные яйца, поэтому местные крестьяне должны были их сдавать для нужд строительства. А пруды, которые упоминаются в писцовых книгах, были вырыты для обеспечения стройки водой.

В 1896 году церковь была отремонтирована и обнесена каменной оградой. В 1928 году церковь была закрыта. С ее кровли сняли ценный строительный материал – доски, листы железа – и передали их на строительство Глебовской средней школы.

Оригинальная постройка зрелого классицизма выглядит снаружи как крестообразный объем с выпуклыми скруглениями между рукавами креста. Композиция приближается к центрической. Высокий барабан с куполом, завершая ядро храма, доминирует над низкими объемами апсиды, трапезной и приде-

лов. На внешних стенах в ленточном русле прорезаны прямоугольные окна, завершенные декоративной клинчатой кладкой в верхнем гладком поле стены. Торцовый фасад западного рукава расчленен четырьмя массивными тосканскими полуколоннами, каннелированными на три четверти высоты снизу. Боковые интерколумнии не имеют проемов, в среднем – устроен проход в храм под полукруглым окном. Торцы северного и южного рукавов креста имеют по пять проемов. Крайние из них – обычные окна, средние – порталы, фланкированные узкими окошками. На восточной стене апсиды средний проем помещен между узких ниш. На барабане профилированные архивольты восьми арочных окон соединяются карнизом на уровне пят. В простенках помещения этот карниз пересекают двойные каннелированные тосканские пилястры. Полусферу купола завершает главка на массивном основании. Центрическая внешняя структура здания внутри не проявляется. Близкие к эллипсу помещения трапезной и алтаря, вытянутые вширь, воспринимаются обособленно от четверика. Еще более они изолированы от приделов, с которыми связаны косыми и узкими арочными проходами. Так же явно обособлено от приделов ядро храма, связанное с ним более узкими арками, чем с алтарем и трапезной. Очень яркое и подробное описание архитектурных особенностей церкви дает в видеоролике профессор В. А. Ливцов, которые можно проследить на представленных фотографиях храма.

В архивных церковных документах, предоставленных отцом Андреем Шпилёвым, содержатся сведения о священнослужителях храма. Первым священником храма был Афанасий Борисович Орлов, Пономарёв сын, воспитанник Орловской семинарии. Произведен в священники епископом Орловским Евлампием. Имеет грамоту и крест за войну 1853–1856 гг., вдовец, четве-

ро детей. Имя Афанасия Орлова мы обнаружили в списке 1-го класса 13-го выпуска Орловской духовной семинарии 1841–1843 гг. среди следующих фамилий: Пётр Введенский, Алексей Протопопов, Петр Соболев, Иван Шубин, Василий Преображенский, Павел Музалевский, Семён Мусатов, Михаил Алмазов, Иван Семов, Петр Померанцев, Афанасий Орлов, Стефан Бунин, Александр Щеглов, Павел Ненароков, Василий Михайлов, Петр Петров, Иван Введенский, Василий Парнасский – выпускники Орловской духовной семинарии 1817–1871 гг., 1873–1875 гг., 1877 г., 1880 г., 1882–1884 гг., 1886–1917 гг. [1].

Служил в храме диакон Козьма Яковлевич Кречетов 73 лет, имел грамоту архиепископа Орловского Евлампия. Одним из дьячков был Василий Иванович Преображенский, пономарем – Афанасий Сергеевич Фнейский, псаломщиком – Иоанн Иоаннович Сорокин 35 лет.

С 1892 по 1916 год церковным старостой являлся помещик Сергей Афанасьевич Тиньков. Он же являлся земским начальником 2-го участка. Возможно, с его именем связана деятельность земской школы в с. Башкатово.

В 1916 году служил священником Георгий Алексеевич Гольцов. Он был выходцем из крестьянской семьи. В 1914 году закончил 5-е московские пастырские курсы и был назначен священником в село Пашеньково Мценского уезда, но по прошению был переведен в село Башкатово. Имел жену Ольгу Иоанновну 1890 года рождения и двоих сыновей – Николая и Александра. О последнем священнике известно, что он был арестован в годы советской власти и расстрелян в враге под д. Жуково.

Становление народного образования относится к началу XVIII века и связано с появлением церковно-приходских школ для просвещения простого люда. В них детям дава-

ли основы знаний Закона Божиего, по арифметике, чистописанию, русскому языку, истории, музыке. Бытует мнение, что такой тип школ не заслуживает признания, но именно в церковно-приходских школах обучилось грамоте подавляющее большинство русских людей. А среди учителей, которыми являлись священники, было немало тех, кто вкладывал в души учеников не только Слово Божие, но и уроки нравственности, чувство долга, милосердие, почтительность к родителям, уважение к старшим, любовь к Отечеству.

К началу XX века во Мценском уезде было более 60 церквей и почти при каждой из них действовали церковно-приходские школы. Не является исключением и церковь в с. Башкатово. Краевед Геннадий Зуев, ссылаясь на «Ведомости о церкви Толгской Божией Матери Мценского уезда Орловской епархии в селе Башкатово за 1916 год», приводит данные о том, что в приходе на тот момент действовали две школы: церковно-приходская, основанная в 1892 году, и земская. С 1899 года школой руководил священник Алексей Иванович Говоров.

На содержание церковно-приходской школы, которая располагалась в собственном здании, деньги отпускала казна в размере 360 рублей. В этой школе обучались 58 девочек. В «Епархиальных ведомостях» № 25 от 16 июня 1896 года приводятся свидетельства того, что эта школа являлась одной из лучших во Мценском уезде: «...лучшія изъ школъ грамоты: Въ Мценскомъ уѣздѣ – при Троицкой градской церкви, въ с.с. Ядринѣ, Подбѣлевцѣ, Рождественскомъ подѣ Чернымъ, Тельчѣ, Воинѣ, Башкатовѣ, Фо-Щевѣ, Старомъ, Нарышкинѣ, Золотаревѣ, – въ сельцѣ Введенскомъ, въ дер. Бабинковой, Верхней Зарицѣ, Малой Думчинѣ, Добрыхъ Водахъ, Протасовой, Дубовой, и Нижнихъ Ажимкахъ. Въ отчетномъ году во Орловской епархии...».

Старожилы села рассказывали, что большую помощь в обучении и воспитании девочек оказывала княгиня Екатерина Николаевна Черкасская, которой принадлежало соседнее имение – сельцо Цуриково. (Примечание: по сей день в деревне Цуриково сохранились красивые липовые аллеи, яблоневый сад, разбитые еще при жизни помещицы. У местной молодежи в 80–90-е годы прошлого века была традиция встречать восход солнца после выпускного вечера в этом красивом месте). Она являлась куратором церковно-приходской школы и на свои средства приобретала для учащихся необходимые для учебы принадлежности. На средства княгини было многое приобретено и для убранства храма.

На базе церковно-приходской школы работала начальная школа, просуществовавшая до 1933 года. В школе было две классные комнаты и коридор. В каждом классе обучалось 20–25 учеников. Помещение отапливалось печами.

После закрытия храма в 1928 году его имущество стали разворовывать или извлекать от него. Однажды один из жителей села Фёдор Евдокимович Кутепов проходил мимо храма и поднял с земли икону овальной формы. Спрятав ее под одеждой от любопытных глаз, он принес ее домой. Это была икона Усекновения главы Иоанна Предтечи, о которой содержатся сведения в «Описи церковному имуществу 1892 года». Икона долгие годы хранилась в семье Кутеповых. А в храм они ее передали после реставрации, когда снова в нем начались богослужения. Об этом нам рассказала староста церкви М. В. Кутепова.

Наиболее чтимыми являются иконы, сохраненные жителями и возвращенные в храм: «Всех скорбящих радость», икона святителя Николая Чудотворца, икона Спасителя и, безусловно, Толгская икона Божией Матери.

Еще со времен существования деревянной церкви возле нее стал располагаться церковный погост. В настоящее время справа от входа в храм, рядом с алтарной частью, находится несколько надгробных плит. Одни – из красивого черного мрамора, другие – более скромного достатка – каменные. Они были обнаружены во время реставрационных работ после снятия слоя строительного мусора и обломков кирпичей. В основном это надгробия представительниц рода Остен-Сакенов, баронесс, захороненных под стенами церкви. На одной мраморной плите есть надпись «Здесь покоится прах баронессы Евдокии Петровны Остен-Сакен, урожденной Солнцевой...».

Несмотря на то, что храм назван в честь Толгской иконы Божией Матери, престольным праздником села является Ильин день, отмечаемый 2 августа. Среди жителей населенного пункта до сих пор бытует такая история. Барин приказал своим крестьянам отмечать престольный праздник Ильин день не 2, а 8 августа в честь явления Толгской Божией Матери. Делать нечего, крестьяне повиновались воле барина. Весь день они работали в поле. Убирали хлеба в снопы. А ночью разразилась страшная гроза. Утром оказалось, что все снопы на барском поле сгорели, а крестьянские остались целы. Барин, понимая свой грех, изменил свое решение и оставил престольным праздником Ильин день.

Говоря об истории церкви Толгской иконы Божией Матери в Башкатово, невозможно не остановиться на личности Николая Петровича Остен-Сакена. Дворянский род Остен-Сакенов внесен в V часть родословной книги Орловской губернии. Среди Остен-Сакенов, кроме военачальников, было много государственных сановников, дипломатов, ученых, которые оставили заметный след в европейской истории. Усадьба Остен-Сакенов располагалась в селе Старцево-

Лепёшкино, ныне в черте г. Орла. Кроме того, у него были земли в районе Башкатово. Барон Н. П. фон дер Остен-Сакен являлся почетным попечителем Орловской гимназии в 1854 году.

Барон Н. П. фон дер Остен-Сакен был лично знаком с Афанасием Фетом, имение которого располагалось в д. Клейменово в нескольких верстах от с. Башкатово. Об этом пишет Владимир Власов в газете «Просторы России» № 19 за 2000 год, в статье «Орловские знакомые Фета». Афанасий Фет обращался к Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену, герою Крымской войны, об определении его на военную службу в Орденский кирасирский полк, входивший в корпус генерала Остен-Сакена в 1845 году, с рекомендательным письмом от Николая Петровича. Его просьба была удовлетворена. Эта встреча состоялась в Елизаветграде, где размещался армейский штаб.

Е. Н. Ашихмина в статье «Мценские родственники, друзья и соседи Фета на страницах воспоминаний «Ранние годы моей жизни» подтверждает вышеизложенное: «...ранней весной 1845 года Фет направлялся в полк. «Дорогою в Орле отец повез меня вечером представить зимовавшему там с женою соседу своему по Клейменову, барону Николай Петрович Сакену, родному племяннику Елизаветградского корпусного командира, барона Дмитрия Ерофеевича Сакена. Я застал миловидную баронессу Сакен по случаю какого-то траура всю в черном. Она, любезно подавая мне руку, просила сесть около себя. В это время барон ушел к себе в кабинет, из которого вынес и передал мне рекомендательное письмо к своему дяде...».

Дядя Николая Петровича Д. Е. Остен-Сакен (1789–1881 гг.), граф с 1855 года, тоже был местным помещиком: ему принадлежали подгородние орловские земли с крестьянами, записанные на супругу: «Анна Ивановна фон-дер Остен-Сакен, Ея Сия-

тельство, генеральша от кавалерии, генерал-адъютантша, графиня», числилась владелицей с. Никольского (Лепешкино) и д. Верхняя Лужна (ныне это территория Северного района г. Орла).

Н. П. Остен-Сакен был боевым полковником, заслужившим золотую шпагу с надписью «За храбрость», кавалером орденов Св. Владимира 4-й ст. с бантом, Святой Анны 2-й ст. с короною, Святой Анны 3-й ст., награжденным медалями за турецкую войну 1828 и 1829 годов и за взятие Варшавы. В отставке находился с 1836 года. В конце 1850-х годов барон стал почетным попечителем Орловской губернской гимназии, членом ее педагогического совета, коллежским ассессором со старшинством; в свое время он получил знак «XV лет беспорочной службы» и медаль в память войны 1853–1856 годов.

Весной 1845 года, когда его посетили Шеншины, Николай Петрович ожидал рождения первой дочери (или ей было несколько дней). Вероятно, барон дружелюбно принял соседей и сразу же, без проволочек, написал рекомендательное письмо. Любопытно, что Николай Петрович, так же, как и его дядя, так же, как и многие в Орловской губернии, оформил покупку недвижимости на имя супруги. 23 июня 1858 года полковница баронесса А. П. Остен-Сакен купила на свое имя дом у полковницы Марии Ивановны Оберг. Дом, который в Орле знают все, потому что это «дом Лизы Калитиной». Менее чем через год – 4 марта 1859 года – дом был продан А. В. Сафонову.

В годы гонений на церковь и священников храм Толгской иконы Божией Матери сильно обветшал. После закрытия, его помещение было переоборудовано в мастерские по ремонту техники, затем в его стенах был склад для удобрений. Ядохимикаты принесли непоправимый вред. Едкий запах глубоко впитался в стены, отлетела штукатурка, стал крошиться кирпич. Претерпел

унижение храм во время фашистской оккупации. Жительница села Жилина Анна Сергеевна рассказывала, что немцы устроили в нем конюшню.

При виде полуразрушенного храма сердце наполняется душевной болью от минувшей эпохи гонений на веру, злодеяний безбожников, осквернявших такое святое место. Время и люди порой безжалостны к тому, что когда-то для них было важно и ценно.

В 2006 году храм был передан Орловской епархии Русской Православной церкви. Газета «Мценский край» за 2008 год в заметке «Возрождение церкви» (В. Сергеева) рассказала о приезде в Башкатово важной делегации духовных лиц. Здание церкви обследовали представители Московской службы заказчика Московской епархии. Был созван сход жителей села и намечены шаги по восстановлению храма. Коллективными усилиями помещение было очищено от мусора, составлена смета расходов на благоустройство церковного помещения. Население близлежащих деревень поддерживает благое начинание. Московский фонд «Мироздание» взял на попечение 29 храмов в Орловской области с целью их восстановления. 21 августа день празднования Толгской иконы Божией Матери, престольный праздник в с. Башкатово.

В 2018 году Божественную литургию в день праздника служил настоятель храма священник Андрей Шпилев, который был назначен на эту должность в начале лета текущего года указом Высокопреосвященнейшего Митрополита Орловского и Болховского Антония.

С назначением нового настоятеля в храме вновь затеплилась приходская жизнь, и, самое главное, в храме начала совершаться литургия.

Таким образом, мы видим, что история храма Толгской иконы Божией Матери – это история родного края. А знание истории ма-

лой родины помогает лучше понять историю своей страны, крепче любить родную землю. По-особому становятся дороги те места, которые связаны со святынями, где происходили события, повлиявшие на дальнейшую жизнь села, твоих предков. На протяжении всего своего существования храм имел большое религиозное, просветительское, воспитательное и образовательное значение в жизни жителей села.

Библиография:

1. Выпускники Орловской духовной семинарии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/orlsem.html> (дата обращения: 21.04.2021).
2. История Орловского края с древнейших времен до конца XVIII века [Электронный ресурс]. – URL: <https://ist.na5bal.ru/istoriya/12592/index.html?page=3> (дата обращения: 20.04.2021).
3. Королев А.А., Ливцов В.А. Религиозная безопасность России: история и проблемы. – Москва, 1997.
4. Ливцов В.А. История формирования духовных начал в образовательной системе России в XVIII веке // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 6 (35). – С. 57-60.
5. Орловские купцы по сведениям 1891 года [Электронный ресурс]. – URL: http://klubmastera.narod.ru/publ/istorija_orlovskogo_kraja/naseljonnye_punkty_mcenskogo_uezda_iikh_zhiteli_v_1858_godu/22-1-0-1868 (дата обращения: 20.04.2021).
6. Полухин О.В., Майорова Т.В. Историкотопонимический словарь Мценского уезда. – Орёл: Издательский дом «Орлик», 2019. – 544 с.
7. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крепостных, выходящих из крепостной зависи-

мости. Сведения о помещичьих имениях. Том 2. – Санкт-Петербург, 1860.

8. Тиньков Сергей Афанасьевич. Земский начальник [Электронный ресурс]. – URL: <https://amchensk.livejournal.com/53919.html> (дата обращения: 21.04.2021).

References:

1. Vypuskniki Orlovskoy dukhovnoy seminarii [Graduates of the Oryol Theological Seminary] [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.petergen.com/bovkalo/duhov/orlsem.html> (data obrashcheniya: 21.04.2021). (In Russ.).

2. Istoriya Orlovskogo kraja s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka [History of the Oryol region from ancient times to the end of the XVIII century] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ist.na5bal.ru/istoriya/12592/index.html?page=3> (data obrashcheniya: 20.04.2021). (In Russ.).

3. Korolev A.A., Livtsov V.A. Religioznaya bezopasnost' Rossii: istoriya i problem [Religious Security of Russia: History and Problems]. – Moskva, 1997. (In Russ.).

4. Livtsov V.A. (2013) Istoriya formirovaniya dukhovnykh nachal v obrazovatel'noy sisteme Ros-sii v XVIII veke [The history of the formation of spiritual beginnings in the educational system of Russia in the 18th century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – № 6 (35). – S. 57-60. (In Russ.).

5. Orlovskiy kuptsy po svedeniyam 1891 goda [Oryol merchants according to the information of 1891] [Elektronnyy resurs]. – URL: http://klubmastera.narod.ru/publ/istorija_orlovskogo_kraja/naseljonnye_punkty_mcenskogo_uezda_iikh_zhiteli_v_1858_godu/22-1-0-1868 (data obrashcheniya: 20.04.2021). (In Russ.).

6. Polukhin O.V., Mayorova T.V. (2019) Istoriiko-toponimicheskiy slovar' Mtsenskogo uyezda [Historical and toponymic dictionary of the Mtsensk district]. – Orol: Izdatel'skiy Dom

«ORLIK». – 544 s. (In Russ.).

7. Prilozheniya k trudam redaktsionnykh komissiy, dlya sostavleniya polozheniy o krest'yanakh, vykhodyashchikh iz krepostnoy zavisimosti. Svedeniya o pomeshchich'ikh imeniyakh [Supplements to the works of editorial commissions for drawing up provisions on peasants emerging from serfdom. Information about the landowners' estates]. Tom 2. Sankt-Peterburg, 1860. (In Russ.).

8. Tin'kov Sergey Afanas'yevich. Zemskiy nachal'nik [Tinkov Sergey Afanasevich. Zemsky chief] [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://amchensk.livejournal.com/53919.html> (data obrashcheniya: 21.04.2021). (In Russ.).

ОРЛОВА Людмила Николаевна, кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт культуры (Россия, Орёл), e-mail: orlova.iz.orka@gmail.com

ORLOVA L.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activities of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education Orel State Institute of Culture (Russian Federation, Orel), e-mail: orlova.iz.orka@gmail.com

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

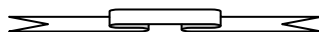
HISTORY OF THE MASS DEFENSE WORK DEVELOPMENT IN THE PIONEER ORGANIZATION IN THE 30S OF THE XX CENTURY

Аннотация. Целью исследования является изучение вопросов организации оборонно-массовой работы в пионерской организации в 30-е годы XX века. Анализируются материалы съездов ВЛКСМ, пленумов ЦК ВЛКСМ, Центрального Совета пионерской организации имени В.И. Ленина по решению задач в области оборонно-массовой, патриотической работы среди детей и молодёжи в период обострения международной обстановки. Рассматриваются основные направления данной работы, среди которых – проведение военных и военно-физкультурных игр, соревнований, сдача норм на значки: «Готов к труду и обороне», «Юный Ворошиловский стрелок», «Готов к санитарной обороне» и др., организация оборонно-массовых кружков различной направленности, шефская работа частей Красной Армии над школами.

Ключевые слова: пионерская организация, оборонно-массовая работа, комплекс «Будь готов к труду и обороне», военное дело, военизированные игры, начальная и допризывная военная подготовка учащихся.

Abstract. The purpose of the study is to study the organization of mass defense work in the pioneer organization in the 30s of the XX centuries. The materials of the Komsomol congresses, the Central Committee of the Komsomol Plenums, the Central Council of the pioneer organization named after V.I. Lenin on solving problems in the field of mass defense, patriotic work among children and youth during the aggravation of the international situation are analyzed. The main directions of this work are considered, among which are conducting military and military-physical culture games, competitions, passing standards for badges: «Ready for Labor and Defense», «Young Voroshilovsky shooter», «Ready for Sanitary Defense», etc., organization of mass defense circles of various orientations, patronage work of Red Army units on schools.

Keywords: pioneer organization, mass defense work, complex «Be Ready for Labor and Defense», military affairs, paramilitary games, initial and pre-conscription military youth training.

Введение

В настоящее время, в отличие от 90-х годов прошлого века, большое внимание уделяется патриотическому воспитанию юных граждан: создаются и поддерживаются детские и молодежные общественные объединения патриотической направленности, реализуются государственные программы, в образовательных учреждениях введены дополнительные ставки педагогов, ведущих работу в данной сфере. Однако стоит обратиться к истокам оборонно-массовой работы в пионерской организации в 30-е годы, чтобы понять, каким образом выстраивалась такая мощная система гражданского и патриотического воспитания юных граждан.

Патриотическая и оборонно-массовая работа всегда была приоритетом деятельности Всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина.

Обострение международной обстановки, начало создания антисоветского блока капиталистическими странами (1925 год) требовало укрепления Красной Армии и изменения в системе допризывной подготовки молодежи СССР.

В резолюции V Всесоюзной конференции ВЛКСМ, проходившей в марте 1927 года, говорилось, что пионерскую работу необходимо использовать для проведения военной пропаганды среди пионеров и детей. В обращении Центрального Бюро юных пионеров (январь 1928 года) содержался призыв, направленный на укрепление связи между пионерами и частями Красной Армии и Красного флота, на распространение среди всех детей военных знаний: санитарной работы, топографии, сигнализации, стрелкового дела. Заканчивалось обращение словами: «К укреплению обороны Советского Союза – будьте готовы!» [1, С. 73].

Задачи военной работы комсомола были серьезно затронуты в 1929 году на VI Пленуме ЦК ВЛКСМ в период опасности «непосредственного военного нападения на Советский Союз, особенно в связи с захватом Китайско-Восточной железной дороги».

Пленум признал неудовлетворительной дан-

ную работу, причинами чего стали разрыв между «готовностью членов ВЛКСМ и трудящейся молодежи защищать СССР и необходимостью изучения конкретных знаний военного дела» (Постановления и резолюции VI декабрьского Пленума ЦК ВЛКСМ. Издательство «Молодая гвардия»); недооценка важности военной работы; неподготовленность руководящих органов; несоответствие большинства форм и программ военной работы запросам молодежи (сухость, однообразие); недостаточность наглядных пособий и неудовлетворительность материальной базы.

В частности, отмечая важность данного вопроса, пленум рекомендовал вести систематическую военную работу среди детей 12–6 лет, а также оживить данную деятельность в пионерских отрядах не путем выделения в самостоятельное направление, а через максимальное распространение во всех сферах пионерской жизни: в труде, физкультуре, досуге, общественно-политической работе. Пленум обратил внимание на такие формы работы, как организация различных походов и прогулок (военно-туристских, военно-физкультурных с целью изучения прикладных военных знаний); организация военных и военно-физкультурных игр, карнавалов, сборов и др. Вся работа по данному направлению должна была строиться в красочных формах, доступном для детей объеме. Для более тесного взаимодействия Красной Армии с детьми и молодежью предлагалось практиковать оказание помощи в культурно-политическом обслуживании, широко освещать вопросы жизни военных частей в местной печати, проводить различные совместные кампании.

Конечно, эпизодические акции оборонно-массовой работы в пионерской организации были и до этого. Например, Неделя обороны СССР (июль 1927 года), в которой пионерские отряды принимали участие в стрелковых соревнованиях, изучали топографию, сигнализацию флажками, правила противоздушной и химической обороны; парад на Красной площади в Москве 1 мая 1928 года, где юнармейцы Красной Пресни приняли активное участие.

Но ярко прозвучала мысль о подготовке к обороне СССР, зафиксированная в новых комплексных программах, изданных для сельских и городских школ первой ступени, в 1929 году.

IX съезд ВЛКСМ, состоявшийся в 1931 году, также подчеркнул важность данной работы, поручив «обеспечить все необходимые меры для более широкого участия союза в деле укрепления обороноспособности СССР» [2, С. 410].

VII Всесоюзная конференция ВЛКСМ (1932 год), говоря о состоянии политико-воспитательной работы в комсомоле и среди пионеров, рекомендовала «широко развернуть военно-физкультурную работу... знакомить детей с элементарными навыками военного дела (строй, военно-воздушная оборона, топография, сигнализация, связь, маскировка, стрелковое дело) ...». Конференция считала целесообразным установить специальные нормы для пионеров и детей на сдачу значка «Готов к труду и обороне» («Товарищ комсомолец»). Кстати говоря, в 1934 году была введена детская ступень комплекса БГТО («Будь готов к труду и обороне»), и, по данным на 1 июля 1935 года, «свыше четырехсот тысяч детей было охвачено подготовкой к сдаче норм на этот значок, а пятьдесят шесть тысяч ребят сдали эти нормы полностью».

Пионерские отряды активно подключаются к выполнению решений VII Всесоюзной Конференции. В учебные планы семинаров вожатых, разработанных Центральным домом вожатого и утвержденных отделом пионеров ЦК ВЛКСМ, кроме традиционных форм (разучивание «Торжественного обещания юных пионеров», игр, песен и др.), включаются строевые занятия и фигурная маршировка, занятия по нормам БГТО, топографии, разведке, азбуке Морзе. В задачи вожатым вменяется привлечение к работе на форпостах и площадках физкультурников, активистов Осоавиахима, мастеров спорта, которые смогли бы создать оборонные кружки, детские спортивные команды, устроить физ-

культурные праздники для детей, походы, военные игры, соревнования по стрельбе, сдачу норм на оборонные и физкультурные значки.

В качестве методического обеспечения для вожатых выпускаются специальные книги. Например, «Юные друзья обороны», изданная «Молодой гвардией» в 1935 году, содержала большой справочный и практический материал для работы юных связистов, стрелков, разведчиков, моряков; здесь же давались материалы по сдаче норм на детский значок БГТО, а также на значок «Юный ворошиловский стрелок». Еще один сборник «Юные осоавиахимовцы» (издательство ЦС Осоавиахима, 1935 год) был посвящен подробному описанию работы кружков стрелков-разведчиков, ПВХО, телефонистов, голубеводов, топографов. Книга И. Дебрина «К обороне готовы» (издательство Западного областного Госиздательства, 1934 год) давала ряд ценных указаний по организации оборонной работы среди детей и подростков в условиях села; сочетанию военно-физкультурной и охотоведческой работы; проведению военных игр, экскурсий в красноармейские части. Подобные пособия способствовали развитию оборонно-массовой работы среди подростков.

Ежегодно в канун дня Красной Армии (23 февраля) становилось традицией проводить специальные отрядные сборы, на которые приглашались командиры, красноармейцы подшефных частей с интересными и захватывающими рассказами об эпизодах «борьбы Рабоче-крестьянской Красной Армии против врагов революции». Этот праздник способствовал оживлению оборонно-массовой и военно-физкультурной работы в отрядах.

В. Мускин, заведующий отделом пионеров, член бюро ЦК ВЛКСМ, в своем докладе на X съезде ВЛКСМ (1936 год), отмечая высокую активность пионерских отрядов и дружин в оборонно-массовой работе, говорил, что «введение значков «Будь готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Юный ворошиловский

стрелок» ответило живейшим устремлениям ребят, попало в точку... Военное дело стало для пионеров одним из любимейших занятий в отряде. С какой любовью изучают они правила противовоздушной и химической обороны, учатся стрелять, пользоваться противогАЗами, оказывать первую помощь. С каким интересом разучивают они сигнализацию, азбуку Морзе, устраивают полевые телефоны, изучают различные виды связи, топографию. Как увлекаются ребята, особенно в национальных областях, кавалерийской ездой в кружках юных ворошиловских всадников. Как захватывает пионеров приморских и речных областей военно-морское дело».

II Пленум ЦК ВЛКСМ (1936 год) указал, что основа оборонной работы в пионерском звене и отряде – подготовка и сдача норм на оборонные значки, организация соревнований, в которых можно применить знания, полученные при сдаче норм. Но в то же время, как отметил Пленум, нельзя ограничиваться только этим, так как можно «засушить всю работу, сделать ее неинтересной... Юному ворошиловскому стрелку, сдавшему нормы, хотелось бы проявить свое умение метко стрелять, а значкисту БГСО («Будь готов к санитарной обороне») хотелось бы показать всем, как ловко он умеет делать перевязки, применять необходимые меры помощи пострадавшему...».

На Пленуме также отмечалось, что особый интерес к оборонному делу вызовет проведение военно-тактической игры, которая «ценна тем, что в ней смогут проявить себя и связисты, и топографы, и собаководы, и значкисты ПВХО (противовоздушная и противохимическая оборона) и ГСО («Готов к санитарной обороне»), и юные ворошиловские стрелки в конце тактических занятий в стрелковом тире стрельбой по мишени смогут показать, насколько ценными бойцами они будут в настоящем бою».

Новая Конституция СССР 1936 года (статья 132) гласила, что защита Родины от «посягательств фашистских бандитов» являлась

«почетной обязанностью граждан СССР» [4].

Задачу по защите Родины поставил перед комсомольскими и пионерскими организациями X съезд ВЛКСМ, говоря о том, что «беззаветная защита социалистического Отечества есть самая святая и кровная обязанность члена ВЛКСМ» [3, С. 429]. Съезд обязал готовить себя к защите Родины от всяких опасностей и покушений на нее со стороны врагов, призвал вести пропаганду военных знаний, активно участвовать в работе общественных оборонных организаций, чтобы еще «до вступления в ряды армии и флота овладеть искусством меткой стрельбы, изучить одну из военных специальностей» [3, С. 430].

Таким образом, задача всемерного развертывания оборонной работы, подготовка достойных защитников Родины активно ставилась перед комсомолом и пионерией. Газеты и журналы тех лет публиковали различного рода обращения о том, чтобы подростки и молодежь активнее включались в эту работу.

Так, например, как отмечал вожатый первого отряда школы № 325 г. Москвы, Д. Гриль, когда в «Пионерской правде» появилось обращение одного из московских отрядов о трёх оборонно-физкультурных значках к 20-летию Советской власти, пионеры школы «уже имели по три значка (ЮВС, ПВХО, ГСО). У шести пионеров, кроме того, были еще и значки БГТО. На обращение наш отряд ответил решением сдать нормы и на значок БГТО».

Нормативы на значки «Ворошиловский стрелок», «Юный ворошиловский стрелок», «Готов к санитарной обороне» были положены в основу Всесоюзных оборонных соревнований пионеров и школьников 1939 года, объявленных ЦК ВЛКСМ.

Стоит отметить, что даже дети из зарубежных стран включились в эту работу. Так, пионеры Барселоны в 1937 году прислали в «Пионерскую правду» свое знамя, которое должно было быть вручено пионерскому отряду, лучше всех наладившему оборонное дело.

Дома и Дворцы пионеров активно включились в работу по подготовке пионеринструкторов, руководителей кружков военно-технической направленности. Так, в Московском доме пионеров и школьников в 1939 году занималось до двух тысяч пионеров и школьников в оборонных кружках. Знания, получаемые подростками, были весьма разнообразны и обширны: правила пользования противогазом, знакомство с отравляющими веществами, обучение защите при воздушном и наземном химическом нападении, изучение телефонных аппаратов, практическая работа по связи в поле, маскировка и т.д. За 1938 год оборонным отделом было подготовлено 270 инструкторов ПВХО, 40 инструкторов морского дела, 60 связистов, 90 пулеметчиков и гранатометчиков. Звание инструктора и право руководить кружками пионеры и школьники получали после соответствующей проверки в Осоавиахиме. 50 пионеров и школьников получили право на самостоятельный прием норм ПВХО первой степени.

Сотни пионерских отрядов боролись за право присвоить своим отрядам имена генералов, маршалов Советского Союза. В свою очередь, воинские части, шефствуя над школами, оказывали им всемерную помощь при организации работы военных кружков, оборонного дела. Так, в ответе командира отдельного танкового батальона Н-ской стрелковой дивизии капитана Масленникова пионерскому отряду 1-й неполной средней школы г. Бобруйска (БССР) говорилось: «В своем письме к Маршалу Советского Союза Егорову А. И. пионеры дали обещание учиться на «хорошо» и «отлично», а также овладевать военным делом. Они просили тов. Егорова о присвоении отряду его имени.

В своем ответном письме тов. Егоров, давая согласие, пожелал ребятам старательно изучать военное дело. Письмо тов. Егорова поставило перед нами задачу как можно полнее удовлетворить запросы детей. Мы сейчас еще больше помогаем пионеротрядам в оборонной

работе. Уже создан кружок по изучению мотора. Вместе с активом школы мы разрабатываем план военной игры».

Шефская работа частей Красной Армии над школами приобрела массовый характер. Создавались стрелковые, кавалерийские, мореходные и другие кружки; с помощью красноармейцев подростки изучали ручные гранаты, пулемет, азбуку Морзе, сигнализацию. Командиры и красноармейцы помогали устраивать оборонные соревнования, военные игры, на проведении которых стоит подробнее остановиться.

В 20-й школе Ленинского района Москвы в 1937 году проходили зимние военно-спортивные соревнования, куда были включены стрельба, топография, дальность полета моделей, умение обращаться с противогазом, действия при химической атаке. По окончании игры ребята тщательно разобрали недостатки учения и сами вывели себе оценку «хорошо с минусом».

Военно-спортивные соревнования, проходили в принципе по одной схеме с небольшими вариациями, зависящими от времени года, подготовленности подростков, места проведения и определенных условий.

В практике пионерской организации присутствовал еще один вид подобных соревнований – пятиборье. В него входили такие виды, как глазомер, определение предметов по запаху, подкрадывание, наблюдательность, ориентирование с завязанными глазами.

Даже младшие школьники не оставались в стороне от оборонной работы. Для них проводились специальные сборы, посвященные жизни и быту Красной Армии. Например, в клубе имени Дзержинского (Москва) (вожатая клуба Т. Гинзбург), где проходил подобный сбор, помещением, в котором проводился сбор, назывался «лагерь», в нём размещались «санитарный пункт», «казарма», «красный уголок», «штаб» и «учебная комната». Был даже тир – на стенах развешаны самодельные ружья,

установлены несколько больших ярко окрашенных мишеней. У входа в «штаб» находился дежурный пост, где каждые пять минут сменялись «часовые». Отряды и «звездочки» назывались взводами и отделениями, октябрята – бойцами.

После построения приглашенный командир Красной армии рассказал о жизни и быте бойцов, о том, как в любой момент они готовы встать на защиту Родины. Затем началась игра «Один день из жизни красноармейцев», которая включала в себя побудку горном, занятия физкультурой, завтрак, политбеседу (чтение «Пионерской правды»), занятия в тире, изучение противогаза, дежурство в штабе и на посту... Для того чтобы внести оживление в игру, использовался момент военной тревоги – появление рядом с лагерем неприятельского парашютиста (кукла-парашютист, спрятанная в укромное место), которого следовало отыскать в течение пяти минут. По окончании выполненного задания – объявление благодарности «красноармейцам» и завершение игры. Все мероприятие в целом заняло примерно 40 минут.

В 1939 году был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности», где говорилось, что «воинская служба в Рабоче-крестьянской Красной армии представляет почетную обязанность граждан СССР, а защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР» [5].

Проведенный в августе Пленум ЦК ВЛКСМ, посвященный оборонной и физической работе в комсомольских организациях, отмечал, что необходимо добиться того, чтобы оборонно-физкультурная работа в школах была направлена на проведение начальной и допризывной военной подготовки учащихся, для чего практиковать детские спортивные состязания, военные игры, стрелковые соревнования [6, С. 591].

Большим толчком к развертыванию оборонной работы в каждом отряде должны послужить оборонные соревнования пионеров и школьников 1940 года.

Оборонная работа должна стать неотъемлемой частью работы каждого пионерского отряда.

В этом же году в измененных «Правилах юных пионеров» появилась формулировка: «Пионер любит Красную армию, военноморской флот и сам готовится защищать Родину от врагов» [1, С. 122].

В школах, отрядах и звеньях по всей стране в 1939 году активно продолжалась данная работа. Так, например, в г. Баку, во дворе школы № 132 был открыт хорошо оборудованный стрелковый клуб пионеров и школьников, а в школе № 80 г. Киева организован кружок юных ворошиловских кавалеристов, где два раза в неделю сорок пять человек изучали кавалерийское дело. В это же время в г. Махачкале начал работать кружок юных моряков, а в первичной организации Осоавиахима Архангельской средней школы № 3 сто семь пионеров занимались в трех стрелковых кружках и двух кружках по подготовке юных значкистов ПВХО.

Знания, полученные в оборонных кружках, закреплялись, как правило, проведением военнизированных игр, таких как «Захват воздухоплавательной станции» (один отряд охраняет ее, а второй старается захватить); «Сила и меткость» (так называемые танки противника, сделанные из камней или хвороста, замаскированы, отряды должны обнаружить их, двигаясь по разным маршрутам, ориентируясь по компасу, затем с помощью гранат необходимо уничтожить или повредить «танки», израсходовав при этом как можно меньше гранат); «Лыжный кросс со стрельбой» (аналог современного биатлона); «Встреча разведчиков» (задача – обнаружить как можно больше противников) (запомнить номерные знаки участников команды-соперника, нашитые на одежду спереди и сзади), по возможности, не попадаясь на глаза, маскируясь любыми возможными способами); «Бой за переправу» (на участке местности, пересеченной небольшим ручейком или оврагом, располагаются по обе стороны команды «крас-

ных» и «синих». Цель игры – захватить «вражеский» флаг. Побеждает команда, у которой больше разведчиков переправятся на сторону «противника») и др.

Деятельность оборонных кружков юных авиастроителей, юных гранатометчиков, служебного собаководства, почтового голубоводства и других являлась основой всевозможных соревнований и праздников. Например, в честь двадцать первой годовщины Рабоче-крестьянской Красной Армии в рамках пионерского праздника проводились соревнования лучших пионерских команд по стрельбе из дуговых винтовок, запуск на дальность и высоту шаров-монгольфьеров и воздушных змеев, соревнования на быстроту и правильность надевания противогазов, соревнования гранатометчиков на меткость и дальность, выставка моделей кораблей.

Подводя итоги военно-спортивных соревнований пионеров и школьников, Бюро ЦК ВЛКСМ в своем Постановлении от 23 июля 1940 года отмечало, что школьные, районные, областные, краевые и республиканские военно-спортивные соревнования помогли улучшить работу в данном направлении. В них приняло участие «по Украине, Узбекистану, Казахстану и сорока областям РСФСР 1 559 015 учащихся. За период соревнований создано 48 260 военных кружков, а 611 705 учащихся сдали нормы на оборонные значки». В оборонных соревнованиях 1940 года, в отличие от 1939 года, принимали участие все пионеры и обучающиеся с пятого по десятый класс. Среди пионеров пятых–седьмых классов соревнования проводились по пяти видам оборонной работы: стрельбе, ПВХО, связи, военной топографии и ГСО. В старших классах добавлялся еще один вид – гранатометание [1, С. 124].

По итогам заседания Бюро ЦК ВЛКСМ было принято решение о принятии мер, обеспечивающих закрепление достигнутых результатов и расширение военно-спортивной работы среди детей. Кроме того, было предложено отделу

школьной молодежи и пионеров ЦК ВЛКСМ к 1 сентября 1940 года разработать программы военных соревнований 1941 года с включением в них элементов строевой и физической подготовки.

Говоря о военном воспитании в пионерском отряде, комдив П. Кобелев, Председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР, отмечал, что пионерская организация имеет достаточно сил и опыта, чтобы справиться с этой задачей. Если каждый пионер-значкист подготовит к сдаче норм одного-двух своих товарищей, это будет в значительной мере способствовать выполнению задачи. «В настоящий момент при той заинтересованности, которую проявляют советские дети к военным наукам, вполне своевременно продвигать в практику пионерской оборонной работы и более сложную военно-тактическую игру».

Обобщая имеющийся опыт, Секретариат ЦК ВЛКСМ 13 декабря 1940 года утвердил Постановление о проведении военной игры пионеров «На штурм», которая должна была состояться в 1941 году. В «Пионерской правде» опубликован Приказ № 1 Главного штаба военной игры. Формировались подразделения – в игре должны были принимать участие пионерские отряды 5–8-х классов одной или двух школ. Одновременное количество участников каждой игры не должно было превышать 400 человек. Участники игры назывались юнармейцами. На первом месте, безусловно, стояли соревнования, связанные, с умением стрелять, но добавились конкурсы с элементами строевой и физической подготовки.

Начало Великой Отечественной войны нарушило планы по проведению военно-спортивных игр, ведь теперь готовность к защите Родины, свои военно-прикладные умения и навыки необходимо было проявить в суровых условиях реальных боевых действий.

Эффективность работы по военно-патриотическому воспитанию в пионерской организации в 30-е годы XX века была обуслов-

лена ее масштабностью (вовлечение практически каждого ребенка), системностью (обеспечение преемственности форм и методов работы от октябрят до старших пионерских вожатых, плановый характер), серьезным материально-техническим обеспечением, мощной идеологической пропагандой. Проведение оборонно-массовой или военно-патриотической работы со школьниками в 30-е годы XX века явилось одним из главных факторов победы советского народа над фашистской военной машиной, так как способствовало формированию боевого духа, героизма, готовности к самопожертвованию молодежи, позволило в кратчайшие сроки подготовить из вчерашних юных участников оборонно-массовых соревнований миллионы обученных бойцов.

Гордость за великие боевые подвиги предков, осознание причастности каждого поколения к истории России, политика современного Российского государства, направленная на нравственное и патриотическое воспитание детей и молодежи, дают сегодня позитивные плоды, и в государственной системе образования через деятельность детских и молодежных общественных объединений реализуется целенаправленная система военно-патриотической работы. И в большинстве своём традиционные и инновационные методы и технологии этой работы содержат в своей основе формы оборонно-массовой работы 30-х годов XX века.

Библиография:

1. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина. Документы и материалы 1920-1972 гг. – М.: «Молодая гвардия», 1972. – 457 с.
2. IX Всесоюзный съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет. – М.; Ленинград: «Молодая гвардия», 1931. – 440 с.
3. X съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет, ч. II. – Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – 551 с.
4. Конституция (основной закон) Союза Со-

ветских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями). – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#10> (дата обращения: 11.05.2021).

5. Закон о всеобщей воинской обязанности. Закон СССР от 01.09.39. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=80250> (дата обращения: 11.05.2021).

6. Товарищ Комсомол: Документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ. В 2-х т. Т. 1. 1918-1941 / Сост.: В. Десятерик и др. – Москва: «Молодая гвардия», 1969. – 606 с.

References:

1. Vsesoyuznaya pionerskaya organizatsiya imeni V.I. Lenina. Dokumenty i materialy 1920-1972 gg. [All-Union pioneer organization named after V.I. Lenin. Documents and materials 1920-1972] – M.: Molodaya gvardiya, 1972. – 457s. (In Russ.).
2. IX Vsesoyuznyy s"yezd VLKSM. Stenograficheskiy otchet [IX All-Union Congress of the Komsomol. Verbatim report]. – M.; – Leningrad: Molodaya gvardiya, 1931. – 440s. (In Russ.).
3. X s"yezd VLKSM. Stenograficheskiy otchet, ch. II, Partizdat TSK VKP(b), 1936 god [X Congress of the Komsomol. Verbatim Report, Part II. - Party publication of the Central Committee of the All-Union Communist Party]. – 551s. (In Russ.).
4. Konstitutsiya (osnovnoy zakon) Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik. Utverzhdena Chrezvychaynym VIII s"yezdom Sovetov Soyuz SSR 5 dekabrya 1936 goda (s posleduyushchimi izmeneniyami i dopolneniyami) [Constitution (basic law) of the Union of Soviet Socialist Republics. Approved by the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR on December 5, 1936 (with subsequent amendments and additions)] – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#10> (data obrashcheniya 11.05.2021). (In Russ.).

5. Zakon o vseobshchey voinskoy obyazannosti. Zakon SSSR ot 01.09.3939 [The law on general conscription. Law of the USSR dated 01.09.39] URL: <https://clck.ru/WFg6Y> (data obrashcheniya 11.05.2021). (In Russ.).

6. Tovarishch Komsomol: Dokumenty s"yezdov, konferentsiy i TSK VLKSM. [Comrade Komsomol: Documents of congresses, conferences and the Central Committee of the Komsomol] V 2-kh t. T. 1. 1918-1941 / Sost.: V. Desyaterik i dr. – M.: Molodaya gvardiya, 1969. – 606 s. (In Russ.).

КОРОЛЁВ Юрий Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, кафедра теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: korolevbizant@mail.ru

KOROLEV Yu.A., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, Religious Studies and Cultural Aspects of National Security, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: korolevbizant@mail.ru

ФЕНОМЕН ШВЕДСКОГО МАСОНСТВА В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

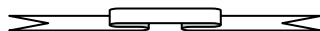
THE PHENOMENON OF SWEDISH FREEMASONRY IN RUSSIAN AND EUROPEAN HISTORY

Аннотация. Цель статьи изучение истории одной из малоизвестных масонских организаций – Шведского обряда масонства. Значительная часть работы посвящена развитию шведской системы в России и связям российского и шведского масонства. Автор обращает внимание на специфический характер Шведского ритуала, во многом отличающегося от традиционного масонства. Это касается, прежде всего, легенды о происхождении шведского масонства от средневекового рыцарского ордена тамплиеров. На основании этой легенды дается анализ иерархии степеней Шведского ритуала и раскрывается их внутреннее содержание. Данная статья может стать основанием для серьезного научного исследования шведской масонской системы и особенностей ее бытования в различных странах Европы.

Ключевые слова: Шведский устав, масоны, ложа, мастер, капитул.

Abstract. The purpose of the article is to study the history of one of the little-known Masonic organizations - the Swedish Rite of Freemasonry. A significant part of the work is devoted to the Swedish system development in Russia and the ties between Russian and Swedish Freemasonry. The author pays attention to the specific nature of the Swedish ritual, which differs in many respects from traditional Freemasonry. These concerns, first of all, the legend about the origin of Swedish Freemasonry from the medieval Knights Templar order. Based on this legend, the analysis of the hierarchy of Swedish ritual degrees is given and their internal content is revealed. This article can become the basis for a great scientific research of the Swedish Masonic system and the peculiarities of its existence in various European countries.

Keywords: Swedish charter, freemasons, lodge, master, Chapter.

Введение

Масонство как тайная инициатическая организация всегда привлекало внимание общества. И наше время интерес к нему не ослабевает, а только усиливается. Масонство является одним из широко обсуждаемых явлений в средствах массовой информации, предметом общественных дискуссий и научных исследований.

Обычно говоря о масонстве, имеют в виду Древний и Общепринятый Шотландский Устав или, в крайнем случае, Великий Восток Франции. Однако кроме этих достаточно известных систем существует целый ряд других масонских организаций, которые оказывали и продолжают оказывать довольно серьезное влияние на жизнь целого ряда стран Европы. Одной из таких организаций является шведское масонство, а точнее Шведский устав.

Согласно официальной версии датой основания символического масонства является 24 июля 1717 года, когда в английской таверне «Гусь и вертел» была учреждена Великая ложа Англии, объединившая под своей эгидой все английские ложи. Из Англии масонство быстро распространилось по всему европейскому континенту, охватив сначала Францию и Германию, а затем и другие европейские государства, в том числе Швецию.

Первая шведская масонская ложа была основана графом Акселем Вреде-Спарре, мастером-масоном одной из якобитских французских лож, в 1735 году и просуществовала вплоть до 1752 года. К этому времени в стране уже было учреждено несколько масонских лож, работавших по английскому и французскому уставам. Собственно шведская масонская система возникает несколько позже, в 1756 году, с учреждением шотландской ложи св. Андрея под названием «Невинная», которую возглавил регистратор королевской канцелярии Карл Фридрих Эклефф. Вскоре на основе этой ложи был учрежден Капитул Невинности, работавший по системе «строгого наблюдения». Эта система,

немецкая по своему происхождению, была учреждена в Саксонии Карлом Готхельдом Хундом на основе тамплиерского устава маркграфа Христиана фон Биберштайна. «Строгое наблюдение» представляло собой иерархию рыцарских степеней под руководством «неизвестных начальников», якобы потомственных тамплиеров и якобитов. В Швеции устав Хунда подвергся реформации, в результате которой образовалась новая система, известная как Шведский устав. В нем соединилось иоанновское и андреевское (шотландское) масонство с системой высших степеней «строгого наблюдения». Со временем Шведский устав составил серьезную конкуренцию системе «строгого наблюдения», вытеснив ее как с территории Швеции, так и из ряда европейских стран.

В 1759 году была инсталлирована Великая ложа Швеции, объединившая под своей властью все масонские ложи страны. Великим мастером ордена был избран герцог Карл Зюдерманландский. В 1775 году в одну из масонских лож Шведского устава вступил король Швеции Густав III, который вскоре возглавил Капитул 8-й степени посвящения и учредил лично для себя высшую, 9-ю степень Викария Соломона. А поскольку Шведский устав представляет собой сквозное подчинение степеней, то король стал, по сути, фактическим руководителем всего шведского масонства. По его указанию К. Эклефф утвердил систему директориального управления шведским масонством и добавил еще три рыцарских степени, возводить в которые мог только монарх. Главной целью, провозглашенной в конституции Шведского устава, являлось возрождение ордена тамплиеров.

В 70-х гг. XVIII века Шведский обряд проникает в Германию и окончательно вытесняет оттуда систему «строгого наблюдения», которая к тому времени пришла в упадок. Заключительным аккордом для нее стал Вильгельмсбадский масонский конгресс, прошедший в

1782 году под руководством герцога Фердинанда Брауншвейгского. На нем рассматривались такие важные для Ордена вольных каменщиков вопросы, как выяснение истинного происхождения системы «строгого наблюдения», отношение масонства к существующим в Европе формам и способам правления, установление обрядов и обычаев, различные способы оптимизации и популяризации деятельности Ордена и т.д.

В результате активного обсуждения съезд принял решение о том, что масонство является более древним, чем тамплиерство. При этом отмечалось, что орден храмовников, так же, как и масонское братство, представляет собой важное звено в цепи передачи сакрального знания. Поэтому решено было ознаменовать взаимосвязь масонства с тамплиерами утверждением высшей степени Благотворительных рыцарей, осуществлявшей руководство тремя иоанновскими степенями. Степени символического масонства и степень шотландского мастера также были утверждены съездом. Обряд «строгого наблюдения» прекратил свое существование.

По итогам конгресса был принят основной документ, который фактически «сводился к комментированию положений известной книги Дж. Андерсона, причем сперва рассматривалась сущность ордена и подробно трактовались обязанности адептов. В отличие от безликого верховного существа британского первоисточника божеством прямо называется Иисус Христос» [9, С. 18], особо подчеркивалась лояльность масонов к своему отечеству и государю.

Между тем Капитул Шведского ритуала не прислал на конгресс своих представителей и не подчинился его решениям, поскольку работал в соответствии с системой «строгого наблюдения» и связывал свое происхождение с тамплиерами. В результате конгресс решил приостановить деятельность шведских лож на 3 года. Вопреки этому решению Шведский обряд не только продолжил, но и расширил свою дея-

тельность, распространив свое влияние на другие европейские страны, и прежде всего на Германию.

Возникновение Шведского обряда в Германии связано с именем Иоганна Вильгельма Эленбергера, который больше известен как фон Циннендорф. Стремясь получить тайны высоких степеней, немецкий масон обратился к лидеру шведских вольных каменщиков Карлу Эклеффу, который прислал ему патент на инсталляцию новой ложи шведской системы. На основании этого документа в 1770 году Циннендорф учредил Великую земскую ложу, объединившую под своим началом около 12 лож Шведского обряда. Став великим мастером Великой земской ложи, Циннендорф постарался сделать ее единственной великой ложей Германии. Прежде всего, он предпринял попытку добиться от прусских властей для своей ложи права контролировать все масонские публикации. Король Пруссии Фридрих II не согласился на это, однако, в знак своего благоволения стал покровителем этого масонского объединения.

В управлении подчиненными ей ложами Великая земская ложа обнаружила еще более авторитарные тенденции, чем обряд «строгого наблюдения», требуя от низших степеней беспрекословного повиновения высшим. Эта организация, вплоть до XIX века претендовавшая на лидерство в масонстве, в конце концов заключила конкордат с двумя другими великими ложами Германии. В таком виде она просуществовала вплоть до настоящего времени, постепенно трансформируясь в современную масонскую организацию – Великую земельную ложу Германии, представляющую Шведский устав в этой стране.

В конце 70-х гг. XVIII века Шведский обряд становится достоянием русских масонов, стремящихся узнать секреты высоких степеней, благо шведская система давала такую возможность. Через мастера ложи «Аполлона» В. Розенберга русские масоны обратились к его

родственнику, который состоял членом шведского Капитула, с просьбой к шведским братьям удовлетворить их желание. Шведский Капитул благосклонно ответил на их просьбу и обещал оказать полное содействие в этом вопросе. Для этого в Стокгольм был послан кн. А. Б. Куракин, чьим официальным заданием была нотификация брака наследника российского престола с принцессой Софией Доротеей Вюртембергской. Секретарем миссии был Вильгельм Розенберг. Прибыв в Швецию, князь был радушно встречен гроссмейстером Шведского обряда герцогом Карлом Зюдерманландским, который инициировал его в орден. Куракину предложили стать наместным мастером русской провинциальной ложи под патронажем шведского Капитула «Невинность». По возвращении на Родину Куракин представил российским масонам конституцию для введения высших градусов шведской системы, и через год после этого в Петербурге был учрежден Капитул Феникса, получивший впоследствии название Великой провинциальной ложи шведской системы. Согласно договору между шведским Капитулом и Великой провинциальной ложей России, петербургская Директория была обязана отчитываться в своих масонских работах перед Стокгольмом, а также сообщать Капитулу о всех важных событиях, происходящих в Российской империи, учреждать новые ложи дозволялось только с согласия шведского Капитула.

В 1777 году в Россию с визитом прибыл шведский король Густав III. Его приезд, по словам члена шведского масонского капитула графа Левенгаупта, должен был способствовать активизации масонских работ русских вольных каменщиков. В петербургской ложе «Аполлона» масоны устроили королю торжественный прием. Результатом визита Густава III в столицу России стала инсталляция в Санкт-Петербурге ложи «Св. Александра», работавшей по шведской системе. Вскоре после этого гроссмейстером Великой провинциальной ложи Шведского устава становится князь Г. П. Гагарин. Под его

управлением находилось 14 лож, среди которых следует особо отметить ложу «Астрея», членом которой, по некоторым сведениям, был наследник российского престола – цесаревич Павел Петрович, инициированный в масонство князем А. Б. Куракиным.

Присоединение к шведской системе русско-го масонства не привело к желаемым результатам: тайны высших степеней так и не были получены. Кроме того, зависимость от герцога Зюдерманландского обратила на себя внимание русских властей, особенно после того, как герцог издал декларацию, в которой провозгласил Швецию 9-й провинцией «строгого наблюдения», включив туда и Россию. После этого заявления вся переписка Великой провинциальной ложи с герцогом Зюдерманландским была перлюстрирована полицией, и вскоре все петербургские ложи, работавшие по шведской системе, были закрыты по распоряжению правительства. Князь Гагарин уехал в Москву, где в результате его усилий к шведской системе примкнули масонские ложи «Трёх мечей», «Аписа» и «Трёх христианских добродетелей». Позже к ним присоединились ложа «Осириса» под управлением кн. Н. Н. Трубецкого и ложа «Латоны», где наместным мастером был известный московский мартинист Н. И. Новиков.

Что касается Петербурга, то, несмотря на запрет, там возникают новые ложи шведского обряда: «Александра» и «Дубовой долины», возобновляется деятельность ложи «Аполлона». В Кронштадте в 1781 году была инсталлирована ложа «Нептуна», членами которой являлись моряки Балтийского флота во главе с адмиралом С. К. Грейгом. Кроме морских офицеров в ложе состояли преподаватели Морского шляхетского корпуса и матросы с адмиральского фрегата «Ростислав».

Номинальная зависимость ложи от шведского Капитула никак не сказалась на действиях моряков во время русско-шведской войны, начавшейся по инициативе Густава III в 1788 году.

Несмотря на то, что герцог К. Зюдерманландский был гроссмейстером Шведского обряда, а стало быть, начальником С. К. Грейга и других членов ложи «Нептуна», русские офицеры не находили нужным подчиняться ему, как предписывали правила устава. Для обоснования своего непослушания они обвинили герцога Карла Зюдерманландского в нарушении главного масонского закона, который предписывал соблюдать мир, тишину и спокойствие на всей земле. Кроме того, в уставе Капитула «Феникса», руководившего работой масонских лож Шведского обряда, было прямо заявлено о приоритете клятвы государю и церкви над клятвой великому мастеру.

Такая принципиальная позиция русских масонов проявилась в Гогландском сражении 1788 года, когда русский флот под командованием адмирала Грейга одержал полную победу над шведами, возглавляемыми великим мастером шведского масонства герцогом Карлом Зюдерманландским.

В морской баталии отличились многие члены ложи «Нептуна»: П. И. Голенищев-Кутузов, контр-адмирал А. И. Круз, капитан I ранга А. Г. Спиридов, капитан генерал-майорского ранга Е. С. Адинцов, капитан-лейтенант Г. Муловский и др.

Во время войны заседания ложи «Нептуна» обычно проводились на борту адмиральского корабля «Ростислав». На флагмане находились и документы ложи, за сохранность которых отвечал генерал-адъютант командующего флотом и известный поэт П. И. Голенищев-Кутузов. Перед Гогландским сражением он вывез с корабля все масонские бумаги, в том числе и конституцию, на основании которой он, уже будучи куратором Московского университета, создал в Москве тайную ложу, работающую по шведской системе.

Вскоре после смерти С. К. Грейга в 1788 году ложа «Нептуна» была закрыта, как и все остальные масонские ложи Шведского обряда.

Шведское масонство возобновило свою деятельность в России лишь в царствование императора Павла I. В Москве продолжила свою работу ложа «Нептуна» П. И. Голенищев-Кутузова. В Санкт-Петербурге работала ложа «Пеликана», переименованная в 1805 году в честь Александра I в ложу «Александра благотворительности к коронованному Пеликану». Мастером ложи являлся И. В. Бебер, некогда входивший в Великую национальную ложу и сохранивший связь со шведским масонством. Членами этого масонского объединения были в основном немецкие негодяны, главная деятельность которых заключалась в широкой благотворительности.

Благотворительностью и мистической направленностью отличалась также аристократическая ложа «Елизаветы к добродетели», мастером которой был известный масон XVIII века А. С. Сергеев. Третьей масонской организацией, работавшей по Шведскому обряду, стала ложа «Петра к правде». Инсталлированная в 1810 году, она отличалась смешанным составом, во главе нее стоял петербургский врач Е. Е. Эллизен.

Вскоре все три ложи были объединены под эгидой тайного Капитула «Феникса», который получил название «Великой Директориальной ложи Владимира к порядку». Высокопросвещенным префектом Капитула и Великим мастером Директориальной ложи был избран И. В. Бебер, внесший неоценимый вклад в масонскую деятельность и само существование масонства, поскольку именно он в 1803 году сумел убедить нового императора Александра I не только в безвредности масонства для государственной власти, но и в его полезности для развития общественной морали и нравственности. В результате масонам было разрешено продолжить свою деятельность.

В 1815 году Шведский обряд в России разделился на две организации: «Великую Директориальную ложу Владимира к порядку», сохранявшую свою подчиненность шведскому

приорату и иерархию высоких степеней, и ложу «Астрея», отвергшую строгое подчинение неизвестным руководителям и провозгласившую своим принципом толерантность к другим масонским системам и организациям. Эту ложу, объединившую под своим началом большое число масонских лож, возглавил Е. Е. Эллизен, который не являясь дворянином, не мог быть инициирован в высшие рыцарские степени и стать членом Капитула.

Находящаяся в оппозиции к ложе «Астрея» «Великая Директориальная ложа Владимира к порядку» управлялась великим мастером генерал-майором А. А. Жеребцовым, а с 1819 года – графом М. Ю. Виельгорским, под началом которого два подразделения ордена вновь объединились и продолжали совместную работу вплоть до запрещения масонства в 1822 году.

Однако даже с запретом масонства, Шведский обряд не прекратил своих работ, а лишь ушел в тень, просуществовав по некоторым данным вплоть до середины XIX века.

В начале XX века происходит возрождение масонства в Российской империи. После первой русской революции в стране создаются многочисленные ложи различных масонских систем: Великого Востока Франции, Шотландского обряда, ордена розенкрейцеров, ордена мартинистов и др. Однако ложи Шведского обряда так и не были возобновлены в России ни тогда, ни сейчас, хотя шведское масонство по-прежнему существует в странах Скандинавии и некоторых других европейских государствах. Однако к настоящему времени в ордене произошли некоторые изменения. Так, с 1973 по 1997 год общее руководство масонскими ложами осуществлял уже не король Швеции, а член королевского дома герцог Б. Халланд. После его смерти во главе ордена встали люди, не принадлежащие к королевской фамилии. Сначала это был банкир Густав Пил, а в настоящее время организацией руководит профессор Андреас Фальман. Что касается других стран, то уже с начала XIX века ложи Шведского обряда

Дании, Норвегии, Ирландии и Финляндии управляются национальными масонскими Капитулами под руководством Рыцарей-командоров Красного Креста (11-я степень).

В шведском обряде сохраняется иерархия степеней, установленная в XVIII веке. В ней можно выделить четыре уровня, каждый из которых состоит из трех символических степеней: иоанновское масонство, андреевское масонство и рыцарский капитул. Каждый уровень состоит из трех символических степеней.

Иоанновское масонство: 1) ученик Св. Иоанна; 2) подмастерье Св. Иоанна; 3) мастер Св. Иоанна.

Андреевское масонство: 4) ученик Св. Андрея; 5) подмастерье Св. Андрея; 6) мастер Св. Андрея.

Рыцарский капитул: 7) Воистину достойный брат Рыцарь Востока; 8) Весьма достойный брат Рыцарь Запада; 9) Просвещенный брат ложи Св. Иоанна; 10) Воистину просвещенный брат ложи Св. Андрея; 11) Весьма просвещенный брат Рыцарь-командор Красного Креста.

Шведский ритуал, как и любая другая инициатическая организация, «...предполагал не только иерархию степеней, но также иерархию функций...» [2, с. 391] и наличие символики.

Идеология, символика и метафизика высоких степеней шведского масонства, так или иначе связана с легендарным орденом рыцарей Храма. Специфической чертой Шведского обряда является отсутствие толерантности не только к другим религиям, но и к другим масонским системам. Членом этой организации может быть только христианин протестантского вероисповедания. Тем ни менее религиозные взгляды, которых придерживаются масоны шведской системы, не могут считаться вполне христианскими, поскольку доктрины и ритуалы ордена носят гностический характер. Обрядность и символика шведских братьев также во многом отличаются от обрядности традиционных масонских лож, поскольку не связаны с

предметами и знаками строительного ремесла.

Тем ни менее, в шведском масонстве первые три градуса являются подготовительными, поскольку в них осуществляется нравственное воспитание адепта. «При этом в символические степени вводились элементы того, что в этих уставах должно было преподаваться в высших степенях. В «шведском» уставе это были легенды о рыцарском происхождении масонства...» [3]. Иоанновские степени существуют в рамках традиционной масонской легенды о смерти мастера – строителя храма Соломона в Иерусалиме Хирама Абифа и потерянном слове. И хотя, в высших степенях эта легенда трактуется совсем по-другому, именно она позволяет оставаться Шведскому обряду в рамках масонства.

В андреевских или шотландских градусах шведского масонства адепту сообщается продолжение легенды о Хираме Абифе. Содержание поучений в андреевских степенях шведского масонства тождественно аналогичным поучениям степени Рыцаря – избранника Девяти в Древнем и Общепринятом Шотландском обряде. Они повествуют о поиске и наказании убийц строителя Иерусалимского храма и приобщении древних каменщиков Палестины к христианству.

В рыцарских или капитулярных степенях говорится о рыцарях-тамплиерах, которые во время крестовых походов были посвящены в тайны древних строительных обществ. Вернувшись в Европу, они основали символические масонские ложи. При этом они интерпретировали строительное искусство вольных каменщиков и иудейские легенды в метафизическом ключе, трактуя построение храма Соломона как некий символический образ духовного возрождения. О рыцарском происхождении масонства впервые заявил А. Рамсей, предложив рассматривать название «вольные каменщики» иносказательно, поскольку основатели масонства, по его мнению, были не простыми каменотесами, но «князьями веры и воителями, ко-

торые желали просвещать, строить и защищать живые храмы...» [6, С. 169].

В XVIII – XIX вв. согласно правилам Шведского ритуала членами капитулов могли быть лишь представители потомственной аристократии, при этом кандидат должен был представить свою родословную канцлеру Капитула и произнести тройную клятву: быть верным, послушным и ревностным рыцарем, не состоять в Мальтийском ордене и хранить тайну ордена тамплиеров. Присяга на верность ордену произносилась на Евангелии и Кресте. В настоящее время от членов масонского правления Шведского обряда уже не требуется дворянское происхождение, однако это едва ли не единственная уступка демократии, поскольку и сегодня особенностью масонства Шведского обряда является сохранение принципа строго послушания и прямое подчинение трёх символических масонских степеней высшим рыцарским, что абсолютно не соответствует основной ландмарке классического масонства.

При инициации в рыцарские градусы перед адептом раскрывают тайный смысл и символику легенды о главном мастере – строителе храма Соломона. Так он узнает, что под именем Хирама Абифа скрывается Жак де Моле – великий магистр ордена тамплиеров, сожженный на костре 18 марта 1314 года по приказу французского короля Филиппа Красивого при согласии римского папы Климента V.

Адепту сообщают, что храм Соломона есть метафора внутреннего святилища человека, т.е. его души. Душа каждого человека нуждается в очищении от страстей и духовной трансформации. Согласно орденской легенде, секрет этой трансформации, наряду с другими древними тайнами, рыцари узнали во время крестовых походов, благодаря тому что центром их дислокации было здание близ церкви Гроба Господня в Иерусалиме, на месте которого некогда располагался храм Соломона. Именно здесь они обнаружили древние иудейские документы и артефакты, принадлежавшие

строителям Храма. Тогда же этот французский орден крестоносцев получил название тамплиеров, или храмовников, так как в переводе с французского «тамплъ» значит «храм».

С самого начала существования ордена он был окружен таинственностью. «...Эта таинственность подчеркивалась не только покровительством самых знатных особ, но и писателями, например, Вольфрамом фон Эшенбахом, а также светилами церкви, такими как св. Бернар... Они способствовали тому, чтобы их образ ассоциировался с романами о Граале, в которых они являются «хранителями» таинственного предмета или сущности, известной под именем Святого Грааля...» [1, С. 38].

Затем «...кандидату рассказывают орденскую легенду о том, что после разгрома ордена во Франции оставшиеся в живых тамплиеры переехали в Шотландию, где «целый отряд беженцев-рыцарей сражался против англичан в битве при Баннокберне, когда шотландцы во главе с Робертом I Брюсом разгромили армию Эдуарда I...» [8, С. 91]. Потомки этих рыцарей, руководимые племянником сожженного великого магистра ордена графа де Божё, «остались верными хранителями тайны тамплиеров, перенесли ее в масонский орден» [8, С. 95].

Доктрина шведского масонства носит специфический характер вследствие заимствования некоторых идей и концепций из метафизики шведского мистика и визионера Эммануила Сведенборга. «Его мистические видения активно использовались шведскими вольными каменщиками в качестве аллегорий для иллюстрации своих религиозных наставлений о космографии рая, о топографии небесного Храма и грядущем Иерусалиме» [4, С. 253].

Ложы Шведского обряда располагаются в отдельных зданиях в различных крупных городах Скандинавии, в основном это ложы Св. Иоанна и Св. Андрея. Только Провинциальная Великая Ложа в Стокгольме является исключением, поскольку в здании этой организации располагаются ложы всех степеней, в том

числе и капитулярных.

Однако многие братства Шведского обряда вообще не имеют собственных зданий для проведения масонских работ, а для своих собраний арендуют помещения у дружественных масонских братств и организаций.

Вступить в ложу не так просто, поскольку кандидат должен иметь рекомендации от двух членов братства, один из которых должен обладать 7-й степенью посвящения, а другой – 3-й степенью. Сам кандидат должен быть христианином-протестантом с хорошей репутацией в возрасте от 24 лет.

Переход из одной степени в другую не является формальным. Масон должен регулярно посещать ложу и участвовать во всех мероприятиях братства. Кроме того, он обязан совершенствоваться как в нравственности, так и в знании масонских доктрин, правил и ритуалов. При соблюдении всех этих условий неопит через несколько лет может продвигаться до степени мастера. Мастер ложи обычно пребывает на своем посту около 6 лет. Высших степеней можно достичь лишь при постоянном повышении своего интеллектуального и духовного уровня и неукоснительном соблюдении масонских правил и норм через 15 или 20 лет своего пребывания в ордене.

Ритуал и доктрина высших степеней со времен герцога Карла Зюдерманландского носит гностический и эзотерический характер, поэтому католическая церковь рассматривает масонство как современную форму гностицизма, т.е. как ересь, и осуждает его. С другой стороны, масоны воспринимают католическую церковь как оплот духовного деспотизма и обскурантизма. Взаимное неприятие католической церковью и масонством друг друга исключает возможность вступления в орден католиков. Государственная лютеранская евангелистская церковь Швеции, напротив, относится к масонству весьма лояльно и многие из её клириков состоят в различных ложах Шведского обряда.

Заключение

Работы по Шведскому уставу ведутся в настоящее время в Швеции, Дании, Норвегии, Исландии, ряде лож Финляндии и Великой земельной ложе Германии.

Библиография:

1. Бейджент М., Ли Р. Храм и ложа: от тамплиеров до масонов. – М.: Эксмо, 2006. – 325 с.
2. Генон Р. Символика креста. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 704 с.
3. Древний и Изначальный Устав Мемфиса-Митраима. Кондаков Е.Ю. Архитектура символических степеней в «шведском» и «розенкрейцерском» уставах (на материалах российских масонов XVIII – XIX веков). – URL: <https://memphismisraim.ru/library/articles/arxitektura-simvolicheskix-stepenej/>
4. Кузьмишин Е.Л. Масонство / Кузьмишин Е.Л. – М.: Ганга, 2016. – 496 с.
5. Мэнли П. Холл, Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцерской символической философии. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 794 с.
6. Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем: Пер. с ит. / Вступ. ст. и общ. ред. В.И. Уколовой. – М.: Прогресс, 1989. – 304 с.
7. Перцев В.Н. Немецкое масонство в XVIII веке // Масонство в его прошлом и настоящем: в 2 Т. / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. – М., 1914-1915 гг. Т. 1
8. Печников Б.А. «Рыцари церкви», кто они?: Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. – М.: Политиздат, 1991. – 351 с.
9. Соловьев О.Ф. Масонство в мировой политике XX века. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. – 225 с.
10. Ordo ab Chao (Порядок – из хаоса) – изначальные и полные ритуалы первого Верховного совета 33 / Перев. Е.Л. Кузьмишина. – М.,

2000 // Библиотека сайта египетского масонства в России [Электронный ресурс] – URL: <https://memphismisraim.ru/library/> (дата обращения: 25.12.19).

11. Albert G. Mackey. The Symbolism of Freemasonry. – New York: Public Domain Books, 2009. – 370p.

12. Wilmshurst W.L. The meaning of masonry. – New York: Gramercy Books, 1980. – 216 p.

References:

1. Beydzhent M., Li R. (2006) Khram i lozha: ot tampliyerov do masonov [Temple and lodge: from the Templars to the Freemasons]. – М., Yeksmo. – 325s. (In Russ.).
2. Genon R. (2008) Simvolizm kresta [Symbolism of the Cross]. – М.: Progress-Tradition. – 704s. (In Russ.).
3. Drevniy i Iznachalnyy Ustav Memfisa-Mitsraima. Kondakov E.Yu. Arkhitektura simvolicheskikh stepeney v «shvedskom» i «rozenkrejterskom» ustavakh (na materialakh rossiyskikh masonov XVIII – XIX vekov [Ancient and Primordial Charter of Memphis-Mitsraim. Kondakov E.Yu. The architecture of symbolic degrees in the «Swedish» and «Rosicrucian» statutes (based on materials from Russian Masons of the 18th – 19th centuries). <https://memphismisraim.ru/library/articles/arxitektura-simvolicheskix-stepenej/> (In Russ.).
4. Kuzmishin E.L. (2016) Masonstvo [Freemasonry] / Kuzmishin E.L.M.: Ganga, 2016. – 496s. (In Russ.).
5. Manly P. Hall. (1993) Entsiklopedicheskoye izlozhenie masonskoj, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rosenkrejtserovskoj simvolicheskoy filosofii [Encyclopedic presentation of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosycross symbolic philosophy]. – Novosibirsk: VO «Nauka». – 794s. (In Russ.)
8. Moramarko M. (1989) Mason (In Russ.).
6. Moramako M. (1989) Masonstvo v proshlom i nastoyashchem: Per.s it. / Vstup. st. i obshch. red. V.I. Ukolovoy [Freemasonry in the past and

present: Translated from it]. – M.: Progress. – 304s. (In Russ.).

7. Pertsev V.N. Nemetskoye masonstvo v XVIII veke [German Freemasonry in the 18th century] // Masonstvo v yego proshlom i nastoyashchem: v 2 T. / Pod red. S.P. Mel'gunova i N.P. Sidorova. – M., 1914-1915 gg. T. 1. (In Russ.).

8. Pechnikov B.A. (1991) «Rytsari tserkvi», kto oni?: Ocherki ob istorii i sovremennoy deyatel'nosti katolicheskikh ordenov [«Knights of the Church», Who Are They?: Essays on the history and modern activity of Catholic orders]. – M.: Politizdat, 1991. – 351s. (In Russ.).

9. Solov'yev O.F. (1998) Masonstvo v mirovoy politike XX veka [Freemasonry in world politics of the XX century]. – M.: «Rossiyskaya politicheskaya yentsiklopediya» (ROSSPEN). – 225s. (In Russ.).

10. Ordo ab Chao (Porjadok iz haosa)-iznatsalnii i polnije rituali pervogo Verhovnogo Soveta 33. [Ordo ab Chao (Order – from chaos) – the original and complete rituals of the first Supreme Council 33] / Perev. E.L. Kuzmishina. – M., 2000 // Library of the site of Yegyptian Freymasonry in Russia – URL: <https://memphis-misraim.ru/library/> (Accessed: 25.12.19) (in Engl.).

11. Albert G. Mackey (2009) The Symbolism of Freemasonry. – New York: Public Domain Books. – 370p. (in Engl.).

12. Wilmshurst W.L. (1980) The meaning of masonry. – New York.: Gramercy Books. – 216 p. (in Engl.).

УДК [316.64:94"1941/1945"]:004.7(470)

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-2-163-172

ЩЕРБИНИН Павел Петрович, доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Россия, Тамбов), e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

SHCHERBININ P.P., Doctor of Historical Sciences, Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Russian Federation, Tambov), e-mail: shcherbinin2010@gmail.com

БУКАЛОВА Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: stl1612@yandex.ru

BUKALOVA S.V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: stl1612@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ДУШЕВНОБОЛЬНЫМ ВОИНАМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

FORMING OF PSYCHIATRIC CARE FOR MENTALLY ILL SOLDIERS DURING THE WORLD WAR I

Аннотация. В статье реконструирована система призрения душевнобольных жертв войны, складывавшаяся в Российской империи в годы Первой мировой войны.

Показано, что система расширяла свой охват от солдат, эвакуированных с фронта, на другие категории пострадавших: беженцев, солдат гарнизонов и т.п. Раскрыт механизм взаимодействия между Российским обществом Красного Креста, земским союзом и союзом городов, отдельными губернскими земствами и городскими самоуправлениями, а также особой комиссией Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, и семей раненых и павших воинов в помощи душевнобольным жертвам войны. Определены основные проблемные и конфликтные моменты этого взаимодействия.

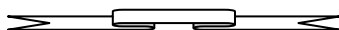
Установлено, что потребность оказания психиатрической помощи пострадавшим в условиях войны ставила задачи принципиального расширения масштабов психиатрической помощи в Российской империи. Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках гранта № 19-09-00494.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, инвалиды войны, душевнобольные воины, военная психиатрия, Красный Крест, Всероссийский земский союз (ВЗС), Все-

российский союз городов (ВСГ), земская медицина.

Abstract. The article reconstructs the system of care for mentally ill war victims that developed in the Russian Empire during the World War I. It is shown that the system expanded its coverage from soldiers evacuated from the front to other categories of victims: refugees, garrison soldiers, etc. The mechanism of interaction between the Russian Red Cross Society, the Zemstvo Union and the Union of Cities, individual provincial zemstvos and city local self-governments, as well as a Special Commission of the Supreme Council for the support of families of persons called up for war, families of wounded and fallen soldiers in helping mentally ill victims of war is revealed. The main problematic and conflicting moments of this interaction are identified. Established, that the need to provide psychiatric care to victims of war posed the tasks of fundamentally expanding the scale of psychiatric care in the Russian Empire. The article was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the grant №19-09-00494.

Keywords: The Russian Empire, the World War I, war invalids, mentally ill combatants, military psychiatry, the Red Cross, the All-Russian Zemstvo Union, the All-Russian Union of Cities, Zemstvo medicine.

Введение

Отношение здоровых людей к психически больным отражает не только собственно медицинские возможности, но и состояние культуры общества, уровень его гуманности. На психиатрию в большей степени, чем на другие области медицины, влияли господствовавшие религиозные взгляды и философские концепции. В эволюции психиатрии как науки выделяется ее ранний, донаучный период, приписывавший душевным болезням сверхъестественную природу. Клинико-описательный период возник вследствие понимания того, что психические отклонения обусловлены проявлением болезни, которая требует медицинской помощи. Современный, медико-социально-терапевтический период характеризуется появлением обоснованной и целенаправленной терапии и реабилитации больных с психическими расстройствами [1, С. 16–17].

Развитие психиатрии в России включает в себя формирование научных представлений о психических расстройствах, организацию специализированной помощи больным, становление научных врачебных обществ врачей-психиатров, появление новых средств и методов лечения.

Исследования, посвященные отечественной психиатрии периода Первой мировой войны, концентрируют свое внимание на профессиональной полемике вокруг связи душевных болезней военнослужащих – особенно знаменитой «воздушной контузии» или «травматического невроза» (шелл-шока) – с обстоятельствами боевых действий, на выявлении их органической либо психогенной природы [8, С. 327]. В центре данного исследования будут находиться организационные аспекты оказания психиатрической помощи пострадавшим на войне, складывавшиеся под влиянием как социальной ситуации в стране, так и общих проблем развития медицинской науки.

В планах военного ведомства роль центрального звена оказания психиатрической помощи в действующей армии была отведена Российскому обществу Красного Креста (РОКК), с которым было заключено соглашение о принятии им на себя этих ранее не свойственных РОКК функций с финансированием их осуществления за счет казны (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 105–109).

Для выполнения этой задачи Главным Управлением Красного Креста была образована Психиатрическая комиссия, которая занималась общей организацией и надзором по данному вопросу. Комиссия действовала самостоятельно, испрашивая указаний от Главного управления РОКК лишь в исключительных случаях. Психиатрическая комиссия РОКК учредила на местах для распоряжений в тылу действующей армии институт уполномоченных по эвакуации душевнобольных воинов в Северном и Западном районе, в Южном и Юго-Западном районе и на Кавказе, а кроме того – по одному Уполномоченному при управлениях Главноуполномоченных Северного района, Внутреннего района и при Кавказской армии для распоряжений по «рассеиванию» душевнобольных по лечебным заведениям. Уполномоченные располагали необходимым врачебно-санитарным персоналом для эвакуации, призревания и рассеяния душевнобольных воинов (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 106).

Организационную основу психиатрической службы Красного Креста составили приемные и сборные пункты. Деятельность по призерению душевнобольных воинов началась с развертывания сети приемных пунктов вблизи линии фронта. Оттуда больные, страдающие психическими расстройствами, эвакуировались в сборный тыловой пункт, затем – в приемно-распределительный пункт военного ведомства в глубоком тылу, откуда распоряжениями уполномоченных рассеивались по психиатрическим лечебницам Крас-

ного Креста либо иным, предоставившим для этого места, или передавались на попечение родственников.

Приемный психиатрический пункт Красного Креста был рассчитан на 10–20 мест, сборный пункт – на 25–50 мест. Приемные пункты располагались в железнодорожных вагонах, а сборные были стационарными. В районе Северо-Западного фронта сборные пункты располагались в Минске и Назимове, Юго-Западного – в Одессе, Кишинёве и Рени, на Кавказском фронте сборные пункты были устроены в Тифлисе, Кобулету, Абастумане, Владикавказе, Ставрополе, Александрополе, Саракамыше, Трапезунде и Эрзеруме. На Кавказе местные условия и недостаток перевозочных средств потребовали устройства этапных пунктов между передовыми учреждениями фронта и приемными пунктами. На этапных пунктах больных ожидали опытные санитары, которые сопровождали их в постоянные пункты. В связи с продвижением русских войск на территорию Турции и Персии летучие отряды психиатрической помощи были открыты в Трапезунде, Эрзеруме и Шерив-Хане на озере Урмия [4, С. 3488].

Примечательно, что в Северо-Западном районе психиатрическая организация Красного Креста насчитывала 318 коек, в Юго-Западном – 490 коек, а на Кавказе – целых 575 коек.

Из сборных пунктов душевнобольные воины эвакуировались в приемно-распределительные пункты, а из них распределялись по окружным психиатрическим больницам МВД, городским и земским заведениям и лечебницам Красного Креста. Только в Москве было 17 таких заведений, насчитывавших без малого 2,5 тыс. мест – от очень крупных, на несколько сотен коек, до небольших – до сотни кроватей. Всего же в Московском районе было развернуто 3340 специализированных лечебных мест, в Киевском районе – 287 коек, в Петроградском районе – 1463 койки [2, С. 3562].

Война довольно быстро внесла свои коррективы в работу этой внешне стройной организации. Первой проблемой стала нехватка мест в психиатрических лечебницах для «рассеиваемых» больных, нуждавшихся в сравнительно длительном лечении. В 42 земских и городских психиатрических больницах имелось 1787 коек, отведенных специально для надобностей военного времени (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 161). Однако их было недостаточно, и во многих случаях больные направлялись в переполненные психиатрические заведения, где попадали в условия, в которых правильное их лечение оказывалось невозможным [7, С. 15]. Переполненность психиатрических больниц также приводила к практике выписки не вполне окрепших после заболевания пациентов, сокращению приема душевнобольных из числа мирных обывателей.

В этих условиях в приемно-распределительных госпиталях постепенно образовывался «осадок» психических больных, которых не было возможности распределить куда-либо для продолжительного лечения, что, в свою очередь, сокращало принимающую способность госпиталей на фоне нарастающего потока пациентов. Отмечалось, что открытие дополнительных передовых пунктов позволяло интенсифицировать выявление психических больных и их эвакуацию из действующей армии, то есть чем шире разворачивалась система, тем больше становилось пациентов.

Ввиду наблюдающегося переполнения гражданских лечебных заведений и невозможности для них принять уволенных в отставку душевнобольных воинов, как-то их обязывает закон, перед психиатрической организацией Красного Креста встала потребность задерживать этот контингент в своих заведениях. Был создан целый ряд тыловых госпиталей, развернута патронажная сеть. Например, в 1915 году в Москве был открыт госпиталь Красного Креста на

420 больных. В Воронеже Красным Крестом был устроен специальный госпиталь для душевнобольных воинов на 130 коек (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 173–181). На Кавказе, в Абастумане, был открыт специальный лазарет Красного Креста на 100 мест для душевнобольных, страдающих туберкулезом, малярией и легочными заболеваниями [6, С.129].

Коренным образом разрешить проблему призерения душевнобольных воинских чинов могло бы запланированное строительство новой окружной лечебницы МВД – Луганской на 1600 койко-мест, которая могла бы вместить до 6000 пациентов. Для нее уже были подготовлены проект и смета, найден земельный участок. Однако сильное вздорожание строительных материалов и нехватка рабочих рук заставили отложить начало сооружения больницы, поставив также под вопрос и расширение Московской лечебницы МВД [2, с. 3562].

Таким образом, дефицит мест в психиатрических больницах по оценке Красного Креста к концу 1916 года составлял до 6 тыс. мест. Общественные организации вдвое увеличили эту цифру. Согласно предварительной разработке Объединенным статистическо-психиатрическим бюро данных о движении душевнобольных воинов по 23 психиатрическим больницам к январю 1917 года, в империи необходимо было создать не менее 10–12 тыс. дополнительных психиатрических коек (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 55–61).

Более масштабной и сложной проблемой было само определение категории душевнобольных, которые имели право на получение помощи как жертвы войны. Дело в том, что под эгидой Красного Креста находились только раненые и больные, проходившие лечение для возвращения в строй. Как показала практика, большая часть страдавших душевными расстройствами солдат оказыва-

лась непригодна к военной службе даже после длительного лечения. Так, в Тифлисский сборный пункт Красного Креста, осуществлявший также лечение душевнобольных, за год его работы поступило 576 нижних чинов, 148 офицеров и 16 гражданских лиц. Из них годными к продолжению военной службы были признаны более 1/5 нижних чинов и 1/3 офицеров. Остальные либо продолжали свое лечение, либо были комиссованы. Смертность составляла около 1,5 % [6, С. 131].

Красный Крест предлагал строго различать призерение душевнобольных, состоящих на действительной военной службе, и душевнобольных инвалидов – воинских чинов, уволенных в отставку. Только первая категория в полной мере пользовалась покровительством Красного Креста, включавшим их выявление в действующей армии, эвакуацию в тыл и лечение в соответствующих заведениях.

Ограниченное толкование причинной связи между заболеванием и прохождением военной службы было установлено циркулярным распоряжением Главного военно-санитарного управления от 20 мая 1915 года [7, С. 12–14]. Те нижние чины, психическое расстройство которых проявилось в пути или уже в тылу, например, в приемно-распределительном пункте или в лечебном заведении, также были исключены из ведения психиатрической организации РОКК. Случаи психических расстройств, которые выявлялись непосредственно в рядах действующей армии, следовало разделять на две категории по времени начала болезни: те, у которых болезнь началась до призыва в армию и лишь обнаружилась на службе, и заболевшие во время прохождения службы.

Специалисты отмечали, что ввиду слабого развития психиатрической помощи в России и крайней переполненности психиатрических лечебных заведений многие тысячи

больных, нуждающихся в психиатрической и неврологической помощи, оказались рассеяны среди населения. При осмотре призывников воинскими присутствиями производился исключительно внешний осмотр, весьма серьезные нарушения психики при этом ускользали от внимания призывной комиссии. Было немало случаев, когда признанные годными к военной службе воинскими присутствиями новобранцы попадали в психиатрические учреждения Красного Креста непосредственно со сборных пунктов воинских начальников. Спешный набор в ряды войск и громадная численность призванных объясняли то обстоятельство, что в армию попало значительное число душевнобольных, чья болезнь обнаружилась уже после их приема на службу или даже уже после сравнительно продолжительного на ней нахождения. Так, в Николаевский военный госпиталь из более чем 600 человек, поступивших с начала войны по 1 октября 1915 года, с театра военных действий прибыло около 1/3, остальные поступили из гарнизонов (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 162), при этом военнослужащие тыловых гарнизонов не были охвачены призывом Красного Креста.

Даже в том случае, если болезнь началась на службе, согласно действовавшим правилам, специальная комиссия должна была установить ее связь с условиями прохождения службы, по поводу чего у психиатров не было единого мнения. Рассматривая положение уволенных из рядов армии вследствие психических расстройств, Красный Крест пришел к выводу, что на основе соответствующих узаконений Свода военных постановлений лица, получившие инвалидность вследствие своего участия в боевых действиях и лишившиеся при этом рассудка (раненые, контуженые), призываются до выздоровления или до смерти в военных госпиталях, то есть в том числе и в лечебных заведениях Красного Креста, на время войны по особому соглашению выполняющих эти

функции. Впрочем, отмечалась малочисленность такой категории [2, С. 3564].

Все остальные военнослужащие, причиной увольнения которых от службы стало именно психическое заболевание, но не органическое поражение, могут размещаться на срок не более года в военных госпиталях до подыскания для них мест в лечебных заведениях, к каковым согласно закону от 5 декабря 1912 года являются окружные, земские и городские лечебницы и больницы [5, Ст. 2284].

Также не пользовались призывом РОКК душевнобольные из военнопленных, беженцев и рабочих, занятых на окопных работах в ближнем тылу: помощь им оказывалась лишь в виде эвакуации в соответствующие лечебные заведения (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д. 1072. Л. 105). Значительное число душевнобольных поступало в земские больницы напрямую из воинских частей и лазаретов, минуя организацию Красного Креста. Таким образом, система помощи участникам войны с психическими заболеваниями, созданная Военным ведомством, охватывала лишь часть таких лиц.

Те из военнослужащих, у которых война отняла «самое дорогое, что есть в человеке – разум», как потерявшие трудоспособность инвалиды, подлежали заботе Особой Комиссии по призыву воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей – полуавтономного подразделения Верховного Совета по призыву семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Ведению особой комиссии подлежала организация помощи увечным солдатам.

Постановление Верховного Совета от 18 июля 1915 года вменяло в обязанность особой комиссии также содействие устройству убежищ для психически больных и потерявших рассудок воинов [3, С. 42]. В мае 1916 года начала работу психиатрическая подкомиссия врачебно-технического отдела

Особой Комиссии, включавшая в свой состав представителей заинтересованных ведомств, Красного Креста и общественных организаций – Главных комитетов ВЗС и ВСГ, Петроградского и Московского городских управлений, Петроградского и Московского губернских земств. Комиссия начала разработку плана призрения душевнобольных воинов, освобожденных по психической болезни от военной службы (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д.1072. Л. 24–24 об.). Выяснялась численность подлежащего этому виду призрения контингента, общие основания плана и способы осуществления призрения. В соответствии с высказанными ранее суждениями Верховного Совета и Особого Комитета было признано желательным распространить попечение Верховного Совета не только на душевнобольных воинов, но и на все разряды лиц, пострадавших в связи с войной: служащих и рабочих в армии, беженцев и мирных обывателей, возвращаемых из вражеского плена.

Организационную основу призрение душевнобольных воинов и прочих пострадавших в связи с войной лиц должны были составить преимущественно существующие земские и городские психиатрические больницы. Особая Комиссия намеревалась субсидировать общественные управления на постройку и оборудование новых или приспособление и расширение прежних помещений.

Мотивами для такого подхода послужило мнение о желательности призрения больного по возможности ближе к месту его происхождения или постоянного жительства, что дало бы ему возможность поддерживать связи с близкими, а также экономия и сравнительная легкость организации дела на основе уже действующих учреждений, имеющих налаженную хозяйственную и административную части, располагающих необходимыми навыками и опытом. Также при таком подходе

достигалось общее увеличение числа мест в психиатрических больницах. По миновании военных надобностей вновь учрежденные места могли быть обращены на пользу местного населения [3, С. 42].

К декабрю 1916 года в Особую Комиссию поступили обращения от 35 губернских земств (в том числе Воронежского, Курского и Орловского), университетов и Одесского городского общественного управления о расширении существующих земских психиатрических больниц для нужд приема пострадавших от войны. Из них Петроградское, Ярославское, Харьковское, Полтавское, Уфимское и Ставропольское губернские земства представили подробные планы и сметы расширения (РГВИА. Ф. 12593. Оп. 1. Д.1072. Л.55–61).

Поскольку места для продолжительного, в том числе пожизненного, призрения душевнобольных инвалидов войны создавались в земских психиатрических больницах, а земства, как и городские самоуправления, были объединены во всероссийские организации – земский союз и союз городов, постольку ВЗС и ВСГ также оказались вовлечены в мобилизацию системы психиатрической помощи, постаравшись приобрести в ней объединяющую и координирующую роль.

Довольно быстро – раньше, чем особая комиссия – союзы создали объединенную психиатрическую комиссию. В июле 1915 года в составе объединенной Психиатрической комиссии была выделена неврологическая секция, а также было организовано центральное статистико-психиатрическое бюро. Этому предшествовало образование 20 декабря 1914 года при Петроградском областном комитете ВСГ Психиатрической комиссии под председательством профессора В. М. Бехтерева. В январе 1915 года Петроградский областной комитет заключил с Психоневрологическим институтом, который возглавлял П. П. Кащенко, договор об

устройстве на территории института центрального эвакуационного психиатрического госпиталя. Эти два выдающихся психиатра – В. М. Бехтерев и П. П. Кащенко – сыграли заметную роль в определении принципов развития военной психиатрии в годы Первой мировой войны. Также ВЗС и ВСГ действовали в тесном контакте с Русским Союзом психиатров и невропатологов.

Для ознакомления земств с задачами развертывания психиатрической помощи в связи с войной и обсуждения общих принципов ее постановки в ноябре 1916 года по инициативе Петроградской областной психиатрической комиссии был проведен всероссийский съезд представителей земств, городов, их объединений и заинтересованных ведомств – Военного, МВД, Красного Креста, Русского союза психиатров и невропатологов.

Программа съезда также была разработана Петроградской психиатрической комиссией. По мнению членов комиссии, на съезде следовало рассмотреть как организацию длительного лечения пострадавших в связи с войной, так и постановку дела временной помощи таким лицам в продолжение войны. Совещанию было необходимо выяснить вопрос о разграничении сфер деятельности различных учреждений, заинтересованных в деле призрения душевнобольных воинов, и основные параметры участия местного самоуправления в организации психиатрического призрения жертв войны. Также нуждались в установлении основных принципов расширения действующих психиатрических лечебных заведений, возмещения расходов на содержание в них лиц, пострадавших в связи с войной, организации внебольничного призрения таких лиц. Кроме того, совещание уделило внимание совершенствованию эвакуации и рассеивания душевнобольных воинов и их статистического учёта.

Съезд пришел к заключению, что призрение душевнобольных воинов и прочих по-

страдавших от войны лиц составляет неразрывную часть общей системы призрения душевнобольных в России, являясь предметом заботы государства и общества, но должно осуществляться за счет государства через посредство земских и городских общественных управлений при содействии Особой Комиссии Верховного Совета при участии объединяющих местные самоуправления органов ВЗС и ВСГ. Необходимо, чтобы мероприятия по лечению и призрению душевнобольных воинов были согласованы с общим планом развития психиатрической помощи в России. Съезд подчеркивал необходимость выработки такого плана соединенными силами земств и городов, для чего следовало созвать очередной съезд психиатров [7, С. 5].

Логично предполагая, что по окончании войны забота о военных инвалидах, страдающих неизлечимыми душевными расстройствами, ляжет на земства, съезд разработал схему расширения земской психиатрии. Согласно ей ходатайства отдельных земств и городов об ассигновании средств на постановку психиатрической помощи в связи с войной должны быть представлены непосредственно в Главные Комитеты ВЗС и ВСГ. Главные комитеты союзов, в которые поступают все проекты отдельных земств и городов о мероприятиях по призрению душевнобольных воинов на средства, отпускаемые через Особую Комиссию Верховного Совета и другие соответствующие учреждения, дают свои заключения по всем этим проектам и направляют их в названные учреждения для получения необходимых средств органом местного самоуправления для выполнения представленного проекта.

Для подготовки таких заключений при Главных Комитетах предполагалось организовать специальную объединенную комиссию, состоящую из психиатров, санитарных врачей, инженеров, архитекторов и представителей союзных организаций, представите-

лей конкретного земства или городского общественного управления, представившего проект, и «сведущих людей» (экспертов). Данная комиссия должна была рассматривать представляемые проекты с точки зрения их соответствия общему плану призрения душевнобольных воинов, психиатрическим и строительным требованиям, оценивая также стоимость сооружения и содержания [7, С. 5].

Субсидии на расширение общественных земских и городских психиатрических лечебниц должны были направляться в адрес органов местного самоуправления по получении соответствующего заключения Главных комитетов о соответствии общероссийскому плану призрения душевнобольных воинов. Также субсидии на соответствующие цели могут получить и другие учреждения, организации и лица (например, Психоневрологический институт) (РГВИА. Ф. 12593. Оп.1. Д.1072. Л. 24 об.).

К масштабному расширению земских психиатрических больниц предполагалось приступить уже в строительном сезоне 1917 года. Многие органы местного самоуправления провели значительную подготовительную работу, подобрав земельные участки, подготовив проектно-сметную документацию, закупив некоторые стройматериалы. Летом 1917 года все дело организации призрения душевнобольных воинов было передано от Красного Креста в Объединенную Психиатрическую организацию земского и городского союзов, финансирование же от Особой Комиссии перешло к губернским земствам, что на практике означало катастрофическое ухудшение ситуации.

Сложившаяся в условиях Первой мировой войны система психиатрической помощи в качестве основных организационных элементов включала структуры Красного Креста, Особой Комиссии Верховного Совета, местного самоуправления. Каждый из этих элементов выполнял особые функции: выявление

психических больных в действующей армии и их эвакуация в тыл выполнялись Красным Крестом, получавшим государственное финансирование; лечение и призрение душевнобольных, пострадавших в связи с войной, организовывались особой комиссией из средств Верховного Совета; земства и городские самоуправления располагали наиболее развитой сетью психиатрических лечебных учреждений, которые оказывали непосредственную помощь душевнобольным воинам и прочим причастным к войне лицам. По числу мест для душевнобольных психиатрические организации Красного Креста и органов местного самоуправления были примерно сопоставимы, однако их контингент различался.

Автономная система органов и учреждений местного самоуправления плохо сопрягалась с решением масштабных государственных задач, но выступала при этом необходимым элементом в механизме их решения, требуя централизации. Земский союз и союз городов, тесно взаимодействуя в данном направлении, предпринимали усилия по координации работы органов местного самоуправления, ставя своей целью создание общероссийской системы военно-психиатрической помощи, урегулирование правового статуса душевнобольных воинов. Как видно, земский и городской союзы, формально состоящие под эгидой Красного Креста, совершенно не считали себя его частью и в интересах дела посягали на его предмет ведения. Если РОКК рассматривал свое участие в организации психиатрической помощи как временное, то союзы были заинтересованы в закреплении за собой руководящих функций в данной сфере и по окончании войны.

Библиография:

1. Александровский Ю.А. История отечественной психиатрии: в 3 т. – Т. 1. – М.: ИД

«Городец», 2020. – 408 с.

2. Вопрос об увеличении числа мест для душевнобольных воинов // Вестник Красного Креста. – № 10. – Декабрь 1916. – С. 3560-3567.

3. Деятельность комитета по Москве и Московской губернии // Ежемесячник Комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны. – № 6. – 1916. – С. 41-42.

4. Доклад уполномоченного по призрению душевнобольных воинов на Кавказском фронте // Вестник Красного Креста. – № 10. – Декабрь 1916. – С. 3487-3488.

5. Закон об улучшении земских и городских финансов // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате: [Издание официальное]. – СПб, 1912. – № 1 (2 янв.) – 263 (30 дек.). – Ст. 2284.

6. Отчёт уполномоченного психиатрической организации Красного Креста при Кавказской армии доктора А.И. Прусенко // Вестник Красного Креста. – № 10. – Декабрь 1916. – С. 123-147.

7. Резолюции Всероссийского съезда врачей-психиатров и представителей земств, городов и заинтересованных ведомств по организации призрения душевнобольных воинов и прочих лиц, причастных к военным событиям в Петрограде 24–27 ноября 1916 года. Отдельный оттиск из «Психиатрической газеты» № 23 1916. – Пг: Типография Б. В. С., 1916. – 22 с.

8. Сироткина И.Е. Российские психиатры на Первой мировой войне // Наука, техника и общество России, и Германии во время Первой мировой войны. – СПб: Нестор-История, – 2007. – С. 326-344.

References:

1. Aleksandrovskij YU.A. Istoriya otechestvennoj psichiatrii [The history of Russian psychiatry]. - M.: ID «Gorodec», 2020. – 408s. (In Russ.).

2. Vopros ob uvelichenii chisla mest dlya dushevnobol'nyh voinov [The issue of increasing the number of places for mentally ill soldiers], Vestnik Krasnogo Kresta. – №10. – Dekabr' 1916. – S.3560-3567. (In Russ.).

3. Deyatel'nost' komiteta po Moskve i Moskovskoj gubernii [Activities of the Committee for Moscow and the Moscow Province], Ezhemesyachnik Komiteta Velikoj Knyagini Elizavety Fedorovny. – №6. – 1916. – S.41-42. (In Russ.).

4. Doklad upolnomochennogo po prizreniyu dushevnobol'nyh voinov na Kavkazskom fronte [Report of the Commissioner for the care of mentally ill soldiers on the Caucasian Front] // Vestnik Krasnogo Kresta. – №10. – Dekabr' 1916. – S. 3487-3488. (In Russ.).

5. Zakon ob uluchshenii zemskih i gorodskih finansov [The Law on the improvement of Zemstvo and City Finances], Sbranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri Pravitel'stvuyushchem Senate: [Izдание oficial'noe]. - SPb., 1912. – № 1 (2 yanv.)- 263 (30 dek.). – St. 2284. (In Russ.).

6. Otchyot Upolnomochennogo Psihiatricheskoj organizacii Krasnogo Kresta pri Kavkazskoj armii doktora A.I. Prusenka [Report of the Authorized Representative of the Psychiatric Organization of the Red Cross under the Caucasian Army, Dr. A.I. Prusenka], Vestnik Krasnogo Kresta. – № 10. – Dekabr' 1916. – S.123-147. (In Russ.).

7. Rezolyucii Vserossijskogo s'ezda vrachej-psihiatrov i predstavitelej zemstv, gorodov i zainteresovannyh vedomstv po organizacii prizreniya dushevnobol'nyh voinov i prochih lic, причастных к военным событиям в Петрограде 24-27 noyabrya 1916 goda [Resolutions of the All-Russian Congress of Psychiatrists and Representatives of Zemstvos, Cities and Interested Departments on the organization of charity for mentally ill soldiers and other persons involved in the military events in Petrograd on November 24-27, 1916]. – Pg.: Tip B.V.S., 1916. – 22s. (In Russ.).

8. Sirotkina I.E. Rossijskie psihiatry na Pervoj mirovoj vojne [Russian psychiatrists in the First World War], Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoj mirovoj vojny. – SPb.: Nestor-Istoriya, – 2007. – S.326 – 344. (In Russ.).

АРОНОВ Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

ЛЕВИНА Ирина Робертовна, ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: irinjlevina@yandex.ru

СМИРНОВ Иван Михайлович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры ОРД ОВД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Россия, Орёл), e-mail: kadyj@yandex.ru

ARONOV D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Oryol State University named after I.S. Turgeneva (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

LEVINA I.R., Senior lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Oryol State University named after I.S. Turgeneva (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

SMIRNOV I.M., Candidate of historical sciences, Teacher of the Chair of operational-search activity interior ministry, Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Russian Federation, Orel), e-mail:kadyj@yandex.ru

ОХРАНА ПЕРВОБЫТНЫХ ПЛЕМЕН В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

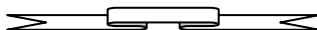
PROTECTION OF PRIMITIVE TRIBES IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW OF THE EARLY XX CENTURY

Аннотация. В статье проведен анализ генезиса международного экологического права и объектов его правовой охраны. Авторами рассмотрена специфика формирования объекта и предметов правовой защиты международного экологического права на примере Бернской конференции экспертов 1913 года. Акцентируется внимание на вопросе сохранения в неприкосновенности среды обитания и образа жизни народностей, ведущих первобытный образ жизни. В наши дни примат прав и свобод человека как системообразующего центра современных политических систем и режимов презюмируется научным сообществом. В качестве дискуссионной обозначена проблема включения первобытных племен в объект охраны международного экологического права с целью сохранения уникальности жизненного уклада и защиты от влияния цивилизации.

Ключевые слова: международное экологическое право, социологический позитивизм, первобытные племена как объект правовой защиты, образ жизни, «человеческие зоопарки».

Abstract. The goal of this article is to analyze primitive tribes as a legal subject or subject-matter of the international environmental law of the early twentieth century. The article presents the analysis of the object and subjects formation of the international environmental law legal protection on the example of Berne Conference of Experts in 1913. The issue of preserving the habitat and the lifestyle of nationalities leading a primitive way of life is considered. Nowadays, the primacy of human rights and freedoms as the system-forming center of modern political systems and regimes is not seriously disputed by anyone. The slightest attempts to talk about the prevalence of other values (state, religious) are perceived as an attempt at sacrilege during the period of the Catholic religion dogmas dominance in Europe.

Keywords: international environmental law, sociological positivism, primitive tribes as the object of legal protection, lifestyle and habitat, «human zoos».

Введение

Одной из отраслей международного публичного права, чье появление, становление и развитие стало прямым следствием ускорения темпов научно-технического прогресса, роста его качественного влияния на жизнь человеческой цивилизации стало международное экологическое право¹. Формирование отраслей права под влиянием стремительно меняющихся условий жизни человечества, а, соответственно, появление значимых общественных отношений, регулирование которых требует именно правовых инструментов, отличается достаточно короткими сроками (по крайней мере, в сравнении с традиционными отраслями международного права, формировавшимися порою веками и тысячелетиями). С этим положением согласны практически все отечественные авторы, избравшие в качестве предмета исследования историю международного экологического права.

Вполне обоснованное единодушие наблюдается, в частности, и в периодизации его истории, прежде всего, если мы говорим о начальных периодах его развития. Первый получил традиционное название «викторианского», и незначительные расхождения по его верхней границе вряд ли меняют что-то принципиально. Разница в 1947 году или 1948-м существенно не важна, и даже соотнесение начала нового этапа с конвенциями, заключенными в межвоенный период, также основано на переходе уровня международно-правовой охраны природы в новое качественное состояние (уточнение объекта правовой охраны, универсальный характер соглашений, формирование специализированных международных организаций). В отечественной литературе по данной проблеме сложился единый подход к периодизации генезиса международного экологического права.

¹ Существует точка зрения, сущность которой сводится к тому, что вплоть до настоящего времени ее становление не завершено, а объект, предмет, отраслевые принципы, базовые институты имеют значительный потенциал для дальнейшего развития.

Первый этап соотносится с периодом с 1839 по 1948 год. Второй этап локализуется между 1948 и 1972 гг. Если же говорить о третьем этапе (с 1972 по 1992 год) и четвертом, собственно современном (начиная с 1992 года), то здесь дискуссия продолжается. Так, известный специалист в сфере международного публичного права К. А. Бекашев полагает целесообразным не разделять их, а отнести к современному периоду развития международного экологического права [5].

Периодизация генезиса международного экологического права есть, по сути, индикация проявления соответствующих общественных настроений. Их выражением стали международные конференции по проблемам охраны природы (если ориентироваться на содержание докладов участников конференции, точнее было бы сказать «окружающей среды», тем более что данный термин появился еще в XIX веке), в том числе по правовым аспектам названной проблематики. Эти мероприятия наглядно говорят в пользу того, что в среде ученых, выступавших в качестве экспертов, шел постоянный дискурс по выявлению сущности тех общественных отношений, которые было целесообразно урегулировать на уровне новой отрасли международного права.

Начало подобным мероприятиям положила конференция, организованная по инициативе швейцарского правительства в Берне 17–19 ноября 1913 года, – одна из первых в ряду коллективных публичных мероприятий по международной охране природы². Полагаем, что именно с неё пусть на достаточно условном, но все-таки на межгосударственном уровне начинается экспертное обсуждение содержания

² По приглашению правительства Швейцарии на конференцию прибыли представители 17 государств: Австрии, Аргентины, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Германии, Голландии, Дании, Испании, Италии, Норвегии, Португалии, России, США, Франции, Швейцарии, Швеции (Румыния и Япония получили приглашения, но участия в работе конференции не принимали).

объекта правовой охраны международного экологического права, разрабатываются тексты межгосударственных соглашений. Там же была предпринята попытка воплощения в практике международных отношений идеи создания межправительственного органа (в терминологии начала XX века – комиссии)¹ для реализации контрольно-надзорных (как вариант наблюдательных) функций на международном уровне.

При этом, в ряд с самыми разнообразными вопросами в части выделения тех сфер человеческой деятельности, в которых охрана окружающей среды необходима в первоочередном порядке, стало предложение, которое в наши дни в рамках конференции по экологии воспринималось бы как злая шутка. Для современного так называемого коллективного Запада подобная «шутка» могла бы вызвать не только общественную обструкцию, но и привести к вполне конкретному административному или уголовному преследованию. Не будем томить читателя, речь идет об идее, прозвучавшей из уст представителя Швейцарии – председателя конференции Л. Форрера – и в предложениях одного из российских представителей² – профессора Г. А. Кожевникова, выдающегося биолога мирового уровня, одного из основателей научного российского пчеловодства, директором зоологического музея МГУ. Это идея поставить под защиту международного экологического права как объект этой защиты человеческие племена,

сохранившие первобытный образ жизни.

Будучи инициатором и вдохновителем охраны дикой природы в России, в частности автором идеи сети заповедников, которая была воплощена уже в советское время, он сообщил конференции о состоянии охраны природы в России. Однако главным в предложениях Г. А. Кожевникова стала идея поставить под охрану международного экологического права человеческие племена, находившиеся в начале XX века в состоянии дикости. В своем выступлении на конференции Г. А. Кожевников отметил, что в рамках докладов делегатов речь шла об охране растительного и животного мира, природных ландшафтов, но, по его мнению, из их поля зрения выпал такой аспект, как охрана первобытных народностей [9]. Конкретизируя свою идею, он указывал на то, что речь идет о редких человеческих расах, находящихся вне какого бы то ни было влияния европейской цивилизации. По его мнению, развитые страны совершат очень серьезную ошибку, если займутся их принудительной цивилизацией [9].

Может показаться, что этот призыв профессора Г. А. Кожевникова либо непонятное проявление какого-то махрового расизма, либо чудачество учёного, известного своим нестандартным поведением в мире науки и в быту. К тому же многие эпизоды его биографии, давали немало оснований к последнему выводу. Биографы Г. А. Кожевникова полагают, что М. А. Булгаков использовал его фразу в столовой МГУ касательно чтения до обеда советских газет (как, впрочем, и их чтения вообще) в одном из широко известных эпизодов «Собачьего сердца» [8]. Однако, если мы вспомним один из господствовавших типов восприятия народов, с которыми европейцы вступали в контакт в ходе колонизации, то там есть немало весьма небесспорных для современного мировосприятия вариантов. За краткостью настоящей статьи обратимся к творчеству Редьярда Киплинга:

Неси это гордое Бремя –
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным

¹ Участники конференции учредили совещательную комиссию, наделенную полномочиями по сбору, обобщению и опубликованию всех данных о состоянии природы мира и ее охране, а также по пропаганде международной охраны природы. Отказ от учреждения межправительственного органа с широкими полномочиями в области международной охраны окружающей среды был связан с различной позицией участников конференции. Представители России, Швейцарии ряда других стран выступали за наделение комиссии правом разрабатывать проекты международных соглашений и следить за их выполнением. Другие участники не были готовы к ее наделению широкими полномочиями в сфере охраны окружающей среды.

² Вторым участником был профессор И. П. Бородин.

Народам на край земли –
На каторгу ради угрюмых,
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
«Несите бремя белых...» [5].

По сути, Г. А. Кожевников предложил обеспечить первобытным народам право жить своей жизнью без «прогрессорства»¹ европейского типа, какими бы пусть порою и самыми благородными мотивами оно ни обосновывалось бы. Что же в этом случае (т.е. невмешательства в жизнь первобытных племён) должны сделать представители иного мира для обеспечения их интересов?

Профессор Г. А. Кожевников предлагал, правда, в самом общем виде сохранить им «по крайней мере, право на существование», полагая, что «...было бы громадной несправедливостью сказать: станем охранять растения и животных, слонов, райских птиц, крокодилов и т.д., но не надо охранять дикого человека!» [9].

Аналогичные идеи содержались и в речи швейцарского представителя Л. Форрера, председательствовавшего на конференции. Он, в частности, им сделал акцент на том, что идея защиты первобытных племен витает в воздухе, но вместе с тем он весьма прагматично предупреждал собравшихся от соблазна бесконечного расширения перечня охраняемых объектов природной среды. Соответственно, не будучи принципиальным противником защиты первобытных народностей, он полагал нецелесообразным их включение в объект охраны международного экологического права по формально-

рационалистическим соображениям [9].

Более чем поэтично сказал об этой проблеме делавший на конференции от приглашающей стороны (Швейцарии) основной доклад «О задачах мировой охраны природы» и представлявший ее на этом мероприятии ещё один швейцарский дипломат Поль Саразен: «...не все еще задачи, которые берет на себя мировая охрана природы, исчерпаны. Осталась самая важная и самая прекрасная – спасти от уничтожения последние остатки примитивных племен диких народов и сохранить их по возможности нетронутыми для будущих поколений. ...Бесконечно важно поэтому сохранить для науки, для нас самих и для будущих поколений, эти остатки прошлых времен, каким-то чудом сохранившиеся до настоящая времени» [9].

Конечно, в данном случае под правом на существование для этих племен понимается не минимально соответствующее уровню жизни современного государства качество предоставления и получения социальных благ, а сохранение за конкретными народами права вести естественный образ жизни. Это обеспечивается защитой соответствующих локаций, неразрывно связанных с племенным образом жизни и отказом (и даже защитой этого образа жизни) от настроенных в духе прогрессорства представителей цивилизации, более развитой в техническом отношении.

Однако подобный подход возможен только в рамках смены общей парадигмы европейского мировосприятия с отказом от принятия за критерий прогресса то, насколько тот или иной народ приблизился к ценностям цивилизации европейского типа.

Вместе с тем подобное изменение подхода на практике нереально. С традиционной точки зрения предложение об ограждении племен, ведущих первобытный образ жизни, от того, что мы считаем достижением нашей цивилизации, а в первую очередь это права и свободы человека, выглядит образцовым расизмом. При же-

¹ Прогрессоры в научно-фантастической литературе – представители высокоразвитых разумных рас, в чьи обязанности входит содействие историческому прогрессу цивилизаций, находящихся на более низком уровне общественного развития. Термин «прогрессор» был изобретён братьями Стругацкими. Схожую с прогрессорством концепцию разработал Йен М. Бенкс в своих книгах, посвященных вселенной «Культуры» // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1107601> (Дата обращения: 12.06.2020). – *Прим. авт.*

лании можно сформулировать нечто в подражание этической максиме Ф. М. Достоевского о слезинке невинного ребёнка, увязав это с возможностью избавить подобные народы от голода, болезней, младенческой смертности и т.п.

Еще одна ассоциация, возникающая в контексте идеи Г. А. Кожевникова, и особенно в контексте массовых беспорядков в США зимой-весной-летом 2020 года, – это кажущееся сходство его идеи о сохранении в неприкосновенности народов, ведущих первобытный образ жизни, с получившими определенное распространение в Европе и России так называемыми человеческими зоопарками второй половины XIX – начала XX века [7].

Однако это предположение не подтверждается ни самим строем жизни Г. А. Кожевникова, ни выработанными им жизненными принципами, которым он следовал, несмотря на все политические катаклизмы, столь многочисленные в России начала XX века [7]. Свидетельством в пользу того, что он не мог быть сторонником подобного подхода, на наш взгляд, выступают результаты научного анализа сущности социального явления, известного нам под названием «человеческие зоопарки».

Весьма обстоятельная как по разнообразию источниковой базы, так и по методологическому инструментарию постановочная статья М. В. Лескинен, которая содержит точку зрения, отличную от традиционного восприятия «человеческих зоопарков» как издевательства над представителями нецивилизованных народов, которых на рыночной площади в ярмарочный день, как диких зверей в клетках, показывают охочим до развлечений обывателям разных стран. Результаты анализа имеющихся в распоряжении исследователя источников показывают, что «человеческие зоопарки» изначально были, по своей сути, коммерческими проектами. Анализ мест их размещения, свидетельства очевидцев (в том числе известных гуманистов, например Л. Н. Толстого), показывают, что никакими зоопарками (с клетками, решетками,

кормлением экспонатов посетителями) эти объекты не были. Задействованные в них представители ряда народов Крайнего Севера, Африканского континента привлекались к участию на коммерческой основе. Поездки были для них средством заработка. Еще одной разновидностью этого явления были проекты, изначально созданные как постановочные представления с артистами, изображавшими некие «дикие народы». Существовал и смешанный вариант постановочных шоу. Однако аттракционов по типу «дикарь в клетке» не было. Соответственно, предположение о том, что целью Г. А. Кожевникова было сохранение племен, ведущих первобытный образ жизни, на потеху активно развивавшемуся в то время туризму, не выдерживает критики.

Идея русского профессора, представленная на первой международной конференции по проблемам экологического права, имела в своей основе совершенно иной, отличный от европейского критерий прогресса. Не соответствие неким результатам политической практики двух-трёх стран, которые за счет прорыва в области технического прогресса поставили под контроль большую часть обитаемого мира, а достижение гармонии (равновесия) человека с окружающей средой (без создания ноосферы)¹, изначально присущей миру природы. На Бернской конференции, то почему же ради этого его нельзя охранять?» [9]. Продолжая обосновывать необходимость включения человека, ведущего первобытный образ жизни, в объект охраны международного экологического права, Г. А. Кожевников резонно отмечал: «Указывают на случаи, когда существование целых народов подвергается такой же опасности, как и существование животных... Не будем же ставить

¹ Ноосфера (от греч. noos – разум) – это биосфера, разумно управляемая человеком. Ноосфера является высшей стадией развития биосферы, связанной с возникновением и становлением в ней цивилизованного общества, с периодом, когда разумная деятельность человека становится главным фактором развития на Земле [Электронный ресурс]. – URL: <https://историиземли.рф/uchenie-vernadskogo-o-noasfere.html> (дата обращения: 23.07.2020).

животных в более благоприятные условия, чем человека. А если мы не внесем человека в нашу программу, мы совершим эту несправедливость» [9].

Заключение

За свои идеи, высказанные немногим более ста лет назад, Г. А. Кожевников, с большой долей вероятности, стал бы сегодня «не въездным» для очень и очень многих стран. Определенная часть политиков и ученых, посчитала бы эти идеи неполиткорректными (а, скорее всего, им сразу же приклеили бы ярлык расистских). Отмеченная часть творчества Г. А. Кожевникова практически не упоминается в современной научной литературе. Многие биографы не упоминают даже о его участии в Бернской конференции и уж тем более о столь отличных от общего тренда идеи о защите первобытных племён. В современной научной литературе нами выявлено два упоминания этой идеи, причём в работах по педагогике. В частности, это докторская диссертация [2].

В наши дни примат прав и свобод человека как системообразующего центра современных политических систем и режимов никем всерьез не оспаривается. Малейшее желание заговорить о превашировании иных ценностей (государственных, религиозных) воспринимается как попытка святотатства в период господства догматов католической религии в Европе.

Однако практика экстраполяции евроатлантических ценностей уже в XX веке показала, что далеко не всегда они дают ожидаемый результат, будучи, по сути своей, лишь очередной реинкарнацией идеи, о которой писал уже упомянутый нами Редьярд Киплинг «Несите бремя белых ...» [5].

Библиография:

1. Валеев Р.М. Международное экологическое право: учебник / [Авдеева Т.Г. и др.]; отв. ред. Р.М. Валеев; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – М.: Статут, 2012.

– 637 с.

2. Васильев С.В. Экологическое обучение и воспитание в системе школьного географического образования. Дисс. ... д. п. н. СПб, 2006.

3. Международная конвенция по вопросу о филлоксере *Phylloxera vastatrix* от 3 ноября 1881 года // [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.cap.ru/home/65/aris/bd/karantin/document/85.html>

4. Дополнительная Конвенция по борьбе с филлоксерой (Берн 15 апреля 1889 года) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://gov.cap.ru/home/65/aris/bd/karantin/document/85.html>

5. Киплинг Р. Бремя белых (Перевод А. Сергеева) // [Электронный ресурс]. – URL: <https://klock.livejournal.com/122502.html>

6. Копылов М.Н. История международного экологического права / М.Н. Копылов, С.А. Мохаммад, Е.А. Якушева. – М.: Российский университет дружбы народов, 2007. – 248 с.

7. Лескинен М.В. «Человеческие зоопарки» в России: к постановке проблемы // Новое прошлое. – 2018. – № 4. – С. 148-163.

8. Малахов В.В. «Пока горит свеча...»: очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета / В.В. Малахов. – Изд. 2-е, доп. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 153 с.

9. Бородин И.П. Мировая охрана природы: Отчет акад. И.П. Бородина о командировке в Берн на Конференцию по международной охране природы. – Петроград: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. – 106 с.

References:

1. Valeyev R.M. (2012) *Mezhdunarodnoye ekologicheskoye pravo: uchebnyy* [International environmental law: textbook] / [Avdeyeva T.G. i dr.]; otv. red. R.M.Valeyev; Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet. – M.: Statut. – 637s. (In Russ.).

2. Vasil'yev S.V. (2006) *Ekologicheskoye*

obucheniye i vospitaniye v sisteme shkol'nogo geograficheskogo obrazovaniya [Environmental education and upbringing in the school geographic education system]. Diss. ... d.p.n. SPb. (In Russ.).

3. Mezhdunarodnaya konventsiya po voprosu o fillokserе Rhyloxera vastatrix ot 3noyabrya 1881goda [International Convention on the Phylloxera Phylloxera vastatrix of November 3, 1881] // [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://gov.cap.ru/home/65/aris/bd/karantin/document/85.html> (In Russ.).

4. Dopolnitel'naya Konventsiya po bor'be s fillokseroy (Bern 15 aprelya 1889 goda) [Additional Convention on the Control of Phylloxera (Bern April 15, 1889)] // [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://gov.cap.ru/home/65/aris/bd/karantin/document/85.html> (In Russ.).

5. Kipling R. Bremya belykh (Perevod A. Sergeeva) [Burden of Whites (Translation by A. Sergeev)] // [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://klock.livejournal.com/122502.html> (In Russ.).

6. Kopylov M.N. (2007) Istoriya mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava [History of international environmental law] / M.N. Kopylov, S.A. Mokhammad, Ye.A. Yakusheva. – M.: Rossiyskiy universitet druzhby narodov. – 248s. (In Russ.).

7. Leskinen M.V. (2018) «Chelovecheskiye zoparki» v Rossii: k postanovke problemy [«Human Zoos» in Russia: Towards a Problem Statement] // Novoye proshloye. – №4. – S.148-163. (In Russ.).

8. Malakhov V.V. (2006) «Poka gorit svecha...»: ocherki po istorii Kafedry zoologii bespozvonochnykh Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta [«While the candle is burning ...»: essays on the history of the Department of Invertebrate Zoology at Moscow State University] / V.V. Malakhov. – Izd. 2-ye, dop. – M.: Tovari-shchestvo nauchnykh izdaniy KMK. – 153s. (In Russ.).

9. Borodin I.P. (1915) Mirovaya okhrana prirody: Otchot akad. I.P. Borodina o komandirovke v Bern na Konferentsiyu po mezhdunarodnoy okhrane prirody [World Conservation of Nature: Report of Acad. I.P. Borodin on a business trip to

Bern to the Conference on International Nature Conservation]. – Petrograd: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. – 106s. (In Russ.).

УДК 314.745.22"1914/1918"

DOI:10.22394/2225-8272-2021-10-2-180-190

НИКОЛАЕВА Елена Владимировна, аспирант кафедры Отечественной истории, начальник отдела международных связей и сотрудничества, Брянский государственный университет им. Академика И. Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: lena-maschnowa@mail.ru

NIKOLAEVA E.V., Postgraduate Student, National History Department, Head of International Relations and Cooperation Department, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University (Russian Federation, Bryansk), e-mail: lena-maschnowa@mail.ru

БЕЖЕНСТВО В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

REFUGEES IN THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR: ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECT

Аннотация. В статье рассматривается организационно-правовое обеспечение беженства в начальный период Первой мировой войны. В центре внимания автора правовые акты, а также государственные и общественные мероприятия, которые реализовывались в отношении мигрантов из приграничных территорий во внутренние губернии до принятия закона «Об обеспечении нужд беженцев» 30 августа 1915 года. В статье отмечается отсутствие окончательно утвержденного плана эвакуации гражданского населения на начало войны, следствием чего явилась неорганизованная и массовая миграция осенью 1914 года. Реакцией верховной власти на обозначившуюся проблему стало образование «Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княгини Татьяны Николаевны», становление функциональности которого прослеживается в статье. Кроме этого, на местах возникли различные национальные организации, которые решали проблемы этнических мигрантов из числа российских подданных. Автор рассматривает отдельные законодательные акты Совета министров, которые были направлены на оказание помощи пострадавшему в начальный период войны населению, в том числе беженцам – подданным Российской империи, а также акты, которые обеспечили правовое обоснование процесса выселения подданных неприятельских государств, а в конечном итоге – немцев-колонистов.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженство, Татьянинский комитет, законодательство, немцы-колонисты.

Abstract. The article examines the organizational and legal support of refugees in the initial period of the First World War. The author focuses on the legal Council of Ministers, which were sent to provide assistance to the population affected by the initial period of the war, including refugees - subjects of the Russian Empire, as well as acts that provided the legal basis for the eviction process, acts, as well as state and public events that were implemented in relation to migrants from border areas to the inner provinces before the adoption of the law «On ensuring the needs of refugees» on August 30, 1915. The article notes the absence of a finally approved plan for the evacuation of the civilian population at the beginning of the war, which resulted in unorganized and mass migration in the fall of 1914. the formation of the «Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatyana Nikolaevna» became the supreme power to the emerging problem, the formation of the functionality of which can be traced in the article. In addition, various national organizations sprang up locally to solve the problems of ethnic migrants from among Russian citizens. The author examines individual legislative acts of subjects of enemy states, and, ultimately, of the German colonists.

Keywords: World War I, refugees, Tatyana's committee, legislation, the German colonists.

Введение

Беженство в России, как категория, имеет определённые особенности становления в Первую мировую войну, что в достаточной степени раскрывается через обширную историографию. Исследователи рассматривают это явление как многофакторное и интерпретируют по многим направлениям, применяя междисциплинарные подходы политической, социальной, гендерной истории, истории повседневности и др. [27]. Тем не менее на сегодняшний день сохраняются многие недостаточно изученные моменты этой трагической страницы отечественной истории, что не позволяет воссоздать картину произошедшего в полном объеме, а следовательно, адекватно оценить его последствия в исторической перспективе.

В России это в полной мере касается проблемы законодательного регулирования массового вынужденного переселения с территорий западных губерний во внутренние районы. Временной отсчет явления некоторые исследователи видят с лета 1915 года [28], когда Государственным советом и Государственной Думой был одобрен документ «Об обеспечении нужд беженцев» [8], подписанный Николаем II в 1915 году, 30 августа.

Однако закон «опоздал» на целый год, поскольку уже в июле 1914 года из прифронтовых территорий, в частности из Гродно, стали уезжать семьи чиновников, военных и духовенство, большая часть которых после окончания военных действий возвращалась обратно. Во внутренних губерниях империи чаще всего оставались те из мигрантов, которые могли обосноваться у родственников, но количество таковых было незначительно. В виду этой обозначившейся проблемы представителям местной, а затем и центральной власти приходилось принимать решения относительно непредвиденных переселенцев, опираясь на имеющуюся законодательно-правовую базу и административный ресурс.

Не претендуя в рамках статьи на целостное освещение этого процесса, хотелось бы

остановиться на отдельных моментах происходивших событий, прежде всего, уделяя внимание рассмотрению организационно-правового положения беженства в начальный период войны.

Необходимо отметить, что окончательно утвержденного плана эвакуации, как промышленных предприятий, так и гражданского населения Российской империи не существовало [25], что было связано с утвержденным оперативным планом, согласно которому военные действия в предстоявшей войне предполагалось в течение короткого времени после вражеского нападения перенести на территорию противника.

Отдельные вопросы по эвакуации все же рассматривались «Временными правилами...», утвержденными 20 августа 1914 года. В этом документе говорилось о том, как в случае военной необходимости надлежало осуществлять этот вывоз внутри страны. Мероприятия такого рода должны были происходить «по распоряжению командующего войсками округа, главнокомандующего или командующего отдельной армией, командующих флотом и комендантов крепостей» по железным и грунтовым дорогам, по водным путям, на почтовых лошадях» [5, С. 1].

Все расходы по эвакуации относились, согласно «Правилам...», к средствам государственного казначейства, и выплаты производились по специальным требованиям ведомств от ведомств [5, С. 1]. В приложениях к документу определялось количество багажа, которое могли с собой вывезти эвакуированные, а также условия переезда прислуги. При этом лица, состоявшие на государственной службе, получали суточные деньги, а их семьи – денежные пособия.

Так, например, чиновники V класса и выше имели право везти с собой двух человек «служащих» и 15 пудов веса багажа, а их пособие на выезд равнялось 250 руб. Чиновники с VI по VIII класс могли везти 1 человека и 10 пудов багажа, их пособие составляло 150 руб. Священники и иные лица, которые имели отношение к духовному ведомству,

рассматривались или по принадлежности к государственной службе, или по найму. Соответственно, везли 1 человека, а именно кормилицу, и 4 пуда багажа с пособием в 50 руб. Кроме этого, все служащие начиная с IX класса и выше и церковнослужители получали суточные – от 1 до 3 руб. [5, С. 2–3].

В действительности на начальном этапе войны, ввиду отсутствия чётких планов и организации, эвакуация населения часто происходила вне имеющихся Правил.

Так, из Сувалок (город на границе Восточной Пруссии и Царства Польского) после отхода русских войск из Восточной Пруссии, администрация во главе с губернатором и казначейством выехала 29 августа, остальное население было предоставлено самому себе. Некая госпожа Б., которая смогла добраться до Петрограда, рассказывала о происшедшем: «...из Сувалок мы решили выехать 30-го числа... По направлению к железной дороге тянулись партии беглецов, по преимуществу из простонародья, бабы с детьми, мужчин было мало. Вещи все оставлены были дома, с собой взяли самое необходимое. Придя на вокзал, мы увидели, что стоит поезд – три открытых товарных платформы и два паровоза. На платформах кое-как нагромоздился народ. На станционных помещениях давка и растерянность. Когда пойдет поезд – никто не знает... Поезд, наконец, трогается, проходит несколько сажен и вдруг раздаётся страшный треск, нас точно подбрасывает, платформы кренятся, думаем – бомба. Оказалось, передний поезд сошел с рельс. Ужас охватывает всех...» [4]. В результате людям маленькими группами пришлось добираться пешком до следующих населенных пунктов.

В Вильно «беглецы» из Сувалок стали прибывать уже в начале сентября 1914 года, большая часть приезжала на подводах. По сведениям корреспондента «Биржевых ведомостей», в панике большая часть была даже без документов и уже власть на местах способствовала их размещению [3].

Телеграмма, посланная тем же корре-

спондентом «Биржевых ведомостей» в газету, но запрещенная цензором, сообщала, что ориентировочно уже 5 сентября на территории Варшавы появились беженцы из Пултуска [24].

Согласно заметкам газет, «Речь» и «Русское слово», беженцы из Калиша, Млавы и Ченстохова прибывали в так называемую Швейцарскую долину (парк в г. Варшаве – *Авт.*) бесприютные, голодные, обездоленные, обращаются, где для них есть приют и пища. В день получали обед 500–700 человек. Варшавское информационное бюро занялось поиском работы для неимущих прибывших и по возможности направляло их туда, где был спрос... [24].

Специальный корреспондент «Петроградского курьера» Ф. Кучинский сообщал, что Петроков переполнен людьми, прибывшими из своих разоренных гнезд. Грустно видеть измученные лица женщин, сделавших много верст с малыми детьми пешком под дождем без пищи, ежеминутно ожидая нарваться на неприятельские разезды [22].

Многочисленные сведения подобного рода свидетельствовали о массовом бегстве населения из приграничных районов Российской империи, когда люди, потеряв рассудок и спокойное настроение от слышанных выстрелов и виденных картин боев [22], а более под влиянием слухов о зверствах австрийско-германских войск, добровольно покидали свои насиженные места, то есть они становились добровольными мигрантами.

Однако в это же время обозначился и другой феномен, когда в определенных обстоятельствах население становилось вынужденными мигрантами. Среди российских подданных таковыми на начальный период войны, зачастую становились евреи.

Так, комендант Ново-Александровской крепости особым распоряжением рекомендовал евреям в течение 24 часов покинуть территорию, угрожая принудительными вмешательствами [7, С. 247]. Комендант Ивангородской крепости по похожему сценарию обратился к проживающим на его территории

евреям, прося письменное подтверждение их переезду. Рекомендация была по переезду в глубь края или вообще в другие губернии [10, С. 30]. Причём, за выдаваемое свидетельство нужно было заплатить 30 коп.

Главнокомандующий Северо-Западным фронтом в ноябре 1914 года издал рекомендацию о захвате заложников из числа евреев с подвластных территорий. При этом местное население было предупреждено о наказании по сокрытию указанных лиц [7, С. 247–248].

Массовый исход беженцев осенью 1914 года имел волнообразный характер и зависел от военных операций на фронте. Постепенно они стали заполнять Варшаву, Минскую и Могилевскую губернии. Евреи, которые смогли вернуться из-за границы, задерживались в Петрограде.

В этих условиях актуальным на повестке дня оказался вопрос частичной или полной отмены ограничительных статей законодательства для евреев, а среди прочего и так называемой черты оседлости, которую определяло «Положение о евреях» от 13 апреля 1835 года [23]. Где отмечалось, что евреям, за исключением некоторых групп лиц, давалось право на проживание и длительное нахождение в некоторых западных и южных губерниях. Большие города, такие как Севастополь, Ялта, Киев, были для них закрыты. Принятое 3 мая 1881 года Комитетом министров специальное положение, продолжавшее свое действие в период войны, запрещало им проживание в сельской местности [18].

Группа евреев, прибывших в Санкт-Петербург из Германии, ходатайствовала перед М. В. Родзянко, как председателем Госдумы. Они просили пересмотреть отмеченные ограничения, а он в свою очередь направил соответствующее предложение председателю Совета министров. На заседании 30 августа 1914 года Совет министров посчитал возможным распространить на всех прибывавших из воюющих стран в столицу евреев – российских подданных разрешение проживания здесь до двух месяцев [19, С. 249]. Однако еврей-беженцы продолжали

появляться в городах внутренних губерний.

Как уже отмечалось, правовой документ «По обеспечению нужд беженцев» появился только в конце августа 1915 года, но система поддержки была создана по императорскому указу уже в первый месяц войны. Она получила название «Комитет Её Императорского Высочества Великой Княгини Татьяны Николаевны» [9] и явилась ответом верховной власти на многочисленные случаи миграции населения.

Первоначально планировалось сосредоточить в рамках Комитета все возможные формы помощи населению, пострадавшему от войны. Затем же было принято решение оставить за ним лишь благотворительную деятельность, ссылаясь на то, что у Комитета изначально не было местных исполнительных органов, а также на наличие так называемого Продовольственного устава, действие которого предполагалось распространить и на Привислинский край [6, С. 48].

Речь шла о «Временных правилах по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», принятых 12 июня 1900 года. Их действие распространялось на 46 губерний и предусматривало поддержку сельских обывателей на случай неурожая и других неблагоприятных обстоятельств для сельского хозяйства, а также организация по предоставлению семян для полей [17].

В определении функций организации сыграл свою роль и следующий факт, который запрещал оценивать и вмешиваться в действия Комитета, состоящего под августейшим почётным председательством кого-либо [6, С. 48]. В задачи Комитета входило оказание поддержки ввиду военных действий как оставшимся, так и принудительно покинувшим территории [1, С. 292–293]. Причём главным принципом Комитета было стремление помогать только подданным Российской империи. Помощь осуществлялась в упрощенном порядке, без особых документальных подтверждений, но только пострадавшим непосредственно от войны [6, С. 52]. Председателем комитета был назначен из-

вестный государственный деятель того времени А. Б. Нейдгарт, который определил его основные направления: 1) услуги по единовременной помощи; 2) направление на Родину или места постоянного жительства; 3) поиск вариантов по подходящей трудоспособности; 4) поиск подходящих богаделен; 5) поиск приютов и других благотворительных учреждений нетрудоспособных; 6) определение размера поддержки ввиду причиненного убытка т.п. и 7) сбор пожертвований [20, С. 4]. В направления работы Комитета не входили задачи обеспечения продовольствием населения, за исключением лиц, на которых не распространялся продовольственный устав.

Предполагалось, что Комитет и правительство (в том числе Министерство внутренних дел) будут действовать согласованно. Планировалось, что осуществлять свою деятельность Комитет будет при содействии местной администрации, местных отделений комитета или его уполномоченных, а также различных благотворительных обществ. Помимо финансов государственного казначейства, пожертвований частных лиц средства привлекались путем всероссийских сборов среди населения с разрешения Министерства внутренних дел [6, С. 64].

Таким образом, первые месяцы войны «Комитет Ея Высочества являлся единственной государственной организацией, оказывавшей помощь пострадавшим» [12, С.8]. В конце октября были открыты местные его организации в Минске, Вильно, Холме. В последующем – в Вятской, Полтавской, Симбирской, Харьковской и других губерниях.

Председатель Татьянинского комитета А. Б. Нейдгарт уже после своей первой поездки в Привислинский край в октябре 1914 года признал, что проделанной работы все равно будет мало в этих обстоятельствах. И в быстрые сроки справиться с их выполнением будет невозможно [6, С.5]. Собственно, поэтому было принято по заключениям местных отделений Комитета решение, которое не соответствовало перво-

начально сформированным задачам по организации бесплатных или дешевых столовых в городах, а в сельской местности – раздавать продовольствие.

По ходатайству председателя Комитета из магазинов военного ведомства в Люблине и Холме губернаторам было предоставлено право выдавать продукты первой необходимости (муку, соль, сало и т.п.) особо нуждающимся ввиду военных действий при предъявлении квитанционных книжек [20, С.73]. При этом А. Б. Нейдгарт указывал, что такие услуги будут доступны небольшому числу людей из категории, нуждающихся ввиду их стеснения и нежелания помощи таким образом [20, С. 73].

После поездки уполномоченного Комитета сенатора Н. Д. Чаплина на Кавказ на заседании 31 декабря 1914 года был заслушан его доклад, а по его итогам принято решение о том, что армян, которые хоть и не являются подданными в полном смысле, необходимо поддержать ввиду угроз жестокости и насилия от турок [20, С. 86–87]. Кроме того, различные проблемы беженцев стали решать местные национальные общества.

Варшавский городской обывательский (гражданский) комитет по почину местных жителей, возбудивших ходатайство о разрешении им устроить продовольственную помощь нуждающемуся населению города Варшавы, возник уже 21 июля 1914 года [6, С.18]. 29 августа 1914 года помощнику варшавского генерал-губернатора Д. Н. Любимову предложили возглавить «Основной обывательский Комитет по Царству Польскому». Помощь выражалась в выделении дешевого кредита, предоставлении населению по низким ценам топлива и продовольствия [6, С.65].

В Вильно одним из первых было создано 27 июля 1914 года Литовское благотворительное общество, в рамках которого образовался Особый Комитет помощи, активно привлекавший денежные и продуктовые пожертвования. В это же время Еврейское благотворительное общество стало оказывать

поддержку лицам иудейского вероисповедания [6, С. 13].

В середине сентября 1914 года в Минске был образован Еврейский Комитет помощи беженцам, для оказания поддержки прибывшим евреям из Гродно. Кроме того, этой же деятельностью занимались Минское общество вспомоществования бедным евреям, Минский еврейский комитет и др. [14, 17–18 февраля]. В качестве источника средств использовалась благотворительная помощь населения принимающих городов. В Борисове, например, на собрании местных еврейских жителей было решено установить самообложение самостоятельных из них ежемесячными авансами [14, 19 февраля].

Министерство внутренних дел также организовывало комиссию с целью проведения обследования пострадавших в начальный период войны районов. Возможные меры правительственной помощи населению рассматривались Советом министров на заседании 4 ноября 1914 года. Предпочтительной формой оказания помощи была признана организация продажи хлеба и, в отступление от обычного порядка, других наиболее распространенных в крае продуктов питания, например картофеля, гороха, сала и прочего, по заготовительной цене [19, С. 485] как за наличный расчет, так и в кредит. Кроме того, комиссия посчитала нужным увеличить в крае установленный размер продовольственного пайка до 1 пуда 28 фунтов муки на взрослого человека и половины нормы на ребенка до пяти лет, т.е. доведя его до норм довольствия семейств нижних чинов, призванных на войну [21, С. 943].

Помимо этого, Совет министров в заключении одобрил предложения, касающиеся: а) снабжения населения пострадавших от военных действий местностей лошадьми; б) обеспечения того же населения обратными средствами; в) упорядочения расчетов по реквизиционным квитанциям и г) обследования размера причиненных указанному населению войной убытков, предоставив Министру Внутренних Дел подвергнуть первый из этих вопросов дальнейшему подробному рассмотре-

нию по соглашению с Главноуправляющим Землеустройством и Земледелием и Военным Министром, а второй – по соглашению с Министром Финансов и уполномочив военного министра озаботиться мероприятиями по упорядочению расчетов военного ведомства с населением по реквизиционным квитанциям [19, С. 491].

Кроме этого, было принято решение отпустить Министерству Внутренних Дел чрезвычайным сверхсметным кредитом до двадцати двух миллионов семисот девяти тысяч девяти сот сорока рублей на издержки по восстановлению в предположенных последнеозванном министерством пределах разрушенных строений в бывших театрах военных действий местностях губерний Варшавского генерал-губернаторства и Холмской с отнесением сего расхода на наличные средства государственного казначейства [19, С.491].

Совет министров 14 ноября 1914 года принял решение приостановить принудительные меры по изыманию недоимок с Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Холмской губерний, с городских недвижимых имуществ, квартирного и промыслового, а также сбора с недвижимых имуществ на содержание гминных судов и особого сбора с цены промысловых свидетельств в пособие государственному казначейству на удовлетворение расходов по квартирному довольствию войск, впредь до особого распоряжения [19, С. 500].

Совет министров к концу февраля 1915 года принял «Положения по оказанию ссудной помощи пострадавшим от военных действий населению Царства Польского и прилегающих местностей» [9, С. 24]. Землевладельцы, арендаторы имений в сельской местности, владельцы городской недвижимости, торгово-промышленных предприятий, ремесленники могли получить ссуду сроком на 5, в исключительных случаях – 10 лет. Ссуды выдавались под 5 % годовых. В первый год погашение по ссудам не производилось. Для выдачи ссуд должны были образовываться уездные комиссии, губернские комитеты, а

также особое, для губерний Царства Польского в г. Варшаве, и особое межведомственное совещание при Министерстве Финансов [9, С. 24–26].

Однако в первые дни войны в общем потоке населения обозначился и другой феномен – вынужденные мигранты из числа «неприятельских подданных». Прежде всего, из западных губерний во внутренние районы страны стали выселяться подданные государств, с которыми Российская империя вела войну (немцы, австрийцы, венгры, турки, болгары), а затем и немцы-колонисты, которые превентивно массово подозревались в пособнических настроениях, шпионаже, предательстве.

Процесс их выселения происходил на основании «Постановления о местностях, объявленных на военном положении» (документ от июня 1892 года). В нем закреплялся полный перечень территорий, которые обладали особым значением ввиду распространения военного положения [26]. Так как состояние было военным, то, соответственно, власть принадлежала военным чинам и должностям [26]. Таким образом, процесс выселения в этих случаях происходил по решению военных властей, а поэтому и государственная помощь для них, согласно Постановлению, вообще не предусматривалась.

Есть сведения, что первым решением подобного рода «стал приказ командующего 10-й армией генерала А. Е. Эверта от 22 июля 1914 года «О выселении всех германских и австрийских подданных», предписывавший принудительный выезд ввиду сопротивления [2, С. 9]. Николай Николаевич, на правах Верховного главнокомандующего, уже с июля 1914 года выступал по поводу выдворения любых подозрительных иностранных лиц [13, С. 147].

Уже 28 июля 1914 года последовал указ Императора, которым было предписано подданных иностранных государств выявить и выдворить с территории России. В особом журнале Совета министров от 1 августа разъяснялось дополнительно, что они ввиду военного времени не должны претендовать на

дополнительные удобства и особое содержание [19, С. 427]. Эти и последующие приказы военных властей привели, по мнению американского историка Э. Лора, к выселению иностранных граждан не только с окраинных территорий, но и с центральных районов [13, С. 147].

Антинемецкая кампания предусматривала закрытие немецких общественных организаций и запрет общения на немецком языке в публичных местах. С 1915 года немцев, подлежащих призыву в армию, использовали только на Кавказском фронте и главным образом во вспомогательных подразделениях. Были приняты и другие меры частного характера, но именно ликвидация немецкого землевладения сделала вопрос о выселении немцев в России окончательно неотвратимым.

На начало войны законодательная база для подобных действий как военных, так и гражданских властей отсутствовала. Совет Министров неоднократно обращался к вопросам, связанным с отношением к гражданам оппозиционных России государств. «Некоторые меры» были рассмотрены на заседаниях 17, 21, 24 октября, 8 и 14 ноября 1914 года. Среди важнейших был вопрос о ликвидации немецкой собственности. Члены Совета высказались «за соблюдение общего принципа её неприкосновенности», в тоже время ими было принято решение предложить любым представителям государств, которые участвовали в военных действиях, покинуть нашу страну [19, С. 512]. Исключения должны были быть сделаны для родившихся в России и проживших в ней более 25 лет, для тех лиц, чьи родственники находились в армии и на флоте, а также для германских и австрийских подданных, которые занимались в России педагогической деятельностью более 25 лет [19, С. 508].

Такое решение не удовлетворило военные власти. В частности, свое несогласие с ним выразил Великий князь Николай Николаевич. При этом Н. В. Рузский, являясь Командующим армиями Северо-Западного фронта, с начала ноября 1914 года сделал все для бо-

лее быстрого и эффективного переселения немцев. Не обращая внимания на их принадлежность, род занятий и содержание, освобождению от них подлежали Лифляндия, Курляндия, Рига и другие территории [16, С. 43].

С нагнетанием антивоенной истерии к началу 1915 года, по справедливому замечанию историка А. Ю. Бахтуриной, мы наблюдаем трансформацию о своеобразных преследованиях не только подданных вражеских государств, но и выходцев из них в целом. Не отменялось действие норм для бывших подданных Германии и Австро-Венгрии, получивших российское подданство после 1880 года [2, С. 7–8].

Совет министров 2 февраля 1915 года принял ряд законодательных актов, в том числе документ «О прекращении землевладения и землепользования австрийских, венгерских или германских выходцев в приграничных местностях», который расширил перечень имущества, подлежащих изъятию [11, С. 38–40]. В действительности закон оставлял без средств к существованию российских немцев и, как уже отмечалось, предопределил их массовую высылку во внутренние губернии.

Заключение

В итоге, российская верховная власть пыталась обеспечить помощь пострадавшему населению приграничных районов уже осенью 1914 года в рамках имеющегося довоенного законодательства (например, на основании «Продовольственных правил»). Однако масштабы беженства оказались неожиданно велики как для центральной, так и для местных властей. Непредвиденная ситуация заставила принимать дополнительные меры – была создана специальная организация для оказания помощи – так называемый Татьянинский комитет, и разрешено образование национальных комитетов на местах. Кроме этого, Совет министров принял ряд положений, облегчавших материальное состояние пострадавших – лиц, имевших российское подданство. В то же время ряд законодательных актов российского правительства предопределил выселение

сначала неприятельских подданных, а затем и «неприятельских выходцев».

Библиография:

1. Авербах Е.И. Законодательные акты, вызванные войною 1914–1916 гг.: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета министров, военного и адмиралтейств советов: распоряжения и постановления министров и др. – Вильна: Типография А.Г.Сыркина, 1915-1918, Т. I., 1916. Изд. 2-е. – 686 с.
2. Бахтурина А.Ю. Выселение подданных Германии и Австро-Венгрии из Прибалтийских губерний Российской империи в 1914 году // Новый исторический вестник. – 2020. – №3 (65). – С. 6-23.
3. Беглецы из Сувалок // Биржевые ведомости. – 1914. – № 207. – 7 сентября.
4. Бегство из Сувалок // Вечернее время. – 1914. – № 871. – Сентябрь.
5. Временное положение о вывозе на счет казны, по случаю разгрузки Петрограда и его окрестностей, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств. – Петроград, 1917. – 24с.
6. Доклады комитету Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий за 1914 г. – Петроград: Государственная типография, 1914. – 313с.
7. Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. – Berlin, 1928. Т. XIX. – С. 245-284.
8. Закон и положение об обеспечении нужд беженцев // Собрание узаконений. – 1915. – № 242. – Ст. 1842.
9. Законы и распоряжения о беженцах. Выпуск 1-й. – М., 1916. – С. 24-26.
10. Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны (июль 1914 – зима 1915/1916 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – СПб, 2010.

11. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). / Сост.: В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. – М.: МИГУП, 1993. – 447 с.
12. Комитет Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных властей. 14 сентября 1914 – январь 1915 г. – Петроград, 1916. – 193 с.
13. Лор Э.С. Русский национализм и Российская империя: кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 301 с.
14. Лавицкая М.И. Эволюция сословного общества Орловской губернии в условиях российской модернизации второй половины XIX – начала XX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2010.
15. Михалев Н.А., Пьянков С.А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4 (49). – С. 95-105.
16. Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» // Военно-исторический журнал. – 1997. – № 1. – Январь-февраль. – С. 42-53.
17. Новый продовольственный устав: Врем. правила по обеспечению продовольств. потребностей сел. обывателей: [Утв. 12 июня 1900 г.]. Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: И. Лурье, 1901. – 27 с.
18. О приведении в действие Временных правил о евреях // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание III. – Т. 2 (1882). – № 834.
19. Особые журналы Совета министров Российской империи. – М., 1909-1917 гг. / 1914 год. – М., 2006.
20. Памятная книжка Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных властей. – Петроград, 1915. – 193 с.
21. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. – Т. 32 (1912). – Часть 1. – № 37507.
22. По следам войны // Петроградский курьер. – 1914. – № 224. – Сентябрь.
23. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 10. Отд. первое. 1835. – СПб, 1836. – С. 308-318.
24. РГИА. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 15.
25. Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. – М.: Наука, 1973. – 655 с.
26. Собрание узаконений. – 1892. – № 85. – Ст. 925.
27. Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. – 2012. – №3(20). – С. 140-152.
28. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 года). – М.: РОССПЭН, 2014. – 326 с.
29. Pevtsova E.A., Pevtsova N.S., Lavitskaya M.I., Redkous V.M., Matveeva E.S. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society // В сборнике: E3S Web of Conferences. VIII International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in science and education» (ITSE 2020). 2020. – С. 17023.

References:

1. Averbakh Ye.I. (1916) *Zakonodatel'nyye akty, vyzvannyye voynoyu 1914–1916 gg.: zakony, manifesty, reskripty, ukazy, polozheniya Soveta Ministrov, voyennogo i admiralteystv sovetov: rasporyazheniya i postanovleniya ministrov i dr.* [Legislative acts caused by the war of 1914–1916: laws, manifestos, rescripts, decrees,

regulations of the Council of Ministers, military and admiralty councils: orders and decrees of ministers, etc]. – Vil'na: Tipografiya A.G. Syrkina, 1915-1918., T.I. Izd. 2-ye. – 686s. (In Russ.).

2. Bakhturina A.YU. (2020) Vyseleniye poddannyykh Germanii i Avstro-Vengrii iz Pribaltiyskikh guberniy Rossiyskoy imperii v 1914 godu [Eviction of subjects of Germany and Austria-Hungary from the Baltic provinces of the Russian Empire in 1914] // Novyy istoricheskiy vestnik. – №3(65). – S.6-23. (In Russ.).

3. Begletsy iz Suvalok [Runaways from Suwalki] // Birzhevyye vedomosti. – 1914. – №207. – 7sentyabrya. (In Russ.).

4. Begstvo iz Suvalok [Escape from Suwalki] // Vecherneye vremya. – 1914. – №871. – Sentyabr'. (In Russ.).

5. Vremennoye polozheniye o vyvoze na schet kazny, po sluchayu razgruzki Petrograda i yego okrestnostey, gosudarstvennogo imushchestva, pravitel'stvennykh uchrezhdeniy, sluzhashchikh i ikh semeystv [Temporary regulations on the export to the account of the treasury, on the occasion of the unloading of Petrograd and its environs, state property, government agencies, employees and their families]. – Petrograd, 1917. – 24s. (In Russ.).

6. Doklady komitetu yeyo imperatorskogo vysochestva velikoy knyazhny Tat'yany Nikolaevny dlya okazaniya vremennoy pomoshchi postradavshim ot voyennykh bedstviy za 1914 g. [Reports to the Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatyana Nikolaevna for providing temporary assistance to victims of military disasters in 1914]. – Petrograd: Gosudarstvennaya tipografiya, 1914. – 313s. (In Russ.).

7. Dokumenty o presledovanii yevreyev (1928) [Documents on the persecution of Jews] // Arkhiv russkoy revolyutsii. – Berlin. – T. XIX. – S.245-284. (In Russ.).

8. Zakon i polozheniye ob obespechenii nuzhd bezhentsev [Law and regulation on ensuring the needs of refugees] // Sobraniye uzakoneniyy. – 1915. – № 242. – St.1842. (In Russ.).

9. Zakony i rasporyazheniya o bezhentsakh [Laws and regulations on refugees]. Vypusk 1-y. – M., 1916. – S.24-26. (In Russ.).

10. Zlatina M.A. (2010) Problema yevreyskogo bezhenstva v Rossii v period Pervoy mirovoy voyny (iyul' 1914 – zima 1915/1916 gg. [The problem of Jewish refugee in Russia during the First World War (July 1914 - winter 1915/1916): Diss. ... kand. ist. nauk. – SPb. (In Russ.).

11. Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763–1992 gg.). [History of Russian Germans in documents (1763-1992)] / Sost.: V.A. Auman, V.G. Chebotareva. – M.: MIGUP, 1993. – 447s. (In Russ.).

12. Komitet yeye imperatorskogo vysochestva Velikoy knyazhny Tat'yany Nikolayevny dlya okazaniya vremennoy pomoshchi postradavshikh ot voyennykh vlastey. 14 Sentyabrya 1914 g. – Yanvar' 1915 [Committee of Her Imperial Highness Grand Duchess Tatyana Nikolaevna for the provision of temporary assistance to victims of the military authorities. September 14, 1914 - January 1915]. – Petrograd, 1916. – 193s. (In Russ.).

13. Lor E.S. (2012) Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: kampaniya protiv «Vrazhskikh poddannyykh» v gody pervoy mirovoy voyny [Russian nationalism and the Russian empire: the campaign against "Enemy subjects" during the First World War]. – M.: Novoye literaturnoye obozreniye. – 301s. (In Russ.).

14. Lavitskaya M.I. (2010) Evolyutsiya soslovnogo obshchestva Orlovskoy gubernii v usloviyakh rossiyskoy modernizatsii vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. [Vývoj realitní společnosti v provincii Oryol v podmínkách ruské modernizace ve druhé polovině XIX - počátek XX století]: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk / Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet. Moskva (In Russ.).

15. Mikhalev N.A., P'yankov S.A. (2015) Bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v Rossiyskoy imperii: chislennost', razmeshcheniye, sostav

- [Refugees of the First World War in the Russian Empire: Number, Location, Composition] // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. – №4(49). – S.95-105. (In Russ.).
16. Nelipovich S.G. (1997) General ot infanterii N.N. Yanushkevich: «Nemetskuyu pakost' uvolit', i bez nezhnostey...» [General of Infantry N.N. Yanushkevich: «Dismiss the German dirty trick, and without tenderness ...»] // Voyenno-istoricheskiy zhurnal. – № 1. – Yanvar'-fevral'. – S.42-53. (In Russ.).
17. Novyy prodovol'stvennyy ustav: Vrem. pravila po obespecheniyu prodovol'stv. potrebnostey sel. obyvateley: [Utv. 12 iyunya 1900 g.]. Neofits. izd. [New food regulations: Time. rules for the provision of food. needs of the villages. inhabitants: [Approved. June 12, 1900]. Neofits. ed.] – Sankt-Peterburg: I. Lur'ye, 1901. – 27s. (In Russ.).
18. O privedeniye v deystviye Vremennykh pravil o yevreyakh [On the enactment of the Provisional Rules for the Jews] // Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. – Sobraniye III. – T. 2(1882). – № 834. (In Russ.).
19. Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiyskoy imperii (2006) [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire]. – M., 1909-1917 gg. / 1914god. – M. (In Russ.).
20. Pamyatnaya knizhka Komiteta yeyo imperatorskogo vysochestva Velikoy knyazhny Tat'yany Nikolayevny dlya okazaniya vremennoy pomoshchi postradavshikh ot voyennykh vlastey [Commemorative book of the Committee of Her Imperial Highness the Grand Duchess Tatyana Nikolaevna for the provision of temporary assistance to victims of the military authorities]. – Petrograd, 1915. – 193s. (In Russ.).
21. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZRI). Sobr. 3-ye. – T.32(1912). – Chast'1. – № 37507. (In Russ.).
22. Po sledam voyny (1914) [In the wake of the war] // Petrogradskiy kur'yer. – №224. – Sentyabr'. (In Russ.).
23. PSZRI. Sobr. 2-ye. T. 10. Otd. pervoye. 1835. – SPb., 1836. – S.308-318. (In Russ.).
24. RGIA. F. 778. Op. 2. D. 1. L. 15. (In Russ.).
25. Sidorov A.L. (1973) Ekonomicheskoye polozheniye Rossii v gody pervoy mirovoy voyny [The economic situation in Russia during the First World War]. – M.: Nauka. – 655s. (In Russ.).
26. Sobraniye uzakonenyi [Collection of legalizations]. – 1892. – №85. – St.925. (In Russ.).
27. Surzhikova N.V., Mikhalev N.A., P'yankov S.A. (2012) Rossiyskoye bezhenstvo 1914–1922 godov v kontekstakh noveyshikh otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [Russian refugee 1914-1922 in the context of the latest domestic and foreign historiography] // Vestnik Permskogo universiteta. – № 3(20). – S.140-152. (In Russ.).
28. Tumanova A.S. (2014) Obshchestvennyye organizatsii Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 god – fevral' 1917 goda) [Public organizations of Russia during the First World War (1914 - February 1917)]. – M.: ROSSPEN. – 326s. (In Russ.).
29. Pevtsova E.A., Pevtsova N.S., Lavitska_ya M.I., Redkous V.M., Matveeva E.S. Influence of migration processes in Europe on law and legal culture of information society // В сборнике: E3S Web of Conferences. VIII International Scientific and Practical Conference «Innovative technologies in science and education» (ITSE 2020).2020. – С. 17023. (in Engl.)

ПОЛУХИН Олег Вячеславович, аспирант кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: polukhin_ov@mail.ru

POLUKHIN O.V., Postgraduate student of the Department of History and State Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: polukhin_ov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРЛОВСКОГО УЕЗДА: В XVI – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

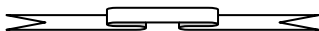
FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE ORYOL DISTRICT: IN THE XVI – EARLY XX CENTURIES

Аннотация. Целью статьи является исследование истории образования, развития и прекращения административно-территориальной единицы — Орловский уезд. Жизнь на рассматриваемой территории существовала в самые древние времена, что подтверждается находками археологов. Уезд был образован в результате построения на южных границах Русского государства города-крепости Орла. В дальнейшем город Орел получил развитие от уездного до губернского центра, и сейчас является административным центром современной Орловской области. В статье проведен анализ исторического развития территории уезда во времени и его преобразования.

Ключевые слова: государство, Орловская губерния, Орловский уезд, волость, стан, история.

Abstract. The purpose of the article is to study the history of the formation, development and termination of the administrative-territorial unit – Orel district. Life on the territory under consideration existed in the most ancient times, which is confirmed by the findings of archaeologists. The district was formed as a result of the construction of the fortress city of Orel on the southern borders of the Russian state. Later on the city of Orel was developed from a district to a provincial center, and now it is the administrative center of the modern Orel region. The article analyzes the historical development of the territory of the district considering the aspects of time and its transformation.

Keywords: state, Orel province, Orel district, parish, camp, history.

Введение

Административно-территориальное устройство государства складывалось на протяжении длительного времени. История административно-территориального деления (АТД) проводит анализ объекта исследования во времени и в пространстве, что имеет прямую связь с такой дисциплиной, как история государства и права. Основными процес-

сами АТД мы считаем рост или сокращение административных единиц, их укрупнение или разукрупнение. Как правило, указанные процессы происходят в ходе административно-территориальных реформ.

Данное исследование посвящено истории административно-территориальной единицы «Орловский уезд». Расширение территорий русского государства в XVI столетии на юг,

где простирались никому не принадлежавшие земли – так называемое дикое поле, проходило специфично, в виде вооруженного конфликта с татарами. В результате этого противостояния в 1566 году у на южном пограничье государства появился новый субъект административно-территориального устройства – город-крепость Орёл, вокруг которого был образован Орловский уезд. С момента образования уезд успешно развивался и, учитывая его географическое положение, являлся самым густонаселённым и наиболее экономически перспективным в отличие от соседних уездов.

История территории Орловского уезда уходит в глубину веков и в полной мере, как и другие территории современной Орловской области, недостаточно изучена, но из тех исследований, которые были проведены, выяснилось, что жизнь в той местности существовала еще в самые давние времена.

В 1995 году на р. Кнубрик у д. Паньково Орловского района открыто археологическое местонахождение, дальнейшее исследование которого, может позволить отнести его к эпохе позднего палеолита. К памятникам раннего мезолита можно отнести комплекс разновременных поселений, открытых археологом А.С. Смирновым в 1990-е гг. на р. Цон у д. Борщёвки Урицкого района. В 1991 году Л. Н. Красницким у с. Салтыки Орловского района открыта стоянка неолита. Находки каменного века выявлены в междуречье устьев рек Цон и Рыбница. На левом берегу Оки, ниже устья р. Цон располагается комплекс археологических памятников, состоящий из городища Гать, двух курганных могильников, нескольких селищ и местонахождений. Памятники бронзового века в виде оружия из меди и бронзы были найдены в захоронении у д. Богдановки Урицкого района и у с. Яковлево Свердловского района. В 1970–1980-е гг. В. А. Ливцов у с. Сабурово Орловского рай-

она по р. Цон, нашел в числе археологического материала тесло бронзового века [11]. Памятники раннего железного века в виде городищ были обнаружены на берегу р. Орлик у с. Звягинки и на р. Моховице у с. Паюсово, на р. Оптухе у д. Черемисино, двух селищ – у д. Бутово Орловского района, селища – у д. Сергиевское и двух селищ – у д. Лебедки Урицкого района и т.д. [8, С.207–251].

Славянский период региона Верхней Оки является малоизученным, поэтому оставляет множество вопросов без ответов. На территории будущего Орловского уезда сохранились памятники эпохи Средневековья в виде городищ.

Славяне при расселении на территории Верхней Оки ассимилировались с жившими там племенами угро-финнов и балтов. Памятниками эпохи Средневековья являются городище у с. Тагино Глазуновского района, городище у с. Городище и д. Колос Урицкого района [8, С.251–258].

Вятичи вытеснили балтийские племена, которые впоследствии подчинили хазары. В Повести временных лет записано: «В лето 6367 (859 г.). Варяги, приходя из-за моря, взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма» [13, С.19].

Верховные правители кочевых племен, как правило, не вмешивались во внутреннюю жизнь славян, которые в основном занимались земледелием, а производили лишь взимание дани.

Киевский князь Святослав в 964 году начал свой военный поход на Хазарский каганат экспедицией на Оку, главной целью которого, было отнятие у хазар славянской земли вятичей, единственно в то время платившей дань каганату. В результате победы над каганатом в 966 году Святослав покорил земли вятичей.

В своем исследовании А. К. Зайцев указывает, что к первой половине XII века относятся первые сведения русских летописей об административном делении Черниговского княжества, в которых упоминаются города будущей Орловщины. Черниговская земля делилась на волости. В числе Новгород-Северского удела Черниговского княжества выделялось две волости: «Лесная земля» и «Вятичи». Он определил, что в 1146–1147 гг. в волость «Лесная земля» входили города Карачев, Воротынский старый, Мценск, Спаш, Домагощь, Кромы, Болдыж и некоторые другие [6, С.82–94].

По мнению А. В. Шекова, после казни Великого князя Черниговского Михаила Всеволодовича 20 сентября 1246 года в Орде Черниговское княжество было разделено на уделы между его сыновьями. Центром Звенигородского удела, вероятно, был Звенигород, находившийся на городище близ современного с. Спасского Орловского района на р. Неполодь, которое Т.Н. Никольская соотносила с остатками летописного города Спаш середины XII столетия [18, С.154–155, 169, 282].

Необходимо отметить существование на территории Орловского уезда нескольких древнерусских городищ XI – XIII вв., в их числе: на территории современного Орловского района – городище Гонючево у д. Тайное; городище Надежда у с. Звягинки; городище у д. Гать; городище у с. Маслово; городище у с. Новодмитровка; городище у с. Паюсово; городище у с. Редькино (в настоящее время село списано); городище у с. Черемисино. Глазуновского района – городище у с. Тагино. Урицкого района – городище Снопково у д. Гнеушево; городище Комаровское у с. Городище; городище у д. Мерцалово, городище у д. Титово-Мотынка.

В.М. Неделин предполагает, что к Звенигородскому княжеству относились укрепленные городища, а также территория, на которой впоследствии и был основан Орёл. В

1986–1988 гг., во время археологических раскопок на месте основания города, наряду с вещами XVI–XVII вв. были найдены и предметы XI–XIV вв. [12, С.36].

В середине XIV столетия Верховские княжества попадают под зависимость Великого Литовского княжества, которое расширяло свои владения за счет русских земель.

М. К. Любавский отмечает, что в середине XIV века на чернигово-северских князьях распространилось литовское владычество. Самым значительным из этих владений был в то время Брянск с принадлежащими ему волостями, князья брянские со второй половины XIII века были старшими над своими родичами и носили титул великих князей Черниговских. С начала XIV столетия в семье брянских князей начались усобицы. В середине XIV века (около 1356 года) Брянск занял великий князь Литовский Ольгерд. Одновременно с Брянским княжеством, Литвою были заняты и другие владения потомков в Чернигово-Северском крае. Кроме того, попали в «зависимость от великого князя Литовского потомки Черниговского князя, владевшие городами и волостями в земле древних вятичей, по верхней Оке и ее притоков, так называемые верховские князья» [10, С.43-44].

Политика верхнеокских князей во второй половине XIV века, направленная на противостояние Орде, привела к началу XV века к ликвидации Карачево-Козельского и Тарусского княжеств и разделу их территорий между великими князьями литовским и Московским. Потеряв свои столицы и центральные владения, князья указанных родов сохранили власть лишь над некоторыми уделами, известными в XV веке: Мосальским, Хотетовским, Перемышльским, Кромским, Елецким, Оболенским, Конинским, Волконским, Мышагским, Барятинским, Спашским.

В летописях мы находим указание о переходе в 1408 году литовского князя Свидригайло Ольгердовича на службу Москве. Ко времени литовско-российской войны 1406–

1408 гг. территория будущего Орловского уезда находилась под сюзереном (юрисдикцией) Великого Литовского княжества.

В XV веке Верховские княжества вплоть до московско-литовской войны 1487–1494 гг. находились под покровительством короля и великого Литовского князя Казимира. Пограничная борьба между Московским и Литовским княжествами за лидерство и центр объединения русских земель завершилась началом войны между этими княжествами, которая получила название «Странная война». По мирному договору 1494 года московский государь смог расширить границы за счет территорий Верховских княжеств. Однако, у сторон было много претензий друг к другу, в связи с чем перемирие не оставалось долгим, и уже в 1500 году началась новая война, закончившаяся в 1503 году значительным расширением земель Московского княжества.

Подводя итоги этого периода, М. М. Кром указывает, что в последней четверти XV века происходил активный процесс вхождения восточнославянских земель под власть московского государя, и в этом процессе принимали участие в основном «украинные». В ходе войны 1500–1503 гг. на службу к Москве от литовских великих князей перешли князья: Бельский, Можайский, Шемячич, Трубецкие; кроме того, было захвачено много городов: Брянск, Путивль, Дорогобуж, Карачев, Хотимль, Хотетово, Белев, Мценск и др. [9, С. 114–118].

Земли будущего Орловского уезда стали ареной первого русско-татарского боестолкновения 1507 года в череде последующих многочисленных крымских походов на Русь и ответных походов русского войска на Крым. Летом 1507 года крупное войско крымского хана выдвинулось на Верховские княжества, именно навстречу ему Василий III направил свои войска.

Летом 1507 года поступило сообщение, что готовится татарское нападение на погра-

ничные земли Московского княжества. Великий князь послал к границам своих воевод со служилыми князьями Одоевским, Воротынским, Козельским. Войска находились в Воротынске, а когда пришло известие о нападении татар на пограничные земли и захвате пленников, то русское войско отправилось в погоню. 9 августа 1507 года войско нагнало татар на реке Оке, где состоялся бой: татарское войско было уничтожено, пленники освобождены, а остатки этого войска гнали до реки Рыбницы.

В первой половине и середине XVI века крайним русским городом, примыкавшим к «полю», была Тула. Постоянная угроза нападения со стороны Крымского ханства создавала напряженную обстановку на границе русского царства, в связи с чем приходилось принимать меры к повышению обороноспособности территории. В 1560-х гг. на пограничье стали появляться новые города-крепости, зачастую недалеко мест летописных городищ. Так в исследованной нами местности появились города: Новосиль (1562–1563гг.), Болхов (1555г.), Орёл (1566г.). Новый город-крепость Орёл, вступив в ряд передовой укрепленной линии, немедленно начал отправлять все обязанности тогдашней крепостной службы.

Существует две основные версии о дате основания города и его основателе. Бесспорно, город был основан по указу (повелению) царя Ивана IV Васильевича (Грозного), по Г. М. Пясецкому, 28 октября 1564 года [14, С.32]. По второй версии, в наши дни представленной В. М. Неделиным, город Орёл был основан, вероятно, 21 сентября (по новому стилю) 1566 года [19, С.224].

Вторая дата основания города нам представляется более верной, нежели первая. Вероятно, Г. М. Пясецкий взял свою версию из архивного источника первой половины XIX века, но откуда в этом источнике появилась именно эта дата, указаний нет. В. М. Неделин

же в своих утверждениях ссылается на летописные источники и делает выводы из совокупности исторических событий того времени. Задолго до В. М. Неделина воронежский историк В. П. Загоровский (1925–1994 гг.), работая со списками воевод «украинных» городов по состоянию на осень 1565 года, Орла в нем еще не увидел. Но в аналогичном списке от апреля 1567 года Орёл уже присутствует. Это позволило профессору Воронежского государственного университета сделать однозначный вывод о строительстве Орловской крепости именно в 1566 году, а не в более ранний период.

В свою очередь, в дополнениях к Никоновской летописи находим: «Лето 7075-го...<...>...Того же лета октября в 28 день...<...>...Того же лета повилением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставлен бысть город на поле на реке Орлее» [14, С.404–405].

По мнению В. П. Загоровского, появление «Болхова как новой русской крепости на краю Поля закрыло прямой путь татарам к Белёву и Козельску, несколько улучшило военное положение Мценска, в значительной мере подготовило последовавшее вскоре основание Орла» [5, С.97, 103]. Историк считает, что поход Девлет-Гирея к Болхову в 1565 году, стал поводом для основания Орла в 1566-м.

Вместе с тем и версия Г. М. Пясецкого о более ранней, нежели 1566 год, дате основания города Орла имеет под собой определенные основания. Ведь князь Андрей Дмитриевич Палецкий (? – 25.09.1579гг.) получил назначение первым воеводой на реку Орёл именно в 1565 году, а уже затем был в том же году переведен в г. Новосиль. Отметим, что князь А. Д. Палецкий дважды был орловским воеводой. После Новосилья его отправили на войну с Великим княжеством Литовским, а в 1569 году Палецкий вновь в Новосиле, где успешно воевал против крымских татар. После освобождения Новосилья от

осады в 1571 году Андрея Дмитриевича вновь направляют в Орёл, который в это время становится центром Орловского уезда. Здесь он не задерживается, и весной 1572 года мы можем видеть его в Дедилове (древний вятичский город Дедославль, ныне – село Киреевского района Тульской области), где двумя десятилетиями ранее была сооружена мощная дубовая крепость. А летом 1572 года А. Д. Палецкий уже в составе русских воевод Большого полка участвует в знаменитой битве у с. Воскресение в Молодях (в 70 км от Москвы), после которой международное положение Московской Руси, ослабленной Ливонской войной и татарским разорением Москвы в 1571 году, значительно укрепляется, ее завоевание Казанского и Астраханского ханств теперь сложно оспаривать. Так дважды орловский воевода князь А. Д. Палецкий вносил свой вклад в историю Российского государства.

С появление города-крепости Орла вокруг него образовался Орловский уезд, который в 1594–1695 гг. состоял из пяти станов: Неполоцкого, Каменского, Корчаковского, Нугорского, Тайчуковского.

В начале XVII века круговерть Смутного времени (1604–1612гг.) захватила и Орёл. В мае 1605 года город перешел на сторону Лжедмитрия I. Во время восстания Ивана Болотникова, на некоторое время Орёл стал складочным пунктом и местом сбора повстанцев. Лжедмитрий II назывался «орловский царик» в связи с тем, что Орёл стал надежным местом для пребывания самозванца. При польской интервенции Орёл был подвержен погрому. В сентябре 1615 года в окрестностях Орла произошел бой русского войска, возглавляемого Дмитрием Михайловичем Пожарским с войском атамана Лисовского.

В описании Орла, составленном в первой половине XIX века, о Смутном времени сказано: «...первое в самом начале 17-го столетия во время возмущения Московскаго

государства первым Дмитрием Ложным претерпел сей город не малое разорение; второе – в том же столетии при царствовании царя Иоанна Васильевича Шуйского и царя Михайлы Федоровича пострадал от набегов Литовских...» [16, С.1].

Необходимо отметить, что в 1611 году, во время Смуты, Орёл был сожжен войсками пана Запроевского, летом 1615 года польские войска Александра Лисовского – так называемые лисовчики – окончательно разрушили город. Однако Орловский уезд как административная единица сохранился, хотя с 1615 по 1634 год воеводы в Орёл не назначались. В 1635 году возник вопрос о возобновлении Орла: служилые люди подали челобитную о восстановлении города на прежнем месте. Первым после разорения орловским воеводой в 1634 году был назначен стольник Дмитрий Фёдорович Колтовский (до 1575 – после 1649), ранее управлявший соседним Мценским уездом, но уже в 1635 году его сменил Борис Севастьянович Колтовский, под руководством которого и стал восстанавливаться Орёл.

После Смуты, всю первую половину XVII века, традиционными врагами для орлян оставались литовцы и крымские татары, которые периодически совершали свои нападения на Орловский уезд. Во второй половине XVII века территория уезда стала постепенно привыкать к мирной жизни.

В конце 1650-х – начале 1660-х гг. в рамках военной реформы российского государства был образован Севский военно-административный округ (разряд), состоявший из определенного количества уездов с главным городом. Воеводами разрядов назначались бояре, им подчинялись воеводы уездов. Так, в 1665 году Орловский уезд числился в составе Севского разряда. На тот период времени в Орловском уезде числилось также пять станов. На 1678 год «Каменский стан располагался в северо-восточной части

уезда и насчитывал 562 двора; Корчаковский стан располагался в западной части уезда, насчитывал 675 дворов; Неполоцкий стан располагался к северу от Орла и насчитывал 452 двора; Нугорский стан располагался в северо-западной части уезда и насчитывал 172 двора; наконец, Тайчуковский стан располагался к югу и востоку от Орла, в нем числилось 660 дворов» [2, С. 215, 217, 237–238]. В качестве военно-административных округов Белгородский и Севский разряды существовали до начала XVIII века (до реформ Петра I).

В начале XVIII века Орловский уезд числился в составе Киевской губернии. Последним воеводой Орловского уезда стал назначенный в 1704 году стольник и московский дворянин Иван Андреевич Посников (около 1655г. – между 1710 и 1714 гг.), кроме того, у воеводы было имение и в соседнем Кромском уезде. По произведенной в 1710 году переписи населения, «в Орловском уезде насчитывалось всего 5157 дворов, в них проживало 53 283 человека, из них: 27 247 мужчин и 26 036 женщин» [7, С.50–53].

В 1727 году из Киевской губернии выделена Белгородская, состоявшая из Белгородской, а также Орловской и Севской провинций. Орловской провинцией в этот период руководил провинциальный воевода Григорий Максимович Теприцкий (1668–1734гг.), подполковник. По сведениям на 1764 год, в составе «Орловской провинции значились города Орёл, Белёв, Болхов, Мценск, Новосиль и Чернь» [1, С.13].

Указом императрицы Екатерины II, данным Сенату, от 28 февраля 1778 года «Об учреждении Орловской губернии» начинается формирование губернии. Орловское наместничество во главе с Александром Васильевичем Гревсом было учреждено указом от 5 сентября 1778 года с присоединением к нему «из Воронежской губернии Ливенского уезда, за исключением до 10 000 душ, отне-

сенных к Белгородской губернии, и Елецкого уезда, за исключением 18 душ, отнесенных к Воронежской губернии, с лежащим между этими уездами городом Чернавском и с отделением 15 000 душ от Севского уезда к Белгородской губернии»¹. В составе Орловского наместничества были 13 уездов (Орловский, Болховский, Кромской, Ливенский, Малоархангельский, Мценский, Дешкинский, Луганский, Брянский, Елецкий, Карачевский, Севский, Трубчевский).

Необходимо отметить, что с 1780 года в Российской империи существовали два Орловских уезда: один – в центральной части Европейской России с центром в городе Орле существовал с 1571 года, а второй – с центром в городе Орлов был учрежден в составе Вятского наместничества на базе Орловского дистрикта Вятской провинции Сибирской губернии (Орловский дистрикт был образован в 1719 году). Таким образом у Орловского уезда Орловской губернии появился младший собрат.

Орловское и Курское генерал-губернаторство создаётся 15 июня 1781 года «в 1796 году в ходе Павловской губернской реформы была окончательно утверждена Орловская губерния с 12 уездами, в составе которой значился Орловский уезд, просуществовавшие до 1918 года» [17, С.19–20].

В 1861 году «в Орловской губернии в уездах были образованы волости, которые стали низшей административно-территориальной единицей крестьянского самоуправления. В марте–декабре 1861 года в Орловском уезде было образовано 26 волостей» [1, С.15].

Во второй половине 1860-х гг. в России вводится специальное полицейское деление уездов на станы, в которые назначаются ста-

новые приставы. Орловский уезд был разделен на три стана с центрами: первый – в удельном с. Никольском (Лопухино), второй – в с. Богдановка, третий – г. Орел. На 1880 год в 1-й стан Орловского уезда входили волости: Богодуховская, Богородицкая, Очкинская, Собакинская, Старо-Полевская, Философская, Яковлевская. Во 2-й стан Орловского уезда входили волости: Альшанская, Богдановская, Городищенская, Масловская, Стрелецкая, Талызинская, Шеншинская. В 3-й стан Орловского уезда входили волости: Баклановская, Богословская, Лавровская, Плещеевская, Покровская. Тогда в Орловском уезде числилось 19 волостей с количеством населения по семейным спискам 121 889 человек, из них мужчин – 60 141, женщин – 61 748 [3, С.220–222, 242].

К 1913 году в Орловском уезде было также три стана: 1-й с центром в сельце Глебово, 2-й – станция Нарышкино, 3-й - г. Орёл. Числилось, как и в последней четверти XIX века, 19 волостей, среди них: А(О)льшанская (с. А(О)льшан), Баклановская (с. Бакланово), Богодуховская (с. Богодухово), Богородицкая (с. Богородицкое), Богословская (с. Богословское), Городищенская (с. Городище), Лавровская (с. Лаврово), Масловская (с. Маслово), Очкинская (с. Архангельское), Плещеевская (с. Плещеево), Покровская (с. Покровское), Собакинская (с. Архангельское, Собакино), Старо-Полевская (с. Старое Полево), Стрелецкая (сл. Старая Стрелецкая), Талызинская (с. Талызино), Философская (с. Никольское), Шеншинская (с. Шеншино), Яковлевская (с. Яковлево) [4, С.156].

При советской власти продолжают реформы АТД, которые затрагивают и территорию Орловской губернии. СНК РСФСР издает 27 января 1918 года Декрет «О порядке изменения границ губернских, уездных и прочих», согласно которому, вопрос об административно-территориальном делении был передан для его разрешения на места.

Местные власти не сразу воспользова-

¹ Кроме того, от Острогожской провинции отчислено в Орловское наместничество 1293 души мужского пола (Ден В. Население России по пятой ревизии. Т.1. М., 1902, С. 317).

лись новыми полномочиями. Лишь 14 февраля 1923 года произведены первые административно-территориальные преобразования в волостях по всем уездам Орловской губернии. В 1923 году в Орловском уезде стало 9 волостей: Богородицкая (были объединены Богородицкая и Городищенская волости), Лавровская (Лавровская и Ольшанская), Ломовская (Долговская и Михайловская), Песочинская (Баклановская, Богословская и Плещеевская), Покровская, Рябинская (Бунинская, Рябинская и Талызинская), Свердловская (Богодуховская, Никольская и Яковлевская), Стрелецкая (Масловская и Стрелецкая), Урицкая (Богородицкая, Городищенская и Шеншинская) [1, С.18–20]. В это время Орловской губернией фактически руководил ответственный секретарь губернского комитета РКП(б) Николай Николаевич Шевяков, который одновременно занимал и пост председателя исполнительного комитета Орловского губернского Совета.

Радикально меняется карта Орловской губернии в 1924 году, когда ее партийным руководителем являлся Михаил Осипович Разумов – ответственный секретарь губернского комитета РКП(б). 11 февраля 1924 года был ликвидирован Кромской уезд, а его волости разделили между собой Орловский и Малоархангельский уезды, а через три месяца – 19 мая 1924 года – местными властями был упразднен еще и Мценский уезд, его земли были разделены между Болховским уездом и всё тем же Орловским. В результате после таких радикальных изменений административно-территориальных границ «по состоянию на октябрь 1927 года в составе Орловского уезда значатся 11 волостей: Воинская, Кромская, Ломовская, Мценская, Нижне-Боевская, Орловская, Песочинская, Рябинская, Свердловская, Троицкая, Урицкая» [1, С.23–26]. В таком укрупненном виде Орловскому уезду суждено было просуществовать менее четырех лет.

14 мая 1928 года образована Центрально-Чернозёмная область (ЦЧО) в результате объединения Орловской, Воронежской, Курской и Тамбовской губерний с одновременным проведением районирования – раздробления упраздняемых уездов на районы. С районированием прежних административно-территориальных единиц прекратил свое существование Орловский уезд, территория которого вошла в несколько вновь образованных районов: Малоархангельского, Моховского, Мценского, Орловского, Свердловского, Урицкого. Вот так коротко можно описать историю Орловского уезда, образованного около 1571 года и ликвидированного в 1928 году, территория которого сейчас входит в состав Орловской области.

Судьба вятского Орловского уезда завершилась еще раньше – в 1923 году город Орлов переименовали в город Халтурин в честь революционера-террориста Степана Николаевича Халтурина (1856–1882гг.), родившегося в вятском Орловском уезде. Теперь по фамилии террориста, устроившего взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года, в результате которого погибшими стали 11 солдат – ветеранов Русско-турецкой войны и еще 56 солдат, премированных службой в царском дворце, были ранены, император Александр II в результате взрыва не пострадал. Бывший Орловский, а затем Халтуринский уезд в ходе районирования был расформирован в 1929 году, его часть – Халтуринский район был включен в состав Вятского округа Нижегородского края, а в настоящее время – в составе Кировской области. В 1992 году районному центру вернули историческое название и в наши дни существует Орловский район Кировской области с одним городским и восемью сельскими поселениями. То есть с 1780 по 1923 год существовало два Орловских уезда, а с 1992 года в Российской Федерации – два Орловских района, в Орловской и Кировской областях.

Заключение

Таким образом, в завершении проведённого исследования административно-территориальной единицы «Орловский уезд», можно сделать выводы, что его образование связано с укреплением южных границ русского государства, где был построен город-крепость Орёл, вокруг которого образовался одноименный уезд. Изначально заселение территории уезда производилось служилыми людьми вновь построенной крепости. В конце XVI века уезд являлся одним из густонаселенных на южных рубежах государства. За время существования уезда его границы неоднократно изменялись. Учитывая географическое положение уезда относительно его административного центра, в XVIII веке ставшего провинциальным, а затем и губернским центром, сам уезд развивался в численном, военно-политическом, экономическом и промышленном отношении. Не обошли стороной уезд административно-территориальные реформы XIX века при образовании волостей. Упразднение уезда в 1928 году, также произошло в ходе административно-территориальной реформы советского государства, когда вместо губерний и уездов, были введены новые единицы – области и районы. В результате разукрупнения Орловского уезда, его территории вошли в состав образованных Орловского, Моховского, Урицкого, Свердловского, частей Мценского, Малоархангельского районов. Так завершилась более чем 350-летняя история Орловского уезда.

Библиография:

1. Административно-территориальное деление Орловской области 1928–2011 гг.: Справочник: В 2 т. – Т. 1 / БУ ОО «Государств. архив Орловской области». – Орёл: Картуш, 2014. – 428 с.
2. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII вв.: диссертация ...

доктора исторических наук: 07.00.02. – М., 1975. – 445 с.

3. Волости и важнейшие селения Европейской России. – Вып. 1. – СПб., 1880.
4. Волостные, станичные, сельские, гминные правления и управления, а также полицейские станы всей России с обозначением места их нахождения. – Киев: Издательство Товарищества Л.М. Фиш, 1913. – 94 с.
5. Воротникова И.А., Неделин В.М. Кремли, крепости и укрепленные монастыри русского государства XV – XVII веков. Крепости юга России. Т. 2. Кн. 1. – М.: Индрик, 2016. – 556 с.
6. Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 269 с.
7. Зайцев А.К. Черниговское княжество X – XIII вв.: избранные труды. – М.: Квадрига, 2009. – 226 с.
8. Ключков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения. (1678–1721). Т.1. СПб.: Сенаторская типография, 1911. – 435 с.
9. Краснощёкова С.Д., Красницкий Л.Н. Археология Орловской области. – Орёл: Вешние воды, 2006. – 320 с.
10. Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. – 2-е изд, испр. и доп. – М.: Квадрига; Объединённая редакция МВД России, 2010. – 320 с.
11. Ливцов В.А. История формирования духовных начал в образовательной системе России в XVIII веке // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2013. – № 6 (35). – С. 57-60.
12. Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. – М.: Университетская типография, 1892. – 998 с.
13. Неделин В.М. Орёл изначальный. Ис-

тория, архитектура, жизнь и быт. – Орёл: Вешние воды, 2001. – 280 с.

14. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 1. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926.

15. ПСРЛ. Т. 13. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. СПб., 1906.

16. Пясецкий Г.М. Забытая история Орла. Составитель, автор предисловия и примечаний В.М. Катанов. – Тула: Приокское книжное издательство. – Орёл: Издательство Орловской государственной телерадиокомпани, 1993. – 251 с.

17. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1007. Л. 1.

18. Саран А.Ю. Большая Орловщина. История административных границ. 1566–2012 гг.: Монография. – Орёл: ПФ «Картуш», 2013. – 296 с.

19. Шеков А.В. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII – середина XVI в. – М.: Квадрига, 2018. – 522 с.

References:

1. Administrativno-territorial'noye deleniye Orlovskoy oblasti 1928–2011 gg. [Administrative-territorial division of the Oryol region 1928–2011: Handbook: In 2 volumes]: Spravochnik: V 2 t. – Т. 1 / BU ОО «Gosu-darstv. arkhiv Orlovskoy oblasti». – Orol: Kartush, 2014. – 428s. (In Russ.).

2. Vodarskiy Ya.Ye.Naseleniye Rossii v kontse XVII – nacha-le XVIII vv. [The population of Russia at the end of the XVII - beginning of the XVIII centuries]: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. – М., 1975. – 445s. (In Russ.).

3. Volosti i vazhneyshiy seleniya Yevropeyskoy Rossii [Volosts and the most important settlements of European Russia]. – Vyp. 1. – SPb., 1880. (In Russ.).

4. Volostnyya, stanichnyya, sel'skiya, gminnyya pravleniya i upravleniya, a takzhe politseyskiye stany vsey Rossii s oboznacheniyem mesta ikh nakhozheniya [Volostnyaya, stanichnyya, rural, commune administrations and administrations, as well as police camps throughout Russia, with the designation of their location]. – Kiyev: Izdatel'stvo Tovarishchestva L.M. Fish, 1913. – 94s. (In Russ.).

5. Vorotnikova I.A., Nedelin V.M. (2016) Kremli, kreposti i ukreplennyye monastiri russkogo gosudarstva XV – XVII vekov. Kreposti yuga Rossii [Kremlin, fortress and fortified monasteries of the Russian state of the 15th - 17th centuries. Fortress of the South of Russia]. Т.2. Кн. 1. – М.: Indrik. – 556s. (In Russ.).

6. Zagorovskiy V.P. (1991) Istoriya vkhozheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiy-skogo gosudarstva v XVI veke [The history of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century]. – Voronezh: Izd-vo VGU. – 269s. (In Russ.).

7. Zaytsev A.K. (2009) Chernigovskoye knyazhestvo X – XIII vv. [Chernigov principality X - XIII centuries: selected works]: izbrannyye trudy. – М.: Kvadriga. – 226s. (In Russ.).

8. Klochkov M. (1911) Naseleniye Rossii pri Pet-re Velikom po perepisyam togo vremeni. Perepisi dvorov i naseleniya [Population of Russia under Peter the Great according to censuses of that time. Census of households and population]. (1678–1721). Т.1. – SPb.: Senat. tipografiya. – 435s. (In Russ.).

9. Krasnoshchokova S.D., Krasniyskiy L.N. (2006) Arkheologiya Orlovskoy oblasti [Archeology of the Oryol region]. – Orol: Veshniye vody. – 320s. (In Russ.).

10. Krom M.M. (2010) Mezh Rus'yu i Litvoy. Po-granichnyye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV – pervoy treti XVIv. [Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th - first third of the 16th century. -

2nd ed., Rev. and add] – 2-ye izd, ispr. i dop. – M.: Kvadriga; Ob"yedinonnaya redaktsiya MVD Rossii. – 320s. (In Russ.).

11. Livtsov V.A. (2013) Istoriya formirovaniya dukhov-nykh nachal v obrazovatel'noy sisteme Rossii v XVIII veke [The history of the formation of spiritual beginnings in the educational system of Russia in the 18th century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – № 6 (35). – S. 57-60. (In Russ.).

12. Lyubavskiy M.K. (1892) Oblastnoye deleniye i mestnoye upravleniye Litovsko-russkogo gosudarstva ko vremeni izdaniya pervogo Litovskogo statuta [Regional division and local government of the Lithuanian-Russian state at the time of the publication of the first Lithuanian Statute]. – M.: Universitetskaya tipografiya. – 998s. (In Russ.).

13. Nedelin V.M. (2001) Orol iznachal'nyy. Istoriya, arkhitektura, zhizn' i byt [The original eagle. History, architecture, life and everyday life]. – Orol: Veshniye vody. – 280 s. (In Russ.).

14. Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]. – T.1. Vyp.1. Povest' vremennykh let. – L., 1926. (In Russ.).

15. PSRL. T.13. Vtoraya polovina. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi [Second half. Supplements to the Nikon Chronicle]. – SPb., 1906. (In Russ.).

16. Pyasetskiy G.M. (1993) Zabytaya istoriya Orla. Sostavitel', avtor predisloviya i primechaniy V.M. Katanov. – Tula: Priokskoye knizhnoye izdatel'stvo [Forgotten history of the Eagle. Compiled by V.M. Katanov. - Tula: Priokskoe book publishing house]. – Orol: Izdatel'stvo Orlovskoy gosudarstvennoy teleradiokompanii. – 251s. (In Russ.).

17. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1355. Op. 1. D. 1007. L.1. (In Russ.).

18. Saran A.Yu. (2013) Bol'shaya Orlovshchina. Istoriya administrativnykh granits. 1566–2012 gg. [Bolshaya Orlovshchina. History of ad-

ministrative boundaries. 1566–2012: Monograph]: Monografiya. – Orol: PF «Kartush». – 296s. (In Russ.).

19. Shekov A.V. (2018) Politicheskaya istoriya i geografiya Verkhovskikh knyazhestv. Seredina XIII – seredina XVI v. [Political history and geography of the Verkhovsk principalities. Mid XIII - mid XVI century]. – M.: Kvadriga. – 522s. (In Russ.).

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история

07.00.03 – Всеобщая история

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

117571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

При перепечатке материалов ссылка на журнал

«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.

Главный редактор П. А. Меркулов

Ответственный секретарь Е. С. Матвеева

Переводчик А. И. Лаврищев

Корректор И. Л. Железняк

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 3020001, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 10.07.2021. Дата выхода тиража в свет 30.07.2021.

Усл. п. л. 11,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 1000 экз. (первый завод – 25 экз. Заказ № ____).

Цена свободная.

© Вестник государственного и муниципального управления

Научно-образовательное издание

№ 2 (40) 2021г.